

fenno-ugristica

fenno - ugristica

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 517 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г.

**СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ
УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ**

FENNO - UGRISTICA

**ТРУДЫ
ПО ФИННО-УГРОВЕДЕНИЮ**

6

TARTU 1980

Toimetuskolleegium:

P. Alvre (esimees), A. Künnap, P. Palmes, H. Rajando,
S. Smirnov, E. Vääri (vastutav toimetaja).

Keelelised toimetajad: O. Mutt, S. Smirnov, K. Uustalu,
E. Vääri.

Kunstiliselt kujundanud K. Põllu.

K e s s ö n a

Käesolevaga jõuab lugejani Tartu Riikliku Ülikooli soome-ugri keelte kateedri poolt väljaantava sarja "Fenno-ugristika" 6. vihik, mis kannab pealkirja "Tõid uurali keelte sõnavara ja grammatika alalt". Uurali keelte lausestruktuuri vaatleb oma üldteoreetilises kirjutises P. Alvre. Kaugematest keeltest on esindatud lõunasamojeedi keeled, mille vene sõnavaralisi laene registreerib A. Künnap. Ungari murdekaartide koostamise põhimõtteid tutvustab K. Mokány. Permi keelerühma keeli hõlmavad G. N. Romanova ja B. S. Zaguljajeva kirjutised. Volga keeltest on suuremat tähelepanu pälvinud mari keel, mille kauseõpetuse küsimusi vaagivad Z. K. Ivanova ja G. Valitov. Läänemeresoome keeltest on hõlmatud karjala, vadja, liivi ja eesti. Karjala keele verbides toimuvaid morfonoloogilisi vaheldusi jälgib L. F. Markianova, inessiivi karjala keele Djorža murrakus aga P. Palmeos. Saksa laensõnu vadja keeles käsitleb P. Ariste ja liivi mõningaid verbisufikseid E. Vääri. Eesti keele ainestikust lähtuvad P. Alvre ja L. Treimani kirjutised. Uurimustele lisaks sisaldab käesolev vihik ringvaate ja retsensioone.

Üldpealkirjast lähtudes on esikohal kirjutised sõnavarast ja grammatikast, kusjuures püütakse valgustada rohkemal määral süntaksiküsimusi, mis soome-ugri keeleteaduses on seni vähem uuritud alaks olnud. Teoreetiliste käsitluste kõrval on esitatud rikkalikult ka keeleainestikku, mis on aluseks edaspidistele uurimustele.

Kõik esitatud ja avaldatavad materjalid on redigeeritud ja tehniliselt ühtlustatud, samas aga säilitatakse autorite

isikupära, mis ilmneb ka allikate esitamise tehnikas. Kirjutistele lisatakse resümeed ühes või kahes keeles. Vene-, saksa- ja ingliskeelseid tekste on sõbralikult redigeerinud kolleegid S. Smirnov, K. Uusalu ja O. Mutt.

"Fenno-ugristica" toimetuse loodab, et käesolev 6. vihik leiab piisavalt lugejaid nii Eesti NSV-s kui ka liidu- ja autonoomsetes vabariikides, kus tegeldakse soome-ugri keeltega, ning annab lisa fenno-ugristikaalasesse uurimistöösse.

Toimetaja

P. A l v r e
(Tartu)

LAUSESTRUKTUURI ARENGUST UURALI KEELTES

Lausestruktuuri uurimisel pole võimalik mööda minna konjunktsioonidest. Nad seevad sõna, üksikuid lauseosi või koguni terveid lauseid. Olles funktsioonilt rinnastavad või alistavad, kannavad nad endaga kaasas erinevaid tähendusi ning lubavad juba selle najal teha järeldusi lausetüübi kohta. Konjunktsioonideta ei kujuta me tänapäeval ette ei indo-euroopa ega enamikku uuraligi keelkonna keeli.

Ometi pole konjunktsioonid uurali keelte iidne sõnaliik. Nad on tekkinud oma valdavas enamikus suhteliselt hilja üksikkeelte arengu perioodil. Konjunktsioonide ilmumine on andnud tõuke lausestruktuuri komplitseerumiseks, kuid keerukam lausestus pole omakorda mõeldav ilma konjunktsioonideta. Nii tingib oma ajaloolises arenemises üks grammatiline ilming teist. Pole suudetud näidata ühtki ühist soomeugri aluskeelde ulatavat koordineerivat, lauseosi või lauseid rinnastavalt ühendavat sidesõna, rääkimata subordineerivaist sidesõnadest, mis tänapäeval on omased alistava konstruktsiooniga põimlausele. Sellest on mitmed süntaksi uurijad (P. Ravila, D. R. Fokos-Fuchs, J. Angere jt.) teinud kaugeleulatavaid järeldusi, märkides, et varasemate keelevormide lausekonstruktsioon on pidanud olema põhimõtteliselt hoopis midagi muud kui tänapäeval, mil see eriti lämspeelseis soome-ugri keelis enam põhimõtteliselt indo-euroopa omast ei erine.¹

¹ B. C e l l i n d e r , Comparative Grammar of the Uralic Languages. Uppsala, 1960; vt. selles eriti P. R a v i l a kirjutatud peatükki "Sentence Structure", lk. 247 jj.; D. R. F o k o s - F u c h s , Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachwissenschaft mit besonderer Rücksicht auf das Problem der ural-altaischen Sprachwissenschaft. Wiesbaden, 1962, lk. 106; J. A n g e r e , Die uralo-jukagirische Frage. Ein Beitrag zum Problem der sprachlichen Verwandtschaft. Stockholm, 1956, lk. 132. - Vt. ka R. K a r e l s o n , Soome-ugri keelte lausestruktuurist seoses

P. Ravila on uurali aluskeelele omistanud seitse sünktaktilist põhiseärasust, millest kaks on vahetult seotud konjunktsioonide puudumisega nii liht- kui liitlauses: 1) lauseehituse põhireegliks oli subordinatsioon, 2) polnud otsesid hüpotaksi, sest laused järgnesid üksteisele parataktiliselt.²

Rinnastuse väljendamine kopulatiivsete konjunktsioonideta on iidse joonena veel mitmes soome-ugri keeles säilinud. Algupärasele, lihtlauseist koosnevale uususele on üsna lähedal (või otse esindavad seda) obiugri keeled, kus sidesõna asemel on korduvad lauseliikmed. Järgnevas handi näites kordub öeldis wustən 'nad võtsid': lin kunšap wustən, læstən wustən, tut kēw wustən 'Nad võtsid kammi, nad võtsid luisu, nad võtsid tulekivi'. Ka mansi keeles moodustab korduv verb oma laienditega parataktiliste lausete rea: man ätn eri, man ülām eri, manä tēn-ut eri 'millist raha vajatakse, millist rõivastust vajatakse, millist söögipoolist vajatakse'. Sama võib täheldada samojeedi keeltes, kus iga erineva aluse puhul korraldatakse ühtsama predikaati hās 'suri'. Kuid igasugune sidesõna puudub: neenetsi niseau hās, nēh hās, hau hās 'minu isa suri, minu ema suri, minu vend suri'.³ Vormiliselt on siin tegemist primitiivse asüntheetilise rindlausega, mis sisuliselt vastab tänapäeva koondlausele (s.o. samanimeliste lauseliikmetega laiendatud lihtlausele). Sellist enumeerivat väljendusviisi, mida muide tuntakse ka tunguusi ja reas Aafrika keeltes, peetakse üldiselt väga vanaks ja on tõenäoline, et ta on võinud kuuluda ka uurali (resp. soome-ugri) aluskeele asüntheetilise lausekonstruktsiooni iseloomustavate joonte hulka.

Omaette probleemiks aga jääb, kas tänapäeva sünteetiline koondlausetüüp Ma sõin leiba ja kala laseb end vahetult taandada primitiivsele rinnastavale liitlausele Ma sõin leiba, ma sõin kala või tuleb siin vahepeal näha suurt kva-

konjunktsioonidega. - Emakeele Seltsi Aastaraamat IV. Tallinn, 1959, lk. 195 jj., vt. samuti mainitud kirjandust.

Käesoleva ülevaate ainestik pärineb põhiliselt allmärkustes mainitud teoseist.

² Samas, lk. 250.

³ M. A. C a s t r é n, Grammatik der Samojedischen Sprachen. Herausgegeben von A. S c h i e f n e r, St. Petersburg, 1854, lk. XXI.

litatiivset hüpet keelelise üldistusvõime arengus, enne kui jõuti järgmise, asündeetilise astmeni Ma sõin leiba, kala. Alles viimase baasilt jõuti ilmselt tänapäeva sünteetilise konstruktsioonini Ma sõin leiba ja kala.

Mis puutub tänapäeva sünteetilise rindlause kujunemis- se kopulatiivsete sidesõnadega, siis lähtekoht on siin üld- joontes sama kui koondlauseilgi: parataktiliselt üksteise kõrvale lükitud sidesõnata laused, mida veel ei iseloomus- tanud ühine lausemeloodia ja viimase lauseosa lõpu laskuv intonatsioon.

Rindlause asündeetilist tüüpi tuntakse mõningal määral kõigis soome-ugri keelis, kuid obiugri rühmas on see veel tänapäevalgi reegliks, näit. mansi pay pūhten, mən tārka- hul pajtsuw, hūl tājen 'tule maale, me oleme keetnud ahve- naid, söö kala'. Kriiti tavaline on vastandava sidesõna puu- dumine, mida illustreerigu näide udmurdi keelest: Тӱр ур сюды - уж сюды (vanasõna) 'Kirves ei toida - töö toidab'.

Lihtlauses esindavad iidset tüüpi asündeetilised kopu- latiivsed sõnaosad (või otse liitsõnad⁴), mis haaravad põ- hiliselt noomeneid ja verbe, kuid küllaltki sageli ka teisi sõnaliike. Näit. karjala hänelleh izä, emä kuzütäh 'tema isa (ja) ema küsivad, lapi algaj nijd dorgen maazad 'poiss ja tüdruk kiirustasid koju', mordva pop dijakon sast 'papp (ja) diakon tulid', komi syly panyd lovaš (ainsuse 3. pööre), šafga-gruda, nah-tupš 'temale vastu tuleb puuhunnik (ja) leivapäts', handi ohsar imi šowar imi ulləqən 'rebaseit (ja) jäneseit elavad', ungari šjjel-nappal 'öösel (ja) päe- val', szánt-vet (= külma-lõikama) 'põldu harima'. Soome keele puhul on asündeetilist kopulatiivsuust uuritud dokto- riväitekirja raames. P. Pulkkineni uurimusest selgub, et kõne- ja murdekeeles on see säilinud üldisemal ja algupära- semal kujul kui kirjakeeles.⁵ Kuid kirjakeelegi asündeeti- lised väljendid on käegakatsutavalt teist tüüpi kui kopula- tiivsed seosed lähikonnas kõneldavais indo-euroopa keelis, näit. illoin aamuin 'õhtuti (ja) hommikuti', syksyin keväin 'sügiseti (ja) kevaditi', siellä täällä 'seal (ja) siin', ei näy ei kuulu 'pole näha (ega) pole kuulda' jt.

⁴ E. I t k o n e n , Kieli ja sen tutkimus. Helsinki, 1966, lk. 315.

⁵ P. P u l k k i n e n , Asyndeettinen rinnastus suo- men kielessä. Helsinki, 1966, lk. 11 jj.

Asjaolust, et uurali aluskeele lauses on olnud määra-
vaks verbini väljaulatav subordinatsioon (aga mitte koordi-
natsioon), järeldubki vahetult, miks inde-euroopa keeli ise-
loomustav sidesõnaline kopulatsioonisuhe ladina pater et ma-
ter 'isa ja ema' (mis muide laseb end asendada samatähhen-
dusliku ütlusega mater et pater 'ema ja isa') ei sobinud
hästi keelesüsteemi.

Tõsi, ega eespool nimetatud paarissõnusi (ungari éjtel-
-nappal, szánt-vet jt.) ilmne mingit aluskeele oodatud sub-
ordinatsiooni, kuid igal juhul on nad asündeetiliste väl-
jenditena nii vanad, et mõnede uurijate arvates pärinevad
juba uurali-altai ühisajast.⁶

Kahe kõrvuti paikneva sõna subordinatsiooni tuleb ura-
li keelis mõista ikkagi kui rectum - regens suhet, kusjuu-
res laiend on paiknenud alati laiendatava sõna ees. Nende
erinevat grammatilist funktsiooni on rõhutatud morfoloogi-
liste ja derivatsiooniliste vahenditega.⁷ See teeb mõiste-
tavaks, miks konjunktsiooni aseainena on kas esimesele või
mõlemale sõnale liidetud mingi sufiks või käändelõpp, näit.
komi lun-a voj (= päevane öö) 'öö ja päev', udmurdi ataj-en
(instrument.) anaj (= isaga ema) 'isa ja ema', mansi katel-
-ngt (komit.) ji (= päevaga öö) 'päev ja öö'.

Verbide puhul võib gerundiiv kanda endas ühtlasi kopu-
latiivse konjunktsiooni funktsiooni, nagu näitavad permi
keelte näited: udmurdi мон кырбаса мыни 'ma läksin ja laul-
sin (= lauldes läksin)', komi ме сьылгмоз муни idem. Verbi
pöördelise vormi asendamist gerundiiviga tunneb niisugusel
juhul ka tatari keel (мин ддырлап бардым 'ma läksin ja
laulsin = lauldes läksin'), mille mõjule kogu permi keelte
konstruktsiooni taandada pole siiski vist päris õige.

Ühesuguse tunnuse lisamist mõlemale sõnale võib tähel-
dada peaaegu kõigis soome-ugri keelis, näit. soome papat
mamat (-t on mitmuse tunnus) 'isa ja ema', mordva atät ba-
bat 'taat ja eit', soome murd. ottaa oralla-kin, ongella-
-kin (= võtab oragagi, õngegagi; -kin on liitepartikkel) 'võ-

⁶ D. R. F u c h s, Übereinstimmungen in der Syntax der
finnisch-ugrischen und türkischen Sprachen. - FUF XXIV. Heft
1-3. Helsinki, 1937, lk. 318; D. R. F o k o s - F u c h s,
Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachwissenschaft, lk.
102.

⁷ E. I t k o n e n, Kieli ja sen tutkimus, lk. 316.

tab oraga ja õngega', mari aka-k šužara-k (= vanem õdegi, noorem õdegi; -k on liitepartikkel) 'õksed', udmurdi to-lež-en šundij-en (= kuuga, päikesega; -en on instrumentaali lõpp) 'kuu ja päike', komi čoj-a vok-a (= õeline, vennaline; -a on adjektiivivi sufiks) 'õde ja vend'. Duaali tunnusega on moodustatud handi īma-nən ojka-j-nən (= kaks eite, kaks taati) 'eit ja taat' ja mansi əkwa-γ oĵka-γ 'eit ja taat'. Ungari keeles kordub liitepartikli funktsioonis olev is, näit. én is ó is (= minagi, temagi) 'mina ja tema'. Oblikvakäändeis saadakse üldiselt läbi ilma erilise kopulatiivsusetunnuseta, kusjuures käändelõpp liitub aga mõlemale sõnale, näit. udmurdi anaj-liš ataj-liš (ablatiiv) pokšišen kilí 'isast (ja) emast jäin maha väiksena', ungari az tele van arany-nyal ezüst-tel (instrument.-komitat.) 'see on täis kulda (ja) hõbedat'.

Ungari keele kopulatiivse sidesõna és 'ja' lähtekohaks võib olla nomen possessoris, mille sufiks on eraldunud iseisvaks sõnaks: férj és feleség 'mees ja naine' < férj és feleség < férjes feleség 'mees oma naisega'.⁸ Omapõhjaste rinnastavate sidesõnadega és ja még 'ja' moodustab ungari keel silmatorkava erandi, sest enamikus soome-ugri keeltes on asündeetilise lausetüübi ümberkasvamisega sündeetiliseks tulnud kasutusele mingi laenkonjunksioon, mille taga peitub ühtlasi indo-euroopa keelte sügav, algupärast urali sintaksitüüpi ümberkujundav mõju.

Läänemeresoome keelte vanad laenud on teatavasti pärit balti, germaani ja slaavi keeltest. Koos muu rikkaliku germaanipärase sõnavaraga on laenatud ka rinnastav sidesõna ja (vrd. gooti jah 'ja') ning tõenäoliselt ka soome eli, eesti (van.) elik 'ehk' (vrd. muinasnorra ella, elliga 'muidu').⁹ Need sidesõnad tulid läänemeresoome aluskeelde ajal, kui kontakt volga keeltega oli juba katkenud; ja-sõna on hiljem edasi laenatud lapi keelde. Läänemeresoome keelealal on ja kõige üldisem eesti ja soome keeles, näit. Isa tuli koju ja

⁸ D. R. F o k o s - F u c h s , Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachwissenschaft, lk. 104. - Eksisteerib teinegi seisukoht ungari és-sõna päritolu kohta: tema teket on peetud võimalikuks adverbis is 'ka, samuti' põhjal.

⁹ Y. H. T o i v o n e n , Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1955, lk. 111, 36.

tõi lastele kinke, soome Isä tuli ketiin ja lapset riensivät häntä vastaan 'Isa tuli koju ja lapsed tõttasid talle vastu'. Viimases lauses seob ja rinnastavalt kaht iseseisvat lauset. Liivi keeles on läti keele vahendusel omaks võetud saksa und (> un) 'ja': minä un sinä 'mina ja sina'.

Teistes läänemeresoome keeltes ja idapoolsemais soome-ugri keeltes figureerivad vene päritoluga da, i 'ja', näit. vadja gusseda tuli da juttõB 'naaber tuli ja ütles', java i jõ pīmä 'jahvata ja joo piima', vepsa Oti dšd vanhamban ple-männikan i iäksi metsa 'Onu võttis oma vanema õepoja ja läks metsa',¹⁰ mordva Saš kudu i märgi täfantstj 'Ta tuli koju ja ütles oma emale', udmurdi Нина да Зоя урамын шудо 'Niina ja Zoja mängivad tänaval'. Lisatagu, et volga ja permi keeltes on üldse paljud rinnastavad sidesõnad saadud vene keelest, näit. mokšamordva i, a, da, no, ili, libo, ersamordva i, a, no, ili, mari i, a, komi i, a, da, ali, libo, udmurdi no, i, he - he, a, a to, to - to, to li - to li jt. (vrd. vene и 'ja', а 'aga', да 'ja', но 'aga', или 'ehk; või', либо 'kas; või').

Pole kahtlust, et nende sidesõnade tarvitamissagedus on viimaste sajandite jooksul märgatavalt kasvanud. Huvitav on V. I. Lõtkini tähelepanek vanapermi keele kohta, et kuigi vene laenu и 'ja' tõlgetes juba püüti mõnel määral rakendada, on ta vanapermi keelele jäänud põhiliselt ikkagi võõraks.¹¹

Udmurdi keeles on vene но tulnud kasutusele nii vastandavas kui ühendavas tähenduses. Vahetegemine toimub kõnepausiga, mis kord on konjunktsiooni ees, kord selle järel, näit. Соослы татчы кылемзы потэ вылэм, но дор палась калык возьмалоз 'Nad tahtsid siia jääda, aga omaksed saavad ootama', Ос усьтйськид но, райкоме Миша пьриз 'Uks avanes ja Miša astus rajoonikomiteesse'.¹²

¹⁰ P. A r i s t e , Vadja keele grammatika, Tartu, 1948, lk. 121; P. A r i s t e , A Grammar of the Votic Language (= Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Volume 68). Bloomington-Nague, 1968, lk. 111; L. K e t t u n e n , P. S i r o , Näytteitä vepsän murteista (= SUST LXX). Helsinki 1935, lk. 75.

¹¹ В. И. Л ы т к и н , Древнепермский язык. Москва, 1952, lk. 40.

¹² В. Г. К а л а ш н и к о в а , Сложносочиненные предложения в удмуртском языке (в историческом освещении). Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тарту, 1974, lk. 17 jj.

Rinnastavate konjunktsioonide arv on eri keeltes kasvanud ka omapõhjase leksika alusel. Lähtekohaks on mõistagi keeles varem eksisteerinud sõnaliigid. Nii on näiteks soome adversatiivne mutta 'aga' tekkinud elliptilisel teel asendnaga muu 'muu' moodustatud konjunktsioonist muuta kuin 'muud kui' (vrd. ei juokse, muuta kuin kävelee » ei juokse, mutta kävelee 'ei jookse, vaid kõnnib').¹³ Verb tahtea 'tahta' on põhjaks soome disjunktiivsel konjunktsioonil ta(h)i, ta(h)ikka 'või', mis veel vanas kirjakeeles esineb kujul ta-dica /loe: tahõikka/. Täendusliku paralleeli pakub sellele ladina vel 'või, ehk', mis seostub verbiga velle 'tahta'. Sama näeme ungari akar - akar 'kas - või' puhul, mis on arenenud verbist akar 'tahtma'. Volga keeltes on mõnel postpositatsioonil kalduvus siirduda kopulatiivsesse funktsiooni, näit. mordva kerhkskä m a r h t a ššjõraa vidõst sura 'varblane ja hiir (= varblasega hiir) külisid hirssi', mari pi d e n õ pirõš kočkõt 'koer ja kass (= koeraga kass) söövad'.

Samojeedi keeled tulevad veel tänapäeval üldiselt toime ilma konjunktsioonideta, kuid mõningaid sõnaliigisestest nihete algeid võib sealgi märgata. Nii kasutab nganassaani keel kopulatiivse konjunktsiooni funktsioonis adverbi ноно 'veel', näit. НИНЫМЭ НОНЭ НАХУМЭ НИЛЫТЫГЭЙ ЭМЭ МАТЭНУ 'Minu vanem vend ja minu vanem õde elavad selles telkkojas'.¹⁴ Seevastu ürgsema algupäraga on seal ilmselt postpositiooni нану kasutamine, kusjuures komitatiivne konstruksioon kannab endas ühtlasi kopulatiivsust: Мэнэ ту"ом НИНЫМЭ НАНУ 'Mina tulin koos oma vanema vennaga'. Ilmselt on see tüüp eestigi keeles arhailisem kui sidesõnaline Mina ja mu vend.

Konjunktsioonide kujunemisprotsessist on osa võtnud ka arvsõnad. Soome ynnä 'ja' on algselt arvsõna yksi 'üks' konsonanttüveline essiiv (< *ükt-nä). Väljend 'isa ja poeg' on varem tähendanud 'isa koos pojaga'. Samatähendusliku asündetilise konstruksiooni isä poikineen juured ulatuvad aga otsaga uurali aluskeelde. Lisatagu, et arvsõnade kujunemist

¹³ L. Hakulinen, Suomen kielen rakenne ja kehitys. Kolmas, korjattu ja lisätty painos. Helsinki, 1968, lk. 65.

¹⁴ Языки народов СССР. III. Финно-угорские и самодийские языки. Москва, 1966, lk. 434.

konjunktsioonideks on täheldatud ka altai keeltes; mongoli kiged 'ja' on aga verbi ki- 'tegeme' converbum perfecti tähendusega 'olles teinud; ta tegi ja ...'.¹⁵

Obiugri ja samojeedi keeled, nagu eespool mainitud, tulevad veel tänapäeval suurelt osalt toime ilma rinnastavate konjunktsioonideta. Uurali asündeetiline pärand on neis tugevam kui läänepoolsetes keeltes, kus indo-euroopa keelte mõjule on allunud pikema aja jooksul.

2

Lauseosade või lausete seostamisel moodustavad teise suure rühma alistavad konstruktsioonid. Hüpotaksi ehk subordinatsiooni all mõistamegi selliseid lausekonstruktsioone, kus kõrvallause on seotud pealausega ennekõike konjunktsiooni abil. Et uurali aluskeeles veel seda indo-euroopa keeltele nii tüüpilist lausestusiseärasust ei tuntud, siis rakendati lihtlause laiendamisel teisi võimalusi, mis seisnes peamiselt verbaalnoomenite või verbaaladverbide viljelemises. Tänapäeva kõrvallause finitielse verbivormile vastas mingi infiniitne lauselõik. Tänu morfoloogilise struktuuri küllaltki suurele püsivusele on selles säilinud suuremal või vähemal määral jälgi algupärastest asündeetilistest lausetüüpidest, mida võib konstateerida kõigist uurali keelkonna keelist.

Besti keele grammatikais on tavaks nimetada kõrvallausele vastavaid infiniitseid konstruktsioone lauselühendeks,¹⁶ kuigi siin pole sisuliselt mingi lühendamisega tegemist, vaid neis kajastub hoopis algupärasem lausestustüüp. Läänemeresoome keeltes on alati võimalik asendada sellist verbaalkonstruktsiooni kõrvallausega, millist moodust näiteks tänapäeva eesti keeles koguni eelistatakse. Võrreldagu mõningaid paralleelse tarvitamise juhte: Tean linde laulvat (partitsiipkonstruktsioon) - Tean, et linnud laulavad (kõrvallause); Rongi peatudes märkas poiss isa (temporaalkonstruktsioon) - Kui rong peatus, märkas poiss isa; Ta sõitis

¹⁵ D. R. F o k o s - F u c h s , Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachwissenschaft, lk. 103 jj.

¹⁶ vt. näiteks J. V a l g m a , N. R e m m e l , Eesti keele grammatika. Käsiraamat. Tallinn, 1968, lk. 352 jj.

Tartu, jätkamaks õpinguid (finaalkonstruksioon) - Ta sõit-
tis Tartu, selleks et jätkata õpinguid. Esitatud näiteis on
rakendatud erinevaid infinitiitseid vorme erinevais käändeis:
laulvat - y-kesksõna partitiiv, saabudes - da-tegevusnime
inessiiv, õppimaks - ma-tegevusnime translatiiv.¹⁷

Samasugune on üldjoontes olukord ka teistes läänemere-
soome keeltes ning ka neile lähedases lapi keeles. Põimlau-
sete võimalikele kõrvallauseile vastab järgnevais lapi näi-
teis kas 1. või 2. gerundiiv: Báččim čuoigádeddiin(ám) lođde
(milles 1. gerundiiv čuoigádeddiin(ám) verbist čuoigá- 'suu-
satama') 'Ma lasksin linnu maha, kui ma suusatasin', Mau jáh
tán tahkamín párrámín? (milles 2. gerundiivi vormid tahka-
min ja párrámín on moodustatud verbidest tahka- 'tegema' ja
párrá- 'sööma') 'Mida sa praegu teed, kas sööd?'

Mordva keelte liitlausestruktuur erinevate kõrvallau-
setüüpidega on tänapäeval väga lähedane vene keelele, mida
M. N. Koljadjonkov on pidanud vajalikuks rõhutada.¹⁸ Ometi
pole varasemate deverbaalnoomenitegi tarvitamine jäljetult
kadunud, nagu osutab näit. lause Vets vajamodo tšovs kúttá
(milles verbaalnoomen vajamodo on saadud verbist vaja- 'va-
juma, uppuma') 'Vette kukkunud, haaras ta vahust'.

Tänapäeva permi keelte liitlause moodustatakse valda-
vas enamikus samade konjunktsioonide abil nagu vene keeles.
Sidesõnadestki on mitmed vene päritoluga, nagu komi KÖT
'kuigi', да 'sellerpärasest et', udмурdi ЧТО 'et' jt. (vrd.
vene ХОТЬ, ДА, ЧТО). Peamiselt temporaalkonstruksioonides
on siiski üllatavalt hästi säilinud algupärane gerundiivne
tüüp, mille tarvitussagedus oli möödunud sajandil ilmselt
veel suurem kui tänapäeval. Tsiteerigem siinkohal F. J. Wie-
demanni: "Aus dem, was von der Fähigkeit der syryjänischen
und wotjakischen Sprache gesagt ist, zwei Sätze mit Hilfe
der Verbalnomina und Verbaladverbe in einen zusammen zu zie-
hen, ergiebt es sich, dass sie viel weniger als viele ande-
re Sprachen ja den Fall kommen Conjunctionen zu verwenden

¹⁷ Eesti maks-vorm on tegelikult võetud kasutusels kee-
leuendajate poolt soome keele eeskujul, kus kasutatakse 1.
infinitiivi pikemat kuju, näit. Poika matkusti kaupunkiin
lukeakseen lääkäriksi 'Poiss sõitis linna, et õppida arst-
iks'.

¹⁸ М. Н. Коляденков, Н. Ф. Цыганов, Эрзянско-русский словарь. Москва, 1949, lk. 292.

und die Zahl dieser Wörter ist daher eine geringe.¹⁹

Gerundiivide tarvitamise kohta permi keelte (eriti udmurdi keele) lausekonstruktsioonides on P. N. Perevoštšikov avaldanud mahuka, mitmesajaleheküljelise eriuurimuse, millest selgub, et udmurdi ca-, тэк-, тозь- ja мон-lõpulistel kujudel on vasted ka teistes permi keeltes ning et nendega moodustatud konstruktsioonid vastavad üldiselt vene ja teiste indo-euroopa keelte kõrvallausetele.²⁰ Mõned näited udmurdi keelest: Со туж кема сылйз, гуртэз пала учкыса (milles учкыса on gerundiiv verbist учкы- 'vaatama') 'Ta seisis väga kaua, vaadates (oma) küla poole', Со адямиос, кузьэз выжез ортчыса (gerundiiv verbist ортчы- '(üle) minema'), бур пала кожизы но возь вылтй кошкызы 'Need inimesed, läinud üle pika silla, pöördusid paremale ja läksid ära mööda aasa', Умойгем лусал вордйськытэк со адямины (milles eistust märkiv вордйськытэк on gerundiiv verbist вордйскы- 'sündima') 'Oleks parem sellele inimesele, kui ta poleks sündinud', Ленинград дорын ёрдыт ожъёс мыныку, секыт ивор вуиз Андреев журналисты (milles мыныку on gerundiiv verbist мыны- 'minema, käima') 'Kui Leningradi all käisid ägedad lahingud, tuli raske teade žurnalist Andrejevile', Пароход пристаньысь кошкытозь, жыны час кылиз на (milles кошкытозь on gerundiiv verbist кошкы- 'ära minema, lahkuma') 'Laeva lahkumiseni sadamast jäi veel pool tundi'. Erinevalt teistest udmurdi gerundiividest on partitsiibi tähendusega мон-vorm laiendiks substantiivile, asendades seega täiendkõrvallauset, näit. Автор пьесаэз гожтэм яркыт, валамон кылын (milles валамон on gerundiiv verbist вала- 'aru saama, mõistma') 'Autor kirjutas näidendi selges, arusaadavas keeles'. Komi мон-gerundiiv on lähedane adverbile, osutades mõtu või määra, näit. Кывмён шуны (milles кывмён on gerundiiv verbist кыв- 'kuulma') 'öelda nii, et on kuulda (= et on kuuldav)'.²¹

¹⁹ F. J. W i e d e m a n n , Grammatik der syrjäni-schen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. St. Petersburg, 1884, lk. 230.

²⁰ П.Н. Перевощиков, Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск, 1959, lk. 17 жж.

²¹ Коми-русский словарь. Под редакцией проф. В.И. Лыт-кина. Москва, 1961, lk. 900.

Seoses udmurdi gerundiivsete konstruksioonidega tuleb märkida, et vorm шунса 'rääkides' võib esineda ka konjunktsioonina 'et', jäädes omapärasel viisil lause lõppu. Selline tähendusnihe on toimunud ka tatari keeles (диеп 'rääkides; et'), mille vahetat mõju peabki käesoleval juhul arvestama; vrd. udmurdi Огпол ми Нина сузэреным годым, атайм кык нуналлы дорысь кошке шунса 'Ükskord meie õega saime teada, et meie isa sõidab kodust ära kaheks päevaks' - tatari Беркон без Нина атайм белан белдек, әтиевез ике кенге ейдан китә диеп идем.²²

Obiugri keeled on pikemat aega seisnud võõr mõjudest eemal. Sellega seletub algupärase lausestruktuuri suur säilivus. Handi keele kohta märgib W. Steinitz, et vene keele kõrvallausele vastab seal tavaliselt partitsiip- või postpositatsiooniga kombineerunud partitsiipkonstruksioon.²³ Näit. Тув манмаӢ жуьпина ма јажам јӧнтӧс (kus манмаӢ 'tema äraminek' = preteeriti partitsiip, vrd. ман- 'ära minema', -Ӣ preteeriti partitsiibi tunnus, ј ainsuse 3. isika possessiivsuffix) 'Tema äramineka järel tuli minu vend'. Lisaks nimetatule kasutatakse handi keeles ka ман-lõpulist gerundiivi: Каман јӧнтман јанхӧт 'Väljas jookseb ta mängides ringi'.

Ka mansi keelele pole liitlausete moodustamine iseloomulik. Vene keele liitlauseile vastavad mansi keeles verbaalnoomeniga liitlauseid.²⁴ Näit. Ман јоһтнев ели палт тан уӢ ти квалсет (milles јоһтнев 'meie saabumine' on kõrvalauset asendav verbaalnoomen) 'Meie saabumisel (s. o. kui me saabusime) olid nad just üles tõusnud'. Teatud juhtudel tuginetakse gerundiivile, näit. ЈувӢе јоминенӢл самилтијанӢл (milles јоминенӢл 'minnes' on gerundiiv verbist јому- 'minema') 'Kuju minnes (s. o. kui nad koju läksid), märka-

²² Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962, lk. 331; П. Н. Перевощиков, Дееспричастия и дееспричастные конструкции в удмуртском языке, lk. 246 jj. - Udmurdikeelse näitelause on tatari keelde tõlkinud TRÜ soome-ugri keelte kateedri aspirant В. Zaguljajeva.

²³ В. К. Стейниц, Хантыйский (остяцкий) язык. - Когитация "Языки и письменность народов севера. I. Под редакцией Г. М. Прокофьева. Москва, 1937, lk. 222.

²⁴ В. Н. Чернецов, И. Й. Чернецова, Краткий мансийско-русский словарь. Москва, 1963, lk. 6.

sid nad', Варсумн мискол унтталтасум²⁵ 'Ma palusin väimeest, et ta teeks latri lehmale'.

Ungari keeles nagu teisteski vana kirjakeelega soomeugri keeltes (eesti ja soome keeles) on sündeetiline lausetüüp ulatuslikult levinud. Kõrvallaused algavad tavaliselt konjunktsiooniga (või relatiivpronoomeniga).²⁶ Näit. Sietnünk kell, hogy még napsnyugta előtt megérkezünk (milles hogy 'et, selleks et' alustab kõrvallauset) 'Me peame kiirustama, et jõuaksime enne päikeseloojakut kohale'. Nem mind arany, ami fénylik (milles relatiivpronoomen ami 'mis' alustab kõrvallauset) 'Mitte kõik pole kuld, mis hiilgab'.

Kõrvallausete asendamiseks verbaalnoomenkonstruktsioonidega on ungari keeles kolm põhilist võimalust.²⁷ Tuluvad kõnesse järgmistega tunnustega konstruktsioonid: 1) 1. gerundiiv tunnusega -va, -ve näitab tegevuse laadi (futva 'joostes') ja ta vastab kõrvallause verbile, näit. Hasájlába visszatérve folytatá a tanulmányait (milles visszatérve on 1. gerundiiv verbist visszatér- 'tagasi pöörduma') 'Oma kodumaale tagasi pöördunud (pöördudes), jätkas ta õpinguid'; 2) 2. gerundiivi tunnusega -ván, -vén kasutatakse kirjakeeles ajamääruslike lauselühendite puhul, näit. Magára maradván gondolataimba merültem (milles maradván on 2. gerundiiv verbist marad- 'jääma') 'Üksi jäänud, vajusin oma mõtteisse'; 3) kõrvallause asendamine toimub partitsiibiga, näit. Vér folytáig osteroztatál (milles folytáig 'voolamiseni' on partitsiip verbist foly- 'jooksa, voolama') 'Sind piitsutati, kuni veri hakkas voolama'.

Väärrib rõhutamist, et ungari gerundiivid on üldiselt samasugused infinitised vormid nagu obiugri keeltes, kuid erinevalt infinitiividest ja partitsiipidest nad ei käändu.

Tänapäeva sihitislikule hogy 'et' sõnaga algavale kõrvallausele vastas vanaungari verbaalnoomeni t-lõpuline akusatiiv, näit. matusekõnes hadlaua choltat /= hádláva hol-

²⁵ Е. И. Ромбандеева, Мансийский язык. - Когитосез "Языки народов СССР" III. Москва, 1966, lk. 358.

²⁶ К. Е. Майтинская, Венгерский язык. III. Синтаксис. Москва, 1960, lk. 269 jj.

²⁷ J. S z i n n y e i, Ungarische Sprachlehre. Berlin und Leipzig, 1912, lk. 88 jj.

tat/ 'audivit se moriturum esse' (vrd. tänap. kõrvallausega hallá, hogy meghal) 'ta kuulis, et sureb (= ta kuulis oma suremist)'.
Ungari vana kirjakeele mälestised näitavad ilmekalt, et sündeetilise lausetüüpi sidesõnaliste kõrvallausetega põlnud tollal ungari keelele veel omane, kuigi ladinakeelsed võimaliku sisuga originaaltekstid selleks juba mõningat eeskju pakkusid.

Paremini kui kuskil mujal on algupärane lausestruktuur säilinud samojeedi keeltes, kus praktiliselt eksisteerivad ainult lihtlauseid. Oma konstruktsioonilt jagunevad nad siiski lihtsamaiks ja keerukamaiks (обычные простые предложения ja простые "сложные предложения").²⁸ Viimased annavad edasi mõtte, mille väljendamiseks teised keeled toetuvad põimlausele, kuid samojeedi keeltes lükitakse tavalisesse lihtlauseisse vastavalt vajadusele kas verbaalnoomeneid, partitsiipe või gerundiive. Seega ilmnevad neis samad vormilised näitajad kui meie lauselühendeis või teistegi soome-ugri keelte asündeetilistes lausekonstruktsioonides. Ilustreerigem õeldut mõne näitega: neenetsi Ханзеркэрт мань нэтинини тось я"ма" (partitsiipkonstruktsioon) 'Kuidagi ei saa tulla need, keda ma ootan (= minu oodatavad)', sõlkupi Тэль чёлы тўпыль куп махонты қонны а́тжимты орқылқонтоқо 'Inimene, kes eile tuli (= eile tulnud inimene), läks metsa oma põtru püüdma', neenetsi Наха"на тэнзинена пэдаран' сыръ сэрида вымда (gerundiivkonstruktsioon) 'Kaugel sine-tavale metsale vaadates ta laulab oma laulu'.

Kuigi samojeedi keelte lausetüüp on üha asündeetiline ja konjunktsioonid üldiselt tundmata, võib mõningate alistasvate sidesõnade teket sealgi märgata. Sellisteks on sõlkupi keeles чэлсэ 'kui', қата 'kui' ja қатампа 'kuigi', näit. чэлсэ, тўла, тащинты қэрэнтап 'Kui ta tuleb, ma kut-sun sind'.²⁹ Võrdluseks märgitagu, et eesti, soome ja unga-

²⁸ Н. М. Терещенко, Синтаксис самодийских языков. Простое предложение. Ленинград, 1973, lk. 297 jj.
Н. М. Терещенко, Союзы и союзные слова. - Материалы и исследования по языку ненцев. Москва - Ленинград, 1956, lk. 131 jj.

²⁹ Языки народов СССР. III, lk. 413. - Levimas on ka mitmed vene päritoluga sidesõnad, mille kohta vt. A. K ü n a p, Samojeedi keeled täna ja homme. - Keel ja Kirjandus 1967, lk. 405; A. К ю н н а п, Русские лексические заимствования в южносамодийских языках (XIX - нач. XX вв.). - Fenno-ugristica 6.

ri keeles, kus põimlause on saavutanud sama täiuse kui indo-euroopa keeltes, ulatub alistavate konjunktsioonide arv mitmekümneni.

Keeleajalooliselt on hüpotaaks uurali keeltes siiski suhteliselt hiline ilming. Tema teket ja levikut on soodustanud kontaktid võõraste keeltega. Võõrmõjud on olnud kõige tugevamad läänepoolseis soome-ugri keeltes. Mida rohkem ida poole, seda suurem on iidsete infiniitsete konstruktioonide osakaal lausestruktuuris. Samojeedi keeltes kajastub aga uurali aluskeele primitiivne asündaetiline lausetüüp veel üsnagi algupärasel kujul.

П. А л в р е
(Тарту)

О РАЗВИТИИ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Р е з ю м е

Структура предложений в уральском языке была значительно проще, так как в то время союзы еще не употреблялись, Паратакис и гипотакис в современном смысле не существовали. Основным типом были простые предложения, при помощи которых образовался и примитивный паратакис. Такой асинтетический способ выражения мыслей хорошо сохранился в самодийских языках, напр. ненецкое niveau hās, nebeau hās, nau hās 'мой отец умер, моя мать умерла, мой брат умер'.

Сложноподчиненным предложениям индоевропейских языков соответствовали в языке усложненные конструкции с глагольными именами, причастиями и деепричастиями. Во всех уральских языках такой способ построения предложений в большем или меньшем мере сохранился до сих пор; напр. эстонское Rongi peatudes märkas pois isa 'Когда поезд остановился, мальчик заметил своего отца /дословно: Поезд остановясь, мальчик заметил своего отца/.'

В западных финно-угорских языках часто употребляются сложноподчиненные предложения, которые сформировались и развились под влиянием соседних индоевропейских языков. В прибалтийско-финских языках, а также в венгерском и саамском можно говорить об окончательно оформившейся структуре сложного предложения, в некоторых восточных финно-угорских /особенно обско-угорских/ языках возникшие союзы свидетельствуют о том, что в них происходит в настоящее время процесс формирования сложного по структуре предложения.

Самодийские языки до настоящего времени лучше всего сохранили примитивный бессоюзный тип структуры предложений; единичные союзы либо заимствованы из русского языка, либо развились из других частей речи. Формирование сложноподчиненных предложений в самодийских языках в современном смысле только что началось; этот процесс в значительной мере зависит от проникновения в структуру предложения новых союзов.

P. A l v r e
(Tartu)

VANA KIRJAKEELE LÕUNAESTILISI KÜSISÕNU

Põhja- ja lõunaesti kirjakeele erinevusi on seni vähe uuritud. Murdetaustast tingitult haaravad need kogu keelesüsteemi. Mõnikord on häälikulised lahknemused niivõrd kardinaalsed, et nende taga on raske näha sisuliselt sama keelevormi. Niisuguste nähete hulka kuuluvad ka eitavais lauseis kasutatud küsisõnad. Põhjaesti keelealal on nendeks eks ja eps (viimane ainuüksi H. Stahlil¹), lõunaesti kirjameestel aga eis ja es. Neil kõigil on arvatavasti ühine lähtekoht eitavverbi ei ~ ep(i) ja küsiliite -ks (< -^xkos) näol. Käesoleva kirjutise ülesandeks on peatuda üksikasjalikumalt vaid lõunaesti küsisõnadel eis ja es.

eis

Vana kirjakeele autoreist on eis-küsisõna viljelnud lõunaestikeelsetes tekstides J. Rossihnius ja J. Gutsclaff. Nii otsese kui ka kaudse küsimuse puhul on sõnal eis tähendus 'kas ei'. Lause eitavast sisust tingitult on ootuspärane pöörde lõputa verbivorm, nagu see a. 1632 J. Rossihniusel järjekindlalt esinebki (SULK²): E i s t e y e t y a m i t t e , e t m i n n a p e a o l l e m a s e s i s s e n , m e a m i n n u I s s a p e r r a l t o m ? (85),

¹ P. A l v r e , Ühest vana kirjakeele küsipartiklist. - Eesti keele sõnavara probleeme. V. Tõid eesti filoloogia alalt. TRÜ Toimetised 460. Tartu, 1978, lk. 15 jj.

² Lähteallikate lühendid: APK = A. S a a r e s t e , Agenda Parva (1622) keelest, Eesti Keele Arhiivi Toimetised nr. 14. Tartu, 1939; GES = F. W i e d e m a n n , Grammatik der Ehstnischen Sprache. St.-Petersbourg, 1875; Hup. = A. W. H u p e l , Ehstnische Sprachlehre für die beyden Hauptdialekte. Mitau, 1818. SULK = J. R o s s i h n i u s , Südestnische Uebersetzung des Lutherischen Katechismus, der Sonntags-Evangelien und -Episteln und der Leidengeschichte Jesu. Verh. GEG XIX. Jurjev (Dorpat), 1898; VEKVM = A. S a a r e s t e , A. R. C e d e r b e r g , Valik eesti kirjakeele vanemaid mälestisi a. 1524-1739. Tartu, 1925-1931.

Ollet sinna ütš Meister Israelli raghwa sean, ninck e i s t y a sedda mitte? (119), e i s sihs teye palju en-namb o l l e , kui nemmat? (138), Issand e i s sinna h o h l i seperrast, et minno minnu sössar lasseb ütšines thenitzeda (173), Minnu Issa, e i s se w o i olla, et ... (188), E i s sinna o l l e kahn temma Jüng-rist ütš (191), E i s sinna k o s t a middakit se pähle, mea needsinatset wasto sinnu tunnistawat? (191), Pi-latus enge küssi temmalt jelle, ninck laus: E i s sinna middakit k o s t a ?, Kaje, kui wäch kahn nemmat sinnu pähle kaibawat, e i s sinna k u h l e mitte? (194), Sihs laus Pilatus temma wasto: E i s sinna mitte p a - j a t a minnu kahn?, E i s sinna mitte t y a , et minnul weggi om ...? (196).

Sama näeme J. Rossihniusel ka täismineviku korral, kus abiverbil olle 'ele' puuduvad pöördelõpud, näit. e i s sinna o l l e kahn ütše sündinut ütše tenga perrast? (92), Minna ütše enge, e i s o l l e nemmat mitte k u h l n u t (155), E i s o l l e minna sinno n e n n u t se aya sissen temma man? Lauses e i s sihs temma sedda palju ennamb teile p e a s. teggema on peaverb peas tingivas kõneviisis, kusjuures ka-i esindab ootuspäraselt lõunaestiline -ä.

J. Gutsclaff pole a. 1649-1656 pöördelõputa verbivormide tarvitamises nii järjekindel kui J. Rossihnius. Täiesti korrektsete olevikumuudete kõrval on tal väärarutusi täismineviku kasutamises. Vrd. E i s Sinna t e h j a , eth neet Philistileiset isandan ommat ülle meit (VEKVM 120), E i s se o l l e ninda (APK 15) - E i s Sinna o l l e t Minnulle ütše õnnistusst allul p i d a n u t (VEKVM 108). Viimase tarvitusviisi kõrval ka ilmselt korrektselt: E i s Minna neit poiset o l l e k e s s k n u t , eth nemmat ei pea Sinno mitte putma? (VEKVM 122).

Et J. Gutsclaff nagu mitmed teisedki muulastest kirjamehed on üldse eitusvormide kasutamisel olnud tugeva saksa keele mõju all, näitab ilmekalt ka lihtsama konstruktsiooniga vigane lause Ei p e a t Sinna mitte warrastama (VEKVM 111); vrd. sks Du s o l l s t nicht stehlen.

Vanade grammatikute vaatesfääri pole eis-sõna puutunud. Selle mainimist ootaks ennekõike A. W. Hupelil (1878 ja 1818),

kuid see pündub nii temal kui ka F. J. Wiedemanni grammatikas (1875). Hiljem on käsiliite -(e)s rühmas esitanud A. Saareste ühe eis-näite J. Gutsclaffilt, kuid jätnud nii selle kui ka muud vormid ligemalt analüüsimate, piirdudes s-, es-elemendi algupära osas vaid põgusa viitega H. Ojansuule.³ Viimase es-konjunktsioonist lähtuv seletus, nagu allpool näeme, on ilmselt ekslik, mistõttu ümberhindamist vajab ka teiste häälikuliselt lähedaste küsisõnade või -liidete päritolu.

Küsisõna eis päritolu ja koostiselementide väljaselgitamisel on oluline teada, et see keelend elab veel tänapäevalgi piiratud mõnes kagueesti murrakus kujul eis, näit. Harglas e i s kahju o l e ? 'kas kahju ei ole?'. Heopis tavalisem kui küsiv tähendus on eis-vormil näönev varjund: ku^t terj^lDa^s kaH. e i s o l e vaikki ja kaⁿat^ta ä^rä; täl om^a viGuri niGu interve^rDi^l. e i s r^õZan ü l' t t i eilew s^är^tse va^rGa ja koira: e i s karttu^li^d ... l ä t kellaDa^s j^ürest. Samasuguse tähendusmuutuse on läbi teinud järgnevalt vaatlusele tulevad lõunaesti es ja kirjakeele eks-ki, milledega eis-vormil on otsene häälikuline seos.

Vana kirjakeele eis ja lõunamurde eis 'kas ei' koosneb kahest põhikomponendist (ei + -s). Algusosa ei- kattub nii vormilt kui tähenduselt eitussõnaga ei. Sufiksi -s varasem kuja on olnud -ks, millele soome keeles vastab -kos, -kös (vrd. sm eikös 'kas (siis) ei').

es

Näiteid küsisõnaga es leidub jällegi ainult lõunaesti tekstides: J. Gutsclaffil a. 1649 - 1656 vana testamendi tõlkes Sest kumb Poig e s om Kumb e s se suuremb Käsk o m Sädussen (APK 16). Kriiti rikkalikult on es-konstruktsioon 1686. a. "Wastses Testamendis", näit. Kelt e s se Prowest seddä üt l e p. Kumb e s se suuremb Käsk o m. Kumb e s o m se illemb Käsk kike seäst. Mist e s minna seddä p e ä tundma. Mink

³ A. Saareste, Agenda Parva (1622) keelest. Eesti Keele Arhiivi Toimetised Nr. 14. Tartu, 1939, lk. 15 jj.

ka e s sis soolata, märätse e s teije sis pe ä
t e ollema, Kenk Naine e s temmä s a a p ollema
seitse seäst, Kenne sarnane e s se Jumala Rikkus o m?
Sest kumb Poig e s o m ...?, Märäst tähte e s sinna
t e e t ...?, märättsel Nimmel e s teije sedda o l l e
t e t e n n u ?, Nüüd e s tee u s s u t e ; Kes
om minno Emmä, nink kumma e s o m a minno Welle
 (IKP 93).

Neid jaatava sisuga küsilauseid on varem analüüsinud H. Ojansuu.⁴ Tema arvates leidub ühes 17. saj. lunletuses es-sõnal tähendus 'kui': Es meije juhren olles sedda pattu ni palju jumala juhren om wehe ennämb arnu. Sellest olevat pärit nii küsiliide -s kui ka vanas kirjakeeles säilinud küsisõna es.⁵

Pigem en arengusuund olnud vastupidine, sest üldestilisest küsiliitest -ks (< ^{ks}-kos) on lõunaestis keelealal saanud ootuspäraselt -s (võrreldagu murdeis ja vanas kirjakeeles paljuks - paljus 'kui palju', annuks - annus 'kas annu' jt.), mis teatud konneksides on es-kujul leksikaliseerunud, muutunud iseseisvaks sõnaks.⁶ Selle protsessi on kaasa teinud ka teise päritoluga -s (< -s), mis eriti soome keele võrdlusainestikku arvestades (kenenkä-s 'kelle (siis)', minkä-s 'mille (siis)' jt.) on familiaarsust rõhutavana liitunud varem samuti mõnedele eesti küsisõnadele (vrd. ka ku-na-s, kuida-s jt.). Leksikaliseerumine sai ilmselt alguse eesvokaalsetes sõnades, kus muutusega ä > e oli sõna lõppu siginenud häälikuühend -es. Metanalüüsi tõttu hakati seda pidama iseseisvaks sõnaks arvatavasti pärast seda, kui põhisõnast hävis lõpukaoga e-vokaal: keltäs > keltes |> kelt es 'kellelt', mistäs > mistes |> mist es 'millest'. Võrdluseks märgitagu, et ka rõhumäärsõna ep väljakasvamine endisest liitest (-pa, -pä >) -p on kulgenud üldiselt sama rada, kuid ikkagi peale järgsilbi ä muutumist e-ks ja viimase

⁴ H. O j a n s u u , Itämerensuomalaisten kielten pronomioppi. Turun Suomalaisen Yliopiston julkaisuja B I 3. Turku, 1922, lk. 93.

⁵ Sealsamas.

⁶ Sufiksrite leksikaliseerumise kohta vt. P. A r i s - t e , Kas isa võib olla sõna? ESA 14-15, 1968-1969, lk. 83 jj.; P. A r i s t e , Eesti rõhumäärsõna ep. SUSA 72, lk. 32 jj.

kadumist üksiksõna lõpust (säältäp > säältep |> säält ep).

Küsiliite leksikaliseerumisele on es-konstruktsiooni-
des kaasnenud sõnajärje mõnevõrra suurem vabadus kui eis-
(ja ka eks-, eps-)moodustistel, sest tema kohta ei diktee-
ri lausealgus. Üldiselt paikneb aga es ikkagi selle noome-
ni või adverbi järel, mille varasemast liitest -ä ta on
metanalüütilisel teel tekkinud (vrd. ka kumb es, sm murd.
kumpi-kos).

Eespool mainitud H. Ojansuu hüpotees on küllaltki kaht-
lane veel selle pärast, et ta rajaneb mitmeti tõlgendataval
üksiknäitel. Konneksis Es ... olles ei pruugi sõna es tä-
hendada 'kui', vaid tegemist on tingiva kõneviisi tavalise
eitava kõnega, mille kohta leidub vanas kirjakeeles teisigi
taolisi näiteid.

Mõeldav ja häälikuliselt isegi ootuspärane oleks ka
arenguvõimalus eiä > esä, kuid selle vastu räägib asjaolu, et
J. Gutsclaffil on eis tähenduses 'kas ei' säilinud, kusjuu-
res temal puuduvad märgid nii selle foneetilisest kui ka tä-
henduslikust ümberkasvamisest jaatava sisuga küsilause es-
sõnaks. Seost eiä-partikliga näib samuti eitavat pöördelõ-
puta verbivormide järjekindel puudumine es-konstruktsiooni-
des.

Vanadest grammatikuist mainib A. W. Hupel tartukeelset
(d.) es-sõna enne eitavas või mõõnvas ja alles siis kitsalt
küsivas tähenduses: es 'nicht?, ob nicht? (Zuweilen bloß das
Zeichen einer Frage d.)' (Hup. 33). Esimesel juhul on tege-
mist arenguga ēikos >> esä, teisel juhul aga küsiliite -ks>
-ä (resp. -g > -ä) leksikaliseerumisega.

Murdenäiteid keelendiga es leidub ennekoike Wiedemanni
grammatikas: mitu nõu-mehi e s t u l e p w a l i d a , k u i
g ü t e s s e k u l u o m , m i s t e s m e i j e t a h a -
m e a l u s t a d a , k e l l e g a t e i e e s s i n t a h a t e k ö -
n e l d a , k e n k n a i n e e s t e m a s ä p o l e m a , m ä r a t s e s t
w ö i m u z e s t e s s i n a s e d a t e e t , m i n k p ä r a s t e s
(weswegen) (GES 581). F. J. Wiedemanni arvates on sellest
lõunaeesti küsisõnast es kujunenud enkliitiline liide -g,
mida tarvitatakse ka põhjaeesti keelealal (kuis, kunag, kus-
tas jt.).⁷ Nagu näeme, on H. Ojansuu seda F. J. Wiedemanni

⁷ F. J. W i e d e m a n n , Grammatik der Ehstnischen
Sprache. St.-Petersbourg, 1875, lk. 320.

ekslikuks osutunud hüpoteesi hiljem korranud ja mõnevõrra veelgi hüpoteetiliseks es 'kui' komponendiga täiendanud.

KKI murdekogude näiteks on es ennekõike mõnev: e š temäi v š i minnä ka vahel (Trv), e š ta o l e nä- Gulibäivi ka külländ n ä ä n u (Nõo), aga no e š ma ikki t ä (Puh), e š na /= silmad/ vanaDužest j ä tõndZis (Ran), e š täš k u t s u omal ajal (Rõn), e s s, alBommin kiik piidi o l e? (Har). Selles tähenduses on es-kuju registreeritud ka Kesk-Eestist: e š ta alvem o l e (Plt), e š n ä e mis tuleB (Lai); kirjõnes liitvorm esta: E s, ta rinnas k a n t t u D /pross/ (Lai).

Viimati mainitud juhtudel vastab es-sõnale kirjakeele eks. Lõunaesti es-keelendil võib olla ka tähendus 'ei' (näit. ma es tule 'ma ei tulnud'), kuid niisugusel korral on -š lihtsaineviku tunnus, mille päritolu on teine kui sõnas es 'eks'.

Vana kirjakeele ja murretegi jaatava sisuga küsilause es-konstruktsioonide lähtekohaks on uurimise praegusel astmel otstarbekas pidada leksikaliseerunud ³-kos > -ks > -š liidet. Raskemini põhjendatav (kuigi mõnes seoses mõeldav) on arengukäik ³eiks > eis > es. Eitava sisuga küsilauseis on aga areng just seda rada kulgenudki, kuigi sellele on kaasnenud mõnva varjundiga tähendusnihe (eis 'kas ei' > es 'eks').

Kui käsitletud küsisõnad eis, es ning põhjaeestilise eks-kujugi saame üldiselt tagasi viia lähtevormile ³eikos (< ³ešikos), siis H. Stahlil kohatav samatähenduslik eps taandub arhailisemale moodustisele ³epi-kos.

П. А л в р е
(Тарту)

О ЮЖНОЭСТОНСКИХ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ СЛОВАХ В РАННЕМ
ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Р е з ю м е

В раннем эстонском литературном языке предложения отрицательного характера создавались при помощи вопросительных слов eks, eis, es и eps. Из них южноэстонского происхождения eis и es, напр.: Eis Sinna tehja? 'Ты не знаешь'? Формы eis, eks и частично es возникли на базе элементов ei (< *e*pi*) и -ks (< *-*kos*). Образование формы eps, встречающейся в XVII веке только в текстах Х. Сталя, фонетически несколько иное: в ней сохранился смычный звук p (eps < *e*pi-ks* < *e*pi-kos*).

DEUTSCHE LEHNWÖRTER IM WOTISCHEN

Schon L. Kettunen erwähnt in seiner Lautgeschichte des Wotischen "Vatjan kielen äännehistoria" (2. Aufl., Helsinki 1931: 7-8), daß im Wotischen eine Beeinflussung durch das Estnische bemerkbar ist. Das Wotische und das Estnische sind stammverwandte Sprachen, die einander sehr nahe stehen. Daher ist es nicht immer möglich, festzustellen, ob das eigene Wortgut und die eigenartigen grammatischen Formen des Wotischen und des Estnischen auf den alten gemeinsamen Ursprung zurückzuführen oder aus der einen Sprache in die andere entlehnt sind. Doch gibt es auch Wörter und Konstruktionen, bei denen kein Zweifel besteht, daß sie aus dem Estnischen ins Wotische übernommen worden sind. Das sind die Germanismen des Wotischen. Das Wotische ist mit dem Nieder- und Hochdeutschen nur flüchtig in Berührung gekommen. Das Estnische hat dagegen mit diesen Sprachen einen langen und engen Kontakt gehabt, weshalb sich im Estnischen auch zahlreiche deutsche Lehnwörter und Lehnbildungen finden. Im XIII. Jh. wurde zwischen den Esten und Woten eine administrative Grenze gezogen. Während die Esten im XIII. Jh. unter die Herrschaft Dänemarks und danach im XIV. Jh. unter diejenige des Livländischen Ordens gerieten, verblieben ihre Nachbarn - die Woten - in ihrer alten Abhängigkeit zu Nowgorod. In die Gebiete des Livländischen Ordens, besonders in die Städte, kamen auch deutsche Umsiedler. Die Umgangssprache wie auch die Amtssprache der deutschen Eingewanderten war anfangs das Niederdeutsche. Das Niederdeutsche hielt sich als Amtssprache bis Anfang der ersten Hälfte des XVII. Jh., als Umgangssprache aber bis Anfang des XIX. Jh., familienweise sogar noch länger. Das Niederdeutsche wurde durch das Hochdeutsche ersetzt. Es gab stets eine estnisch-deutsche Zweisprachigkeit. Deutsche verstanden das Estnische, und unter den Esten gab es Personen, die des Deutschen mächtig

waren. Die beiden deutschen Sprachen haben das Estnische beeinflusst, vor allem in bezug des Wortschatzes. Das Hochdeutsche hatte einen großen Einfluß auf die Gestaltung der estnischen Schriftsprache. Während das Nieder- und Hochdeutsche die estnische Sprache beeinflussten, übte das Russische seinen Einfluß auf das Wotische aus.

Obwohl die Woten und die Esten seit Anfang des XIII. Jh. durch die Staatsgrenze voneinander getrennt waren, hörten die Beziehungen zwischen den beiden Völkern nicht vollständig auf. Die Dänen errichteten an ihrer Nowgoroder Grenze eine Burg, zu deren Füßen die stadtähnliche Siedlung Narwa entstand, der in der ersten Hälfte des XIV. Jh. das Stadtrecht verliehen wurde. Narwa entwickelte sich schnell zu einer bedeutenden Handelsstadt zwischen Westeuropa und Rußland. Eine Handelsstadt war Narwa auch für die Esten und Woten. Neben den deutschen und russischen Kaufleuten und Handwerkern lebten in Narwa auch Esten und Woten. Damals erstreckten sich die am Ostufer des Flusses Narwa liegenden wotischen Siedlungen unmittelbar bis zur Stadt. Die in Narwa lebenden Woten wurden z. B. schon 1432 erwähnt. 1549 hatte der Rat von Narwa die Absicht, einen das Wotische beherrschenden Prediger zu berufen, um die Woten zum lutherischen Glauben zu bekehren (KK 1961 : 543). Die vorherrschende Sprache in der Stadt Narwa war das Deutsche, das von den Esten und Woten zumindest verstanden wurde. In Narwa gab es mehr Esten als Woten, da die estnischen Stadtbewohner ein größeres Hinterland besaßen als die Woten. Schon damals waren die Woten ein sehr kleines Volk. Im XVI. Jh. stard ein Teil der Esten gemeinsam mit den Woten unter russischer Herrschaft, und im XVI. und XVII. Jh. befanden sich beide Völker in den Grenzen des schwedischen Reiches. Seit Anfang des XVIII. Jh. gehörten sie wieder zu den Völkern Rußlands. Einzelne Esten haben zu verschiedenen Zeiten auf wotischen Gebiet gelebt wie auch vereinzelt Woten auf estnischem Gebieten. In der zweiten Hälfte des XII. Jh. entstanden in der Nachbarschaft der wotischen Dörfer estnische Siedlungen. In ihrer Heimat fehlte es den estnischen Bauern an Land. Die russischen Gutsbesitzer begannen ihren Grundbesitz den Bauern zu verkaufen. Da es unter den Esten auch wohlhabendere gab, kauften sie das Land und gründeten

einzelne Gehöfte oder sogar ganze Dörfer. Zu den Woten zogen auch estnische Handwerker. Als in der zweiten Hälfte des XIX. Jh. in Narva mehrere Fabriken gebaut wurden, arbeiteten in diesen außer Esten und Russen auch Woten. Vor allem junge Leute aus den westlichen wotischen Dörfern fanden in Narva Arbeit. Besonders zahlreich kamen junge Arbeiter nach Narva aus Vaipooli, d. h. aus Lauditza (russ. Lužicy), aus Llivtšülä (russ. Peski) und aus Jögöperä (russ. Krakolje). In den zentralen und östlichen wotischen Gebieten gab es wieder größere estnische Siedlungen. All das bedingte in der zweiten Hälfte des vorigen Jahrhunderts und Anfang unseres Jahrhunderts das Entstehen einer weitverbreiteten wotisch-estnischen Zweisprachigkeit vor allem unter den Woten.

Die im Estnischen eingebürgerten deutschen Lehnwörter sind über die estnisch-wotische Zweisprachigkeit auch ins Wotische eingedrungen. Östlich von den Woten siedelten und siedeln noch heutzutage die Ižoren. Allmählich sind umfangreiche wotischsprachige Gebiete zu ižorischsprachigen geworden. Die Ižorifizierung der Woten vollzog sich bis zu dem Zeitpunkt, da beide Völker endgültig in den Russen aufzugehen begannen. Da das Ižorische und das Wotische einander sehr nahe stehen, sind auch die aus dem Estnischen ins Wotische aufgenommenen Wörter ins Ižorische übergegangen. Die ältesten aus dem Estnischen ins Wotische übernommenen Lehnwörter sind niederdeutscher Herkunft. Die im folgenden angeführten niederdeutschen Entsprechungen sind vor allem dem Werk von K. Schiller, A. Lübben "Mittelniederdeutsches Wörterbuch" (Bremen 1875-1881) entnommen worden. Ist die angeführte niederdeutsche Entsprechung irgendeinem anderen Werk entnommen worden, so wird auch auf dieses Werk hingewiesen. Der im Baltikum gesprochene mittelniederdeutsche Dialekt unterschied sich beträchtlich - besonders in phonetischer Hinsicht - von den anderen mittelniederdeutschen Dialekten. Darüber, wie sich dieser Dialekt in den ins Estnische übernommenen Lehnwörtern widerspiegelt, findet sich Näheres in dem Artikel "Das Niederdeutsche im Estnischen" (CQV 1962:91-99) des Autors der vorliegenden Abhandlung.

Die wotischen Wörter sind entweder vom Autor persönlich aufgezeichnet worden oder sie stammen aus den wotischen Wortschatzsammlungen des Instituts für Sprache und Lite-

ratur der Akademie der Wissenschaften. Die ižorischen Ent-
sprechungen sind dem Werk von R. E. Nirvi "Inkeroisurtaiden
sanakirja" (Helsinki 1971) entnommen worden. Nicht behan-
delt wurde der wotische Wortschatz des Seewesens nieder-
deutscher Herkunft. Das Niederdeutsche war im Laufe vieler
Jahrhunderte in den an der Ostsee liegenden Ländern die in-
ternationale Sprache der Seeleute. Im Wortschatz des Seewe-
sens gibt es auch im Schwedischen, Finnischen und des Est-
nischen zahlreiche gemeinsame niederdeutsche Wörter, die so-
mit über verschiedene Vermittler ins Wotische (und ins Ižor-
ische) entlehnt werden konnten, vor allem aber auch über
das Russische, in dem es gleichfalls zahlreiche nieder-
deutsche und holländische Termini des Seewesens gibt.

Von den estnischen ins Wotische und Ižorische auf-
genommenen niederdeutschen Lehnwörtern werden folgende an-
geführt:

ammetti Ma Li Jō 'Amt, Gewerbe, Beruf, Stelle, Posten', estn.
amet, dial. amnet - nd. ammet. Ma ammatti, iž. ammatti
ist aus dem Finnischen übernommen (SKES).

hākki Ma Ia Li Jō Ra 'Haken, Haken an den Spulflügeln des
Spinnrads oder am Stecheisen', iž. hākki, estn. haak,
Gen. haagi - nd. hake.

hākkia Jō 'Fische stechen', estn. haakida 'haken, einhaken' -
nd. haken.

huntti Li Jō Ra 'Wolf (euphemistisch und tabu), schlechter,
niederträchtiger Mensch, Faulpelz', iž. huntti 'Wolf',
estn. hunt - nd. hunt.

jahti Ma Ia Li Jō Ku 'Jagd', iž. jahti, estn. jaht - nd.
jaht.

kalkkuni Ka Kō Jō, kalkkuna Ka Jō 'Truthahn', iž. kalkkuna,
estn. kalkun, Gen. kalkuni, dial. kalkuna - nd. Kluge
1963:796 kalkūn.

kelleri Jō 'Keller, Aufbewahrungsort', estn. kelder, dial.
keller - nd. keller. Das Vorkommen des estnischen Wor-
tes schon vor dem XVIII. Jh. zeugt davon, daß es aus
dem Niederdeutschen stammt.

kikeri Jō 'Fernrohr, Kieker', estn. kiiker - nd. kiker 'Zu-
seher, Zuschauer; Fernglas, Fernrohr'.

kili Ia Li Jō 'Keil', iž. kili, estn. kiil - nd. kil.

klimppi Jō 'Kloß, Knödel', estn. klimp - nd. klimp, im Bal-
tikum klimp, klümp.

kloppia Lu Li Jõ 'klopfen, pochen, schlagen, zusammenschlagen, zusammenhauen', iž. kloppia, estn. kloppida 'klopfen, pochen', kokku kloppida 'zusammenschlagen' - nd. kloppen.

koppeli Lu Jõ, koppeni Lu Li 'Gehege, Einzäunung', estn. koppel - nd. koppel.

kortteli Jõ, kortteli Lu 'Wohnung, Quartier', iž. kortteli, estn. korter, dial. kortel - nd. quartier 'Viertel'. In den alten Stadthäusern des Baltikums gab es gewöhnlich vier Räume, von denen jeder gleichsam ein Viertel des Hauses bildete.

kräppi Jõ 'Schabeisen, Kratzeisen, Wollkratze, Karde', iž. kräppi 'Kratzeisen, Wollkratze', estn. kraap 'Schabeisen' - nd. schrape 'Werkzeug zum Kratzen und Schaben'; kräppia Jõ 'schaben, kratzen, krepeln', iž. kräppia, estn. kraapida 'kratzen, schaben' - nd. schrapen, (mit (Geräusch) schaben, kratzen'.

kringeli Pu Ma Lu Li Jõ, kringeli Le 'Kringel, Brezel', iž. krinkeli, estn. kringel - nd. kringel.

krüvi Jõ 'Schraube', estn. kruvi, dial. kruuvi - nd. schruve.

krüvia Jõ 'schrauben', estn. kruvida, dial. kruvida - nd. schruven.

kunsti Jõ 'Fertigkeit, Geschicklichkeit, Handwerk, Kunst', estn. kunst 'Kunst, Können, Fertigkeit' - nd. kunst 'Können'. Die Bedeutung des estnischen Wortes könnte auch durch das hochdeutsche Kunst beeinflusst worden sein.

kõkki Ka Ma Lu Li Jõ 'Küche, Kambüse', iž. kõkki 'Kambüse', estn. kõök 'Küche' - nd. koke (artikuliert kõke) 'Küche'.

lahiko Pu 'Schlacht', estn. lahing - nd. slachtinge.

lätta Lu Li Jõ Ra Ku, lättäd Pl. Li 'Jahrmarkt', iž. lätta, estn. laat - nd. aflät 'Ablaß, indulgentia'. Im Livischen bedeutet lät 'Gottesdienst'. An hohen Festtagen, an denen Ablaß verkauft wurde, gab es bei den Kirchen viele Händler. Dadurch erklärt sich im Estnischen die Bedeutungsverschiebung des Wortes.

lollu Lu, lollo Jõ 'dumm, blöde, töricht', iž. lollu, estn. loll, Gen. lollu - nd. lollebroder 'Lollbruder, Loll-

hart, Mitglied des Vereins von Begarden für Krankenpflege und Totenbestattung'. Zu den Totengräbern verhielt man sich abschätzig, worauf auch die Bedeutungsveränderung des Wortes im Estnischen zurückzuführen ist; lollokez Jõ 'dämlich, blödsinnig', estn. lollakas. lusti Lu Li Jõ Ra, lusci Ku 'schön, angenehm', iž. lusti 'schön, angenehm', estn. lust 'Lust, Fröhlichkeit, Bereitwilligkeit' - nd. lust 'Lust, Begehren'; lustbarlik, lustelik 'angenehm, Freude erregend, fein, zart'. luria Jõ 'stöbern, schnüffeln', estn. luurama, dial. luurima 'lauern' - nd. luren 'lauern, warten'. lähkeri Jõ 'Lägel, Fäßchen', estn. lähker - nd. lechelen, lechelken, legelen 'kleines Faß, Tönnchen'. matti Jõ 'Metze', estn. matt - nd. matte. meisteri Lu Li Jõ Ma meistari 'Meister, geschickter Arbeiter', iž. meisteri, estn. meister - nd. meister 'Meister, jeder Vorsteher, Aufseher'. molli, molli Jõ 'Mulde', estn. molld - nd. molde, molle. muccü Jõ 'Kindermütze', estn. müts 'Mütze' - nd. mutze (artikuliert mütze) 'Chorkappe, -kapuze, Kopfbedeckung, Haube'. Die estnische Entsprechung kann auch ein hochdeutsches Lehnwort sein. müri Ma Lu Li Jõ 'Mauer, Wand', estn. müür - nd. mure (artikuliert müre); müriä Jõ 'Wände ziehen', estn. müürida - nd. muren. narri Ma Lu Li Jõ 'Schimpfen, Narren, Necken', estn. narr 'Narr' - nd. narre; narrisa Pu Ma Sa Lu Li Jõ Ra Ku 'necken, narren, zum besten haben', iž. narrisa, estn. narrida, narritada - nd. narren. nüöri Pu, ñöri Ka Ma Kõ Lu Li Jõ Ra 'Schnur, Spinnradsschnur', iž. nörüd 'Spinnradsschnüre', estn. nöör 'Schnur' - nd. snore (artikuliert snöre) 'Schnur'. Das finnische Dialektwort nyöri 'Spinnradsschnur' < schwed. snöre (SKES) könnte der Ausgangspunkt des ižorischen Wortes und des Wortes aus dem Dorf Pummala gewesen sein. Das wotische wortanlautende š ist durch die Kontamination von nöri und russ. шрып entstanden. öppiž Jõ '(viele)zusammen, zugleich, gleichzeitig', estn. hoopis 'ganz und gar', ühes hoopis 'zugleich, zusammen, mit gesamer Hand' - nd. to hope 'zusammen', bi hopen 'haufenweise'.

oreli Jõ 'Orgel', estn. orel - nd. orgel (Im Baltikum orjel artikuliert).

pāri Jõ 'Paar', pāri menemā 'einander heiraten', estn. paari minema, pāri panemā 'heiraten', estn. paari panema - nd. pār; das allgemeiner wot. pari, iž. pari ist in beide Sprachen aus dem Finnischen gekommen (SKES).

panni Jõ 'Pfanne', estn. pann - nd. panne.

pantti Ka Ma Lu Li Jõ 'Pfand', iž. pantti, estn. pant - nd. pant. Auch das finnische pantti (< schwed. pant) könnte der Ausgangspunkt der ižorischen Entsprechung sein.

paperi Ka Le Ma Lu Li Jõ Ra Ku usw. 'Papier, Urkunde, Schriftstück', iž. paḗperi, estn. paber - nd. pappír, papír. Es ist jedoch nicht ausgeschlossen, daß die wotischen und ižorischen Wörter aus dem Finnischen (< paperi) übernommen wurden (SKES).

pekki Ka Ma Lu Li Jõ usw. 'Speck', iž. pekki, estn. pekk - nd. speck. Das estnische Wort kann auch eine hochdeutsche Entlehnung sein.

potti Jõ 'Topf, Geschirr', estn. pott - nd. pot.

priski Lu Li Jõ Ra 'frisch, stark, wohlbeleibt, stämmig', iž. priski, estn. priske - nd. vrisch 'jung, frisch, wohlgemut', vrischlik 'frisch, jung'.

prõvvi Jõ 'Versuch, Probe', estn. proov - nd. prove, provinge 'Prüfung', prõvia Lu Jõ 'versuchen, probieren', iž. prõvvaDa. estn. proovida - nd. proven 'kennenlernen, merken, wahrnehmen'.

prükki Jõ 'Gebrauch, Brauch', estn. pruuk - nd. brúk; prükkia Jõ 'gebrauchen, sich bedienen'.

puteli gemeinwotisch 'Flasche', iž. puttēli - nd. ESA 12:74 buddel. Aus dem Schwedischen kommt das finn. puteli (SKES), dessen Vorbild man vielleicht auch berücksichtigen müßte, mindestens bei der ižorischen Entsprechung.

püttü Ma Lu Jõ 'Bütte, Buttergefäß', iž. püttü, estn. pütt, Gen. püti, dial. pütü - nd. butte (artikuliert bütte). Es ist durchaus möglich, daß das finnische pytty (< schwed. bytta) seinerseits zur Verbreitung des Wortes im Wotischen und Ižorischen beigetragen hat.

rāmi Pu Ka Ma Lu Li Jõ Ra 'Rahmen', iž. rāmi, estn. raam - nd. rame, ramen. Das parallel auftretende wotische rāma ist eine Entlehnung aus dem Russischen pāma.

reisiä Lu Jõ 'reisen', estn. reisida - nd. reisen. Ma Kõ Lu Li Jõ Ra reisu 'Reise' < finn. reisu.

rendi Ma Lu Li Jõ 'Arrende, Pacht', iž. rentti, estn. rent, Gen. rendi -nd. rente; rendiä Jõ 'verpachten, in Pacht nehmen'. Ins Wotische ist das Wort vom estnischen Stamm der schwachen Stufe entlehnt worden. Eigentümlichkeiten des Estnischen weist auch rendimä 'Pachtland' auf, estn. rendimaa.

reteli Ma Kõ Lu Li Jõ 'der Reiter zum Trocknen von Getreide, Heu usw., Leiter', iž. rettēli, estn. redel - nd. leder 'Leiter'. Im Estnischen hat sich die Metathese l..r → r..l vollzogen.

rīkki Le Ka Ma Lu Li Jõ Itš 'Reich', iž. rīkki, estn. riik - nd. rike. Das estnische Wort kann auch schwedischen Herkunft sein (< rike).

rūmi Jõ 'Raum, Platz', estn. ruum - nd. rūm.

rūto 1. Ma Lu Jõ 'Fensterscheibe', estn. ruut, Gen. ruudu - nd. rute. rūto. 2. Jõ 'Karo', estn. ruutu - nd. rute.

rõveli Jõ 'Räuber', estn. rõvel - nd. rover (artikuliert rõ-ver). Im Estnischen hat sich die Dissimilation r..r → r..l vollzogen. Den gleichen Stamm haben Lu Li Jõ rõviä 'rauben', iž. rõviä, estn. rõvida - nd. roven. In Jõ-gõperä ist auch rõvvätä registriert worden, im Ižorischen rõvädä, das vom finnischen ryövätä abzuleiten ist (SKES).

santi Jõ 'Bettler, Krüppel', estn. sant 'Bettler, Krüppel', mardisant 'maskierter Junge, der am Martinsabend einen Umzug hält' - nd. sante 'heilig'. Die Bedeutungsverschiebung 'Heiliger → Bettler hat sich im Estnischen vollzogen.

selcci Jõ 'Gesellschaft, Vereinigung, Gruppe', iž. seltsi, estn. selts - nd. selle-, sel-, seltschop 'Gesellschaft'.

sortti Pu Ma Lu Jõ 'Sorte, Art, Gattung', iž. sortti, estn. sort - nd. sorte. Das estnische Wort kann auch eine hochdeutsche Entlehnung sein. Jõ sortta ist ein russisches Lehnwort < СОРТ.

tappi Pu 'Tapfen', iž. tappi, estn. tapp - nd. tappen.

tēniä Jõ 'dienen', estn. teenida - nd. denen; tēnistuz Jõ 'Dienst', iž. tienistüs, estn. teenistus - nd. denest.

tormi Ma Lu Li Jõ 'Sturm', iž. tormi, estn. torm - nd. storm.

tõvari, tõveri Jõ 'Zuber', iž. tõvari, tuoveri, estn. toover,
toober - nd. tover.

treijata Jõ Ra 'drehen', estn. treima - nd. dreien.

trummi Jõ 'Trommel', estn. trumm - nd. trumme.

trükkia Jõ 'stechen, drucken mit einer Maschine', estn. trük-
kida - nd. drucken (artikuliert drücken).

tükkü gemeinwotisch, Ja Jõ Kõ auch tükki 'Stück, Teil eines
Ganzen, Sache, Ding', iž. tükkü, estn. tükk - nd. stucke
(artikuliert stücke).

vätti Lu 'Paß', iž. vätti, estn. vaat - nd. vät.

vahti Ma Lu Li Jõ 'Wächter, Wachthabender; Wache', iž. vahti,
estn. vaht - nd. wacht 'Wacht, Wachen, Bewachung'; vaht-
tia 'bewachen, wachen', iž. vahtia, estn. vahtida 'wach-
en, betrachten, beobachten' usw. - nd. wachten 'warten,
sorgsam hüten, erwarten'.

visi, vittä gemeinwotisch in Wortverbindungen sitã visi, sitã
vittä, ni visi 'so' usw., katã visi 'wie eine Katze',
meddã vittã Ma 'auf unsere Art, 'wie wir; wotisch', iž.
ühel vittã 'gleichartig, gleichmäßig', estn. sedaviisi,
niiviisi, kassi viisi usw. - nd. wis(e) 'Art und Weise',
in welker wís 'wie', nach der wise 'nach der Art'.

vokki Le Pu Ma Kõ Sa Lu Li Jõ Itã usw. 'Spinnrad', iž. vokki,
estn. yokk - nd. wocke.

värski Li Jõ 'frisch', iž. värski, estn. várske - nd. versch.
ässã Jõ 'As', iž. ässã, estn. äss - nd. es; rũto ässã 'Karo-
as', estn. ruutuäss.

Die angeführten indirekten Entlehnungen des Wotischen aus dem Niederdeutschen sind wahrscheinlich nicht die einzigen. Aufgrund der Analyse der angeführten Wörter kann man jedoch schon behaupten, daß diese neue Erscheinungen der Technik, der Kultur und der Lebens- und Arbeitsbedingungen widerspiegeln, die durch die Esten den Woten und Ižoren vermittelt wurden. Über Estland wurden gleichzeitig mit den neuen Begriffen auch Wörter aus dem Bereich des Bauwesens, des Haushalts, des Handwerks, der Arbeitswerkzeuge, der Speisen, der gesellschaftlichen Unterhaltung usw. erworben. Ins Estnische kamen die niederdeutschen Lehnwörter spätestens im XVIII. Jh. Ins Wotische konnten diese Wörter hauptsächlich im XVI. - XVIII. Jh. und auch noch im XIX. Jh. eindringen, nachdem sich diese im Estnischen voll eingebürgert hatte.

Das Hochdeutsche übte zum Teil schon im XVIII., im allgemeinen aber im XIX. Jh. einen starken Einfluß auf die estnische Sprache aus. Hochdeutsche Lehnwörter gibt es jedoch im Estnischen weniger als niederdeutsche. Ins Wotische sind diese hochdeutschen Lehnwörter hauptsächlich im XIX. und im XX. Jh. gekommen. Von den indirekten hochdeutschen Lehnwörtern des Wotischen seien hier folgende angeführt:

ketti Lu Li Jõ 'Kette, Ankerkette', iž. ketti, estn. kett,
- hd. Kette.

kiici Lu Li Jõ Ra Ku 'Ziege', estn. kits - hd. Kitz 'Junges von Ziege'.

kleitti Jõ 'Kleid, Kinderkleid', estn. kleit - hd. Kleid.

krāmi Jõ 'Kram, Hab und Gut', iž. krāmi, estn. kraam - hd. Kram;

krāmia Jõ 'räumen; ordnen', estn. kraamida - hd. kramen.

kramppi Jõ 'Krampe', iž. kramppi, estn. kramp - hd. Krampe.

mekkiä Jõ 'schmecken; probieren', iž. mekkiä, estn. mekkida
- hd. schmecken.

napsu Lu Jõ 'Schnaps, ein Schluck Brantwein', estn. naps, Gen. napsi, napsu - hd. Schnaps; napsata Jõ 'Brantwein trinken', estn. napsitada - hd. schnapsen. Obwohl in den heutigen niederdeutschen Dialekten sich auch snaps und snapsen findet, darf man wohl annehmen, daß das betreffende Wort ins Estnische aus dem Hochdeutschen übernommen worden ist, da es im Estnischen nicht vor dem XIX. Jh. aufgezeichnet worden ist.

placci Ma Lu Jõ 'Platz, Stelle', estn. plats, - hd. Platz. Daß dieses hochdeutsche Wort ins Wotische gerade über das Estnische gekommen ist, bezeugen solche Ausdrücke wie placciz ella Jõ 'da sein', estn. platsis olla.

pruntti Ka Ma Lu Li Jõ 'Spund', estn. prunt - baltisch-deutsch Sprunt (Hupel 1795) oder schwed. sprunt.

trätti Ka 'Draht', estn. traat - hd. Draht.

Als im vorigen Jahrhundert viele wotische Jugendliche aus Vaipooli in Narva zu arbeiten begangen, verbreitete sich unter ihnen auch die wotisch-estnische Zweisprachigkeit, und dadurch wuchs auch der Einfluß des Estnischen auf das Wotische. Nach dem Muster des Deutschen wurde im Estnischen auch der Gebrauch zusammengesetzter Verben allgemein. Diese Eigentümlichkeit des Deutschen wurde auch auf das Wotische übertragen.

Von den entsprechenden Beispielen seien hier nur einige angeführt wie z. B. Jõ ettè näcemä, estn. ette nägema - hd. vorsehen, voraussehen, ettè pangmà, estn. ette panema - hd. vorstellen, vorschlagen, ettè tätemä, estn. ette teadma - hd. vorauswissen, ettè tulemä - hd. vorkommen, ettè tähetemä, estn. ette tähendama - hd. vorbedeuten; kokkò langemä, estn. kokku langema - hd. zusammenfallen, einfallen, kokkò sāmà, estn. kokku saama, hd. zusammenkommen, kokkò tempàmä, estn. kokku tõmbama - hd. zusammenrücken, zusammenschrumpfen; pälè panemä, estn. peale panema - hd. auflegen, teizē pälè ajamä, estn. teise peale ajama - hd. auf einen anderen schieben; ühtè sāmà, estn. ühte saama - hd. zusammenkommen; üles čirjottà, estn. üles kirjutada - hd. aufschreiben usw. Auch außerhalb von Vaipooli sind solche wotischen zusammengesetzten Verben aufgezeichnet worden, z. B. Ma ettè tulemä, ettè näcemä. Im XIX. und XX. Jh. beherrschten die Woten selber im allgemeinen nicht das Deutsche. Die wotischen Germanismen sind ein schlagender Beweis dafür, daß die estnische Sprache fortwährend das Wotische beeinflußt hat.

Abkürzungen der Namen wotischer Dörfer und der Sprachbezeichnungen: Itš = Itšpäivä, Ja = Jarvigoistšülä, Jõ = Jõgõperä, Ka = Kattila, Ku = Kukkuzi, Kõ = Kõrvõtula, Le = Lempola, Li = Liivtšülä, Lu = Luuditsa, Ma = Mati, Pu = Pummala, Ra = Rajo, Sa = Savvokkala.

estn. = estnisch, finn. = finnisch, hd. = hochdeutsch, iž. = ižorisch, nd. = niederdeutsch, russ. = russisch, schwed. = schwedisch, wot. = wotisch.

Literatur:

EK = Eesti keel, Tartu 1922-1940.

ESA = Emakeele Seltsi Aastaraamat, Tallinn 1955 -.

Hupel = A. W. H u p e l , Idiotikon der deutschen Sprache in Lief- und Ehstland, Riga 1795.

KK = Keel ja Kirjandus, Tallinn 1958 -.

Kluge = Fr. K l u g e , Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 19. Auflage. Berlin 1963.

СФУ = Советское финно-угроведение, Tallinn 1965 -.

П. А р и с т э
(Тарту)

НЕМЕЦКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ВОДСКОМ ЯЗЫКЕ

Р е з ю м е

В XIII веке между эстонцами и водью протянулась административная граница. Водь осталась во владениях Новгорода, в то время как эстонцы оказались под властью Дании, а в XIV веке - Ливонского ордена. На территории Ливонского ордена жили немецкие поселенцы, которые вначале говорили на нижненемецком языке. Нижненемецкий язык был официальным языком до первой половины XVII века. В качестве разговорного языка он сохранялся до первой половины XIX века. Но уже в XVII в. его начал оттеснять верхненемецкий язык. В эстонском языке имеется значительное количество нижненемецких заимствований, в то время как верхненемецких значительно меньше. Тесные контакты между эстонцами и водью сохранились и после установления государственных границ. Эти контакты были особенно сильными в XVI в., когда часть эстонцев и водь были под властью России, и в XVI-XVII вв., когда оба народа находились в составе Шведского государства. С начала XVIII в. они вошли в состав России. Водь поселилась на территории эстонцев, главным образом в Нарве и ее окрестностях. Возникло водско-эстонское двуязычие. Из эстонского языка стали проникать в водский и немецкие слова. Следовательно, в водском языке они являются опосредованными заимствованиями. Часть немецких опосредованных заимствований проникла также в ижорский язык. В статье рассматриваются прежде всего ранние нижненемецкие и позднейшие верхненемецкие заимствования.

ОБОБЩАЮЩИЕ СЛОВА ПРИ ОДНОРОДНЫХ ЧЛЕНАХ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В марийском языке при всех видах однородных членов предложения могут употребляться обобщающие слова. Они объединяют перечисленные в однородных членах предметы, действия, их признаки и качества и координируют их с общим членом предложения. Однородные члены и обобщающие слова объединяются пояснительными отношениями.

Обобщающие слова по отношению к однородным членам могут располагаться в препозиции и постпозиции: Тыгыде йоча-влак пёрткайкыла чыгыматенкият: кычкырат, шортят, куржталыштат/Элнет Сергей, Илыш шолеш: 92/ 'Маленькие дети шумят, как воробьи: кричат, плачут, поют, бегает'. Нёлпер йымалне тёрлбшудо кушкеш: полдыран, шмавуч, явуч/Н. Лекайн, Кугезе мланде: 109/ 'Под ольшаником растут всякие растения: борщевик, дудник, болиголов'.

Ер вуд, кумда олык, ужар чодыра, шурнан пасу, яндар жк - чыла жат мемнан Родинынан пёртүслан поян улмыш нерген уештарат /Марий коммуна 18.05.77/ 'Озера, широкие луга, зеленые леса, хлебные поля, свежий воздух - все это говорит о богатстве природы нашей Родины'. Агитаторым пасуштат, фермыштат, идымыштат - чыла вере вучат /П. Корнилов, Муй олык: 114/ 'И в поле, и на ферме, и на гумнах - всюду ждут агитатора'.

Иногда однородные члены могут находиться между обобщающим словом и другими членами предложения: Республикысе литература ден искусство мастар-влакын эн сай произведени йышт: балет ден инструментальный пьесышт, проза книга ден почеламут сборникышт, тематический полотно ден графический серийышт - лудшо але ончаш толшо егын чонжым куандарат, илышын чевержым умылаш туныктат, шонкалаш таратат /Марий коммуна 20.03.77/ 'Самые лучшие произведения мастеров литературы и искусства республики: балет и инструментальные пьесы, прозаические книги и сборники стихов, тематические полотна и графические серии - радуют сердца читателей или зрителей, учат их понимать красоту жизни, развивают творческое

мышление'. Нарта с я л о з а н л ы к ш к о л ы н
 м а с т е р с к о й л а ш т ы ж е ы ш т ы м е ў з -
 г а р - в л а к : орва, мўш омарта, шкаф, имне таган, кўрт-
 нёб сура - я л о з а н л ы к в ы с т а в к ы ш т е с а й м о г ы р ы м п а л е м д а л т ы н ы т
 /В. Юксерн, Вўдшў йога - серже кодеш: 143/ 'Ручные изделия
 учащихся Нартасской сельскохозяйственной школы: телега, улей,
 шкаф, подкова, замок - признаны лучшими на выставке народно-
 го хозяйства'.

Содержание препозитивного обобщающего слова конкретизи-
 руется с помощью однородных членов. В данном случае обобщаю-
 щее слово является поясняемым, а однородные члены - поясняя-
 щими словами. Поясняющие однородные члены в предложении вы-
 полняют те же синтаксические функции, что и поясняемое обоб-
 щающее слово. Например: Волшебный край! Мотор ты верже!
 Ч ы л а п е ш с ы л н е : курык, сад, янтарь дене темше виноград
 да олик /Осмин Йнван, Почеламут сборник: 126/ 'Волшебный
 край! Все прекрасно здесь: горы, сады, наполненный янтарем
 виноград и луга'. В данном предложении обобщающее слово чыла
 'все' и однородные члены курык, сад, виноград, олик 'горы,
 сады, виноград, луга' являются подлежащими. Ў л ы ч ы н :
тенгыл гыч, кўвар ўмбац, лопка пу кровать гыч - малыше-влакын
 шўлышыт шокта /Л. Воронкова, Чодырасе пўрт: 21/ 'Снизу: со
 скамейки, с полу, с широкой деревянной кровати - слышится ды-
 хание спящих людей'. Обобщающее слово ўлычын 'снизу' и од-
 нородные члены тенгыл гыч, кўвар ўмбац, кровать гыч 'со
 скамейки, с полу, с кровати' в предложении выполняют функции
 обстоятельства места.

При постпозиции обобщающее слово резюмирует содержание
 однородных членов. В таком предложении поясняемым словом вы-
 ступают однородные члены, поясняющим - обобщающее слово. По-
 ясняющее обобщающее слово и поясняемые однородные члены в
 данном случае тождественны по содержанию. Например: Завод ден
фабрика, вуз, мланде ден кава - ч ы л а м е м н а н /С. Чавайн,
 Ойпого: 73/ 'Заводы и фабрики, вузы, земля и небо - все на-
 ше'. Олыкшшто, чодыраште, вўд воктене - ч ы л а в е р е
 тўрлб тўсан пеледыш-влак волгалтыт /Марий коммуна 27.04.77/
 'И на дугу, и в лесу, и возле реки — всюду растут цветы.

Для усиления отношения однородности и установления чет-
 кой связи между ее компонентами однородного ряда обобщающее
 слово может быть употреблено дважды: перед однородными чле-
 нами и после них. При двухкратном употреблении обобщающего

слова ряд однородных членов предложения оказывается одновременно выполняющим функцию поясняющего и поясняемого члена: по отношению к обобщаемому слову, стоящему в препозиции, ряд однородных членов является поясняющим, а для постпозитивного обобщающего слова является поясняемым. Например: К о м с о м о л е ц - в л а к: рвезыже, ўдыржб - ч ы л а н а т Ы в а н ы м а в ы р е н к у ч а т , м у р е н - м у р е н п ѳ р д ы к т а т /С. Чавайн ІУ:194/ 'Комсомольцы: и парни, и девушки - все подхватили Ывана, кружат его в хороводе'. Ш о л е м н и м о м а т о к ч а м а н е : шўльым, уржам, пакча кбргым - ч ы л а ж ы м а т л у п ш е н к о д а /Н. Лекайн, Кугезе мланде:4/ 'Град ничего не жалеет: ни овса, ни ржи, ни овощей - все может побить'.

Можно также отметить наличие в марийском языке немногочисленных случаев употребления двух параллельных рядов обобщающих слов и однородных членов, которые в предложении выполняют разные синтаксические функции: М е м н а н я л ы с е - в л а к : пбръенже, ўдырамашыже, изыже, кугужо - ч ы л а н Т о л с т о с у м о в л а н п а ш а м ы ш т а т : шыжым, телым чодырам рват, шошым, кенёжым вўд дене пырням к ы л ы ш к о волтат /С. Чавайн У:235/ 'Все жители нашей деревни: мужчины и женщины, взрослые и дети - работали на Толстосумова: осенью и зимой рубили лес, весной и летом сплавливали его на Волгу'.

Приведенные выше примеры показывают, что обобщающие слова и однородные члены по своим синтаксическим функциям тождественны, то есть являются одним и тем же членом предложения. Они свободно могут меняться местами, при этом их синтаксическая функция остается неизменной.

Обобщающими словами могут быть все члены предложения:

І. Подлежащие: С у р п у р а ш т ў н а л ш е ўпшб, в и а ш к у г ы р а к нерже, р а ш о н ч а л ш е и з и р а к шинчаже, в и ч ы к ы р а к тўрвыкб, о ш е м а ш т ў н а л ш е брыш-пондашыже - ч ы л а ж а т /Кори кугызан/ рвезе г о д ы м м о т о р у л м ы ж ы м о н ч ы к т а т /Шабдар Осып, Ыдырамаш корно:8/ 'Поседевшие волосы, прямой нос, тонкие губы, ясные глаза, посеребрившиеся усы и борода - все это напоминает, что Кори в молодости был красивым'. Т и д е т ў ш к а ш т е ш у к о п а л ы м е - в л а к у л ы т : Андри Иван, Игнатий Шадрин, Габдулла да молат /Н. Лекайн, Кугезе мланде: 206/ 'В этой толпе много знакомых: Андри Иван, Игнатий Шадрин, Габдулла и другие'.

2. Сказуемые: Н у л г ы ш т о ш и ш т е к у р ж т а л ы ш т е ш : в у р с г а й п е н г ы д е н е р ж е д е н е ш о п о н у л г ы м чўнга, у м д о г а й и л ы -

мык дене нор шукшым шуралтен луктеш, вара тамлен кочекш /С. Чавайн Ш : II/ 'На пихте сидит дятел : своим крепким, как сталь, клювом долбит полусохшую кору, выуживает длинным, острым язычком личинки короеда и глотает их с наслаждением'. Пўя ч о т к ы д о : тумо воштыр, шертне укш дене ыштыме, ўм-бачше вўд пундамышсе лавырам шўрен шындыме /Ончыко 1976, № I : 66/ 'Пруд крепкий: сделан из дубовых и ивовых веток, сверху обмазан речной грязью'.

3. Определения: Коммунеш могай гына кружокым почмо огыл: столярный, переплетный, драматический, музыкаль-ный /Ончыко 1976, № 2:29/ 'В коммуне организовали различные кружки: столярный, переплетный, драматический, музыкальный'. Пылшешман кечывалвел гыч шочмо - кушмо верлакшыт пўртылшў кайнк - влакын: кўседыкын, турийын, турня ден йўксын - куан мурышт йонга /М. Азмекей, Пўртўс муро: I2/ 'Раздаются веселые крики птиц: чибисов, жаворонков, журавлей и лебедей, которые возвращаются с юга в родные края'.

4. Дополнения: Ты суртышто Галина Алексеевна тўрлнжымат ужын: веселан модын-воштыл эртарыме пагытымат, вали келшен паша ыштымымат, шўлыккан жапымат /П. Корнилов, Мўй олык:7/ 'В этом доме Галина Алексеевна все видела: и веселый отдых, и счастливый труд, и горе'. Ачаже фотографлан кўлшў чыла ўзгарым налын конден: кок изи тарелкым, печатлаш рамкым, глянцевый фотокагазым, вич кассетым, проявитель, закрепитель да фиксажный шинчалым /Н. Лекайн, Шўртнў падыраш: I2/ 'Отец купил все необходимое для фотографа: две маленькие тарелки, рамку для печатания, глянцевую фото-бумагу, пять кассет, проявитель, закрепитель и фиксаж'.

5. Обстоятельства: ўстембалнат, окнаштат, кроватьыштат, олымбалнат - чыла вереат книга-влак кият /Тынш Осып, Ануk акай: II7/ 'И на столе, и на окнах, и на кровати, и на полках - повсюду лежат книги'. Пеледыш пайремыш марий калык энсылне верыш: яндар энёр, воштончыш гай ер серыш, мўй олыкыш, ужар чодырашке - погына /Марий коммуна 04.06.77/ 'Марийский народ отмечает праздник цветов на лоне природы: на берегу глубоководных рек и зеркальных озер, на полянах, наполненных ароматом цветов, и в зеленых лесах'.

По своей структуре обобщающие слова в марийском языке не так сложны, как, например, в русском. В качестве обобщающих

слов при однородных членах могут выступать:

а/ Отдельные слова: Ача ден ава лийшын поро кумылышт, мыйын верч тыршымышт, Костя дене первый вашлиймына, мужыр кб-гөрчен семын келшен илмына, война пыттым изин-кугун вучы-мем - ч ы л а ж а т ушышем пёрдеш /В. Иванов, Туналме корно:98/ 'Помнится все: и доброта свекра и свекрови, их забота обо мне, и первая встреча с Костей, и наша совместная жизнь, и ожидание конца войны'. Маскат /озаглан/ полша: сусыр сарзын йолжым нёлтал куча, пушым лишкырак шупшышен /К. Васин, Муро апшат:25/ 'Медведь помогает своему хозяину: то приподнимет ноги раненого человека, то подтянет лодку';

б/ Словосочетания: Т ў р л ё к а л ы к п о в с т а - н е ц - в л а к : удмуртшат, коми-пермякшат, марийжат, татар-жат - Пугачев деке тўшкан-тўшкан толыныт /К. Васин, Муро апшат:154/ 'К Пугачеву присоединились повстанцы разных национальностей: удмурты, коми-пермяки, марийцы, татары'. Рвезе вий йогын в ў д д е н е и к т а к : нимогай чаракым огеш ончо, эре ончыко сенен кая /Н. Лекайн, Кугезе мланде:22/ 'Сила у молодежи - словно бурлящая река: не боится никаких преград, совершает новые подвиги'.

Обобщающие слова выражаются всеми знаменательными частями речи. Наиболее употребительными являются обобщающие слова, выраженные именами существительными. В предложении они выполняют роль подлежащего, определения или дополнения. Например: Ё д ы р - в л а к : Очий, Маюк, Оксина - бригадам садак ончыко луктыч /Элнет Сергей, Илын шолеш:53/ 'Девушки: Очий, Маюк, Оксина - вывели бригаду на первое место'. "Ончыко" журналыште уста й ы л м ы з е - в л а к ы н : Пенгитовын, Галкинын, Грузовын, Учаевын, Иванов-Мадарын - вознымшт лектын /Ончыко 1976, № 5:13/ 'В журнале "Ончыко" / "Вперед"/ напечатаны статьи талантливых лингвистов: Пенгитова, Галкина, Грузова, Учаева, Иванова-Мадара'. Маска-алак чодыра сеемж - саска м : эйнжым, мбрнм, ломонгичкым, пöчкжым, пизлыгичкым - кочкыт /М. Азмакей, Пүртүс муро:67/ 'Медведи лакомятся разными лесными ягодами: малиной, земляникой, черемухой, брусникой, рябиной'.

Довольно часто встречаются обобщающие слова, выраженные глаголами. В предложении они являются сказуемыми. Например: Сакарын пöрт кбргыжм Левентей кува т ў з а т е н : мелнамат күештын, шбравальмат шолтен, шоваш дене сырамат ўстембак конден шынден /С. Чавайн Ш:140/ 'Для встречи гостей в доме

Сакара жена деда Левентея приготовила все, что надо: напекла блинов, вскипятила неснятого молока, принесла пива в бураке'. Май тылзе ужаргыше садерым, олыкым июнь тылзылан полеклен кодыш; июнь тылзыже эше кугурак полекым я м д л а: садерым пеледькта, пасушто озымым нолта, олыкышто шудым кушта /В. Иванов, Шошо:52/ 'Июнь от мая унаследовал зеленые сады и луга; сам июнь для июля готовит еще красивее и богаче подарок: осыпает сады цветами, ускоряет рост озымых на полях, растит траву на лугах'.

Широко употребляются обобщающие слова, выраженные местоимениями:

а/ Указательными нине 'эти', тыгай 'такой, следующий', тынар 'столько', которые обычно в предложении выступают в роли определения: Черновцы, Каменец-Подольск, Козятино, Житомир - н и н е ола кундем гоч эртен Федор Чугунов /М. Сергеев, Фронтоник-влак:207/ 'Черновцы, Каменец-Подольск, Козятино, Житомир - через эти города проезжал Федор Чугунов'. Нылымше воздушнодесантный корпусын 214-ше бригадылан т ы г а й задачым пуат: Смоленский областыш торшташ да окупант-влякым почкаш /М. Сергеев, Фронтоник-влак:93/ '214-ой бригаде четвертого воздушнодесантного корпуса дали следующее задание: приземлиться на территории Смоленской области и разгромить врага'. Ик луй, кок рывыж, шудо коло ур, шымлу мызе, кум кундыр, ик сузо - тынар ялык ден кайыкым луйен Сакар /С. Чавайн Ш : 112/ 'Куница, пара лисиц, сто двадцать белок, семьдесят рябчиков, три тетерева, один глухарь - столько зверей и птиц застрелил Сакар';

б/ Вопросительными ко 'кто', мо 'что', могай 'какой' в роли подлежащего или дополнения, или же именного составного сказуемого: Но ко тый лийнат: шофер, агроном, бухгалтер, инженер? /А. Савельев, Илыш сусырта гын : 73/ 'Кем ты стал: шофером, агрономом, инженером?' Ты пещерыште м о г ы н а оқ пордал: айдеме дулеге, руданше ведра, печкалтше коршок-влак, тулвондо да турло килеш-кылдымаш /Ончык 1976, № 5 : 8/ 'В этой пещере что только не валяется: скелет человека, ржавое ведро, разошедшие деревянные горшки, кочерга и всякое нужное-ненужное'. Кочкаш шолтышо-влак подыш м о м г ы н а оптен огытыл: паренгет, солянкет, кол консервет, ковыштат, вермишельет, концентрат пачкет /Марий коммуна 20.01.77/ 'Повара чем только не заправили суп: и картофелем, и солянкой, и рыбными консервами, и капустой, и вермишелью, и суповым кон-

центратом';

в/ Определительными чыла 'все', кажне 'каждый', кеч-кө 'всякий'. Обобщающие слова, выраженные определительными местоимениями, чаще всего бывают в предложении подлежащими, иногда - именными составными сказуемыми: Сылне ерже, виаш яктерже, яндар Элнетше, чодыра емьже - ч и л а ж а т шўм-чоным куандара /Марий коммуна 24.03.77/'Зеркальное озеро, сосновый бор, полноводная река Илеть, лесная ягода - все радует сердце человека'. Сусыр-влак коклаште коммунист ден комиссар-влак улмым тыште к а ж н е сайын пален: сусыржат, эмлыше енжат /А. Вик, Тул-вўд вошт : 154/'0 присутствии коммунистов и комиссаров среди раненных знал каждый: и больные, и медработники'. Йоча-влак, те калыклан пайдале, кўлешан ен, лийнеда гын, сайын тунемза. Илен-толын, шоньмашда семын к е ч - к ө л и й з а : туньктышо але врач, агроном але зоотехник, уста тракторист але ончыл доярка /Марий коммуна 26.02.76/'Ребята, чтобы стать нужным и полезным человеком для страны, нужно хорошо учиться. Вы можете стать хоть кем: учителем или врачом, агрономом или зоотехником, трактористом или дояркой';

г/ Отрицательными нигö 'никто', нимо 'ничто', иктат 'никто', нигудо 'никоторый, в значении никто, ничто', которые употребляются в роли подлежащего, дополнения: Сарыш кайыше-влак ни йочаштым, ни родо-тукмыштым - н и г ö м огыт уж /Ончыко 1976, № 4 : 101/'Мобилизованные на фронт люди не увидят никого: ни своих детей, ни родных и близких'. Пöртыштö Султанын ни ару пöрт көргö, ни кугу ужар пучан граммофон, ни янда оман книга шкап - н и м а т öрыктарен огыл /Ончыко 1976, № 2 : 23/'Ни чистота, ни большой зеленый граммофон, ни пузатый серебряный самовар, ни стеклянный шкаф - ничто не удивило Султана в доме'. Тудым /совет ўдырамашым/ и к т а т лўдыктен, орландарен ашнен ок керт: марийжат, ачажат, аважат /С. Чавайн IV : 197/'Никто: ни муж, ни отец, ни мать - не смеет обижать ее, советскую женщину'. Шўчко мардеж, кугу толкын, кўдырчан йўр, шодем, волгенче тул - н и г у д ы ж а т тыным /пўнчым/ сеҗен кертын огыл /Н. Лекайн, Кугезе мланде : 52/'Ни свирепый ветер, ни могучая волна, ни гроза, ни пламя молнии - ничто не смогло сломить сосну'.

Значительное место среди обобщающих слов при однородных членах предложения занимают обобщающие слова, выраженные именами прилагательными. В предложении они являются подлежащими-

ми, сказуемыми, дополнениями. Например: /Зосимын/ Ушныткыо т ў р л ё: эртые корно, ончыкылык илыш - пёрдеш /Ончыко 1976, № 2:26/ 'В голову Зосима приходит разное: дума о пройденном пути, мечта о светлой жизни'. Мемнан вуйлатышы, Йогор Корийын, пондашыже м о т о р: кумда, нугыдо, шёртнё помн-ла гай /М. Шкетан III:113/ 'Борода нашего председателя колхоза, Йогора Кори, красивая: раскидистая, густая, словно золотая метелка'. Пайрем ўстеллан ватем т ў р л ы м: пряникым, печеным, лимонны, олмам, тортым - наледен /И. Иванов, Ший сўан:23/ 'Для праздничного стола жена купила разное: пряники, печенье, лимоны, яблоки, торт'.

Реже употребляются при однородных членах обобщающие слова-подлежащие, выраженные наречиями количества: Кушлат ч н л а н: солистат, хорат, молат /Марий коммуна 07. 04. 77/ 'Плявут все: солисты, члены хора и другие'. Кутырат ш у к ы н: ўдырамашыжат, пёрёнжкат, вуйлатышыжат, тыгдайжат /Марий коммуна 23.02.77/ 'Говорят многие: женщины, мужчины, ответственные лица и рядовые'. Уремын ик окнан изи пёлемыште к у м ы т ы н илат: Марина, Фатима да Маринан эн лишыл йолташыже Веруш /Шабдар Осип, Ыдырамаш корно:152/ 'В маленькой комнате с окошком в сторону улицы живут втроем: Марина, Фатима и Веруш, самая близкая подруга Марины'. Шудышырчык-влакын йўкышт, памашын йогымыжо, телеграф менгын мурмыжо, чодыран гўжлымыжō - в у й г е ж а т иктеш ушна, пылышлан сылынн шокта /Я. Ялкайн, Ужар жап:86/ 'Стрекот кузнециков, журчание родника, гул телеграфных столбов, шум леса - все в единстве создают красивый звон'.

В роли обобщающих слов могут выступать синтаксические конструкции, образованные из сочетаний слов, принадлежащих к разным частям речи:

I. Сочетание существительного в косвенном падеже с местоимением. Такие сочетания в предложении выполняют функцию обстоятельства места: Йочам шке йыме дене туныктымо пашаштат, сылне литературыштат, искусствыштат - ч ы л а п а ш а ш т а т Марий кудемын опытым, шылыммыжым илышыш пуртена /Я. Ялкайн, Ужар жап:40/ 'В преподавании на родном языке, в художественной литературе, в искусстве - во всех делах перенимаем опыт работы Марийского края'. Кажне стильын посна йōнжō й ы л м ы н ч ы л а у ж а ш ы ш т ы ж е палдырна: мут поянылк ден ой-савыртышлаштат, морфологий ден син-

таксисытат /З. Учаев, Кызытсе марий йылме:9/ 'Особенности стиля языка обнаруживаются во всех разделах грамматики: в лексике, морфологии и синтаксисе'.

2. Сочетание существительного с именем прилагательным в функции подлежащего: 20-30-шо ийлаште мужыран термин - в л а к: ойлымаш ужаш, лўм мут, пале мут, чот мут, олмештыш мут да молат - мут поянлыкш ушат /З. Учаев, Кызытсе марий йылме:31/ 'В 20-30-ых годах словарный фонд марийского языка обогащается новыми лингвистическими терминами, состоящими из двух слов: части речи, имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, слова-местоимения'. Савак марийнн чодыраштыже тўс деч тўсан т ў р л ъ я н л ы к и л а: ужар онан дуэт, лаштыра почан урет, олача-вулача, шурманшет, чевер рывыжет /Дим. Орай, Чолга шўдыр:6/ 'В лесах саваковских марийцев водятся разные звери: зеленогрудая куница, белка с пушистым хвостом, пятнистая рысь, рыжая лиса'.

3. Сочетание существительного с числительным, употребляющееся в качестве подлежащего: К у м р в е з е: Мосолов ден Гужавин да Микал - сурт гыч суртыш вонча /В. Юсерн, Вўдшў йога-серже кодаш:220/ 'Трое ребят: Мосолов, Гужавин и Микал - ходят из дома в дом'. Фашист салтак-влак, партизан-влакын засадышкышт шижде логалын, шўдў наре енштыш йомдарышт. Тидын годым я ты р с а р - к у р а л: автомат, пушка, снаряд, патрон, миномет ден мина - партизан-влак кидыш логале /М. Азмекей, Россон чодыраште:68/ 'Немецкие солдаты, оказавшись в засаде партизан, потеряли около ста человек. При этом партизанам досталось много оружия: автоматы, пушки, снаряды, патроны, минометы и мины'.

4. Сочетание личного местоимения с определительным, количественным наречием, употребляющееся в качестве подлежащего: Улына м е кожмак патыр чы л а н а т: столяр, слесарь, фрезеровщик, сварщик, каменщик, шофер, полировщик и шлифовщик, экскаваторщик, монтер /Осмин Йван, Поро кече:10/ 'Столяр, слесарь, фрезеровщик, сварщик, каменщик, шофер, полировщик и шлифовщик, экскаваторщик, монтер - все мы ловкие и сильные люди'. "Съездын кокымшо кечыштыже перерыв годым мемнан деке Михаил Иванович Калинин тольо, - Марья шўм куанен оила. - Тунам м е к у м ы т ы н: Марья /Чуваш АССР-ысе трактористка/, Ленин ордена Егошина Елена /Мордва АССР-ын знатный вольк ончышыжо/ да мый - шкенапашана нерген кутырена ыле" /Тулан жап годым : 86/ "Второй день работы съезда.

Во время перерыва к нам подошел Михаил Иванович Калинин, — с радостью рассказывает Марья. — В то время мы троим: Марья /трактористка из Чувашской АССР/, Евдокия Елена, награжденная орденом Ленина, знатная доярка Мордовской АССР и я — обменивались опытом работы”.

5. Сочетание существительного или местоимения, или же неопределенно-количественного числительного с послелогом в роли обстоятельства места, дополнения: М л а н д е Û м б а л н е: уремште, олык лапыште, мардеж логалдыме корем лакныште — дÛп-дÛп шокшыш чучеш /Шабдар Осып, Ûдырамаш корно:5/ 'На поверхности земли: на улице, на лугу, около оврага — очень душно'. Колхозым ыштымаш, кулак классым пытары-маш, школ илыш, комсомол паша, шочмо пÛртÛс, уэмше ял ден ола-влак, яндар йÛратымаш — чыла нерген возынт самырк автор-влак /Тулан жап годым:6/ 'Об организации колхозов, о ликвидации кулачества, о школьной жизни, о делах комсомольцев, о природе родного края, об обновленных деревнях и городах, о чистой любви — обо всем писали молодые писатели и поэты’.

В предложениях с препозитивным расположением обобщающего слова по отношению к однородным членам иногда употребляется вводное слово м у т л а н 'например', которое ставится перед однородными членами. Например: ЙÛштÛ вÛран животный-влак, мутлан: шыпшале, ужава, кишке, черепаха, тугак насекомый ден шукш-влак — тельлан чыланат пушенге коргашыш, кÛ йымаке але рокыш пурен возыт 'Пойкилотермные животные, например: ящерица, змея, лягушка, черепаха, а также насекомые и червяки — все проводят зиму под камнями, зарывшись в землю, или же в дупле дерева’.

При постпозитивном обобщающем слове для подчеркивания его итогового характера используется вводное слово и к м а н а ш 'в общем, одним словом’. Подытоживающее вводное слово обычно ставится перед обобщающим словом: Танила пашаште чот тыршен: куралыш, Ûден, кытам пуртен, тельм пум руен, шупшыктен — и к м а н а ш, чыла ыштен /Н. Лекайн, КÛртыш вий : 8/ 'Танила усердно трудился : пахал, сеял, возил снопы, зимой рубил лес — одним словом, все делал.

Таким образом, мы рассмотрели грамматические и структурные особенности обобщающих слов при однородных членах предложения, а также морфологические средства их выражения в марийском языке.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- БИК А.И. 1976, Тул-вўд вонг, Йошкар-Ола.
- ВАСИН К.К. 1974, Муро ашнат, Йошкар-Ола.
- ВОРОНKOBA Л. 1944, Чодыресе пёрт, Йошкар-Ола.
- ИВАНОВ В.М. 1959, Туналме корно, Йошкар-Ола.
- "- 1961, Шоно, Йошкар-Ола.
- ИВАНОВ И.П. 1974, Ший сўан, Йошкар-Ола.
- КОРНИЛОВ П.Г. 1974, Мўй олык, Йошкар-Ола.
- ЛЕКАЙН Н.С. 1960, Кугезе мланде, Йошкар-Ола.
- "МАРИЙ КОММУНА" (газета на марийском языке), 1977.
- МИЧУРИН-АЗМЕКЕЙ А. 1958, Пўртўс муро, Йошкар-Ола.
- "- 1972, Россон чодыраште, Йошкар-Ола.
- ОРАЙ Дим. 1950, Чолга шўдыр, Йошкар-Ола.
- "ОНЧЫКО" (журнал на марийском языке), 1976, Йошкар-Ола.
- ОСМИН Иван. 1963, Поро кече, Йошкар-Ола.
- САВЕЛЬЕВ А.А. 1972, Илын сусырта гын, Йошкар-Ола.
- СЕРГЕЕВ М.Т. 1975, Фронтовик-влак, Йошкар-Ола.
- Тулан жап годым. Почеламут ден ойлымаш-влак, 1975,
 Йошкар-Ола.
- ТЫНЫШ Осип. 1962, Анук акай, Йошкар-Ола.
- УЧАЕВ З.В. 1976, Кызытсе марий йылме, Горький.
- ЧАВАЙН С.Г. 1957, Ойпого, Йошкар-Ола.
- "- 1967-1968, Сылнымутан произведений-влак, т.Ш, IУ, У,
 Йошкар-Ола.
- ШАБДАР Осип. 1957, Ёдырамаш корно, Йошкар-Ола.
- ШКЕТАН М. 1962, Роман, пьеса, ойлымаш да статья-влак, т.Ш,
 Йошкар-Ола.
- ЭЛНЕТ Сергей. 1958, Илын шолеш, Йошкар-Ола.
- ЮКСЕРН В.С. 1975, Вўдшо йога - серже кодеш, Йошкар-Ола.
- ЯЛКАЙН Я.Я. 1960, Ужар жап, Йошкар-Ола.

Z. K. I v a n e v a
(Tartu)

GENERALIZING WORDS TO HOMOGENEOUS MEMBERS
OF THE SENTENCE IN THE MARI LANGUAGE

S u m m a r y

In the Mari language generalizing words may be used with all types of homogeneous members. They unite all the subjects, actions, qualities and signs, expressed by homogeneous members and coordinate them with the words they modify. In the sentence they are used in the same syntactical function as the homogeneous members. Generalizing words and homogeneous members are connected by explanatory relations.

The syntactical function of generalizing words does not depend on their position with regard to homogeneous members. They may precede the homogeneous members, follow them and take a position between them. Sometimes generalizing words are used twice in the sentence: both before homogeneous members and after them.

Sometimes in one and the same sentence several rows of generalizing words are used simultaneously. In this case the rows of generalizing words to homogeneous members play different syntactical functions. Generalizing words may be different parts of the sentence expressed by notional parts of speech. Structurally they may be expressed by one word or a combination of words. Generalizing words expressed by nouns, pronouns, adverbs and verbs are the most frequent in the Mari language.

А. К в н а н
(Тарту)

РУССКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЮЖНОСАМОДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ
(XIX - НАЧ. XX ВВ.)

Эта статья посвящена одной юбилейной дате в самоэдологии - столетию выхода в 1879 году селькупской "Азбуки" Н. П. Григоровского (Григоровский 1879). В том же году были изданы еще три его книги. Все они были религиозного содержания и вряд ли получили сколько-нибудь широкое распространение. Однако в "Азбуку" были включены оригинальные тексты на южно-селькупском наречии. (См. подробнее Hajdú 1973 : У-IX; Katz 1977). В этих текстах прослеживается сильное влияние русского языка, особенно в области лексики. Мы не знаем, все ли русские слова, встречающиеся в текстах, употреблялись в живой речи южных селькупов или часть из них представляет собой нововведения автора. Сам Н. П. Григоровский сообщает по этому поводу лишь следующее: "... статьи эти писаны мною прямо на инородческом языке, применяясь к их понятию и выражению ..." (Григоровский 1879 : 49).

Ю. А. Морев, выделив в селькупском языке два основных диалектных ареала: северный (тазовско-байшенский) и южный (нарымский), пишет: "Специфика формирования нарымских диалектов определяется сложным взаимодействием внутренних (лингвистических) и внешних (экстралингвистических) факторов. Основным из внешних факторов является иноязычное влияние; его целесообразно рассматривать по двум периодам. В первый период (до XVII в.) иноязычное влияние на язык нарымских селькупов было не особенно интенсивным; оно шло со стороны соседних сибирских народов (обских угров, тюрк, кетов). Во второй период (с XVII в.) южное наречие развивалось в условиях все возрастающего влияния русского языка, и теперь результаты этого влияния пронизывают все сферы нарымских диалектов." (Морев 1977 : 53).

Известно, что в течение всей своей истории самодийские языки подвергались влиянию целого ряда соседних языков. Но в

XV столетии наиболее значительное влияние стал оказывать русский язык. У самодийских племен Сибири контакт с русскими начался в XIV веке. В XVII столетии все эти племена уже находились в составе Русского государства. В истории самодийско-русских языковых контактов можно выделить два больших этапа, границей между которыми является конец 1920-х годов. Эти этапы отличаются друг от друга как в количественном, так и в качественном отношении. Влияние русского языка в настоящее время является прежде всего результатом тех процессов, которые начались в конце 1920-х годов и непрерывно продолжают до сих пор. Первый этап, несмотря на свою большую продолжительность, создал лишь известные предпосылки для того влияния, которое русский язык оказал на самодийские языки на втором этапе, в годы советской власти. Все сказанное относится также к южносамодийским языкам — селькупскому и камасинскому. Но здесь имеются и свои особенности по сравнению с северносамодийскими языками — ненецким, энецким и иганасанским. Южные самодийцы довольно быстро перешли на оседлый образ жизни, стали жить в деревнях и вошли в более тесный контакт с местным русским населением, что способствовало их ознакомлению с русским языком, а местами — овладению им. Русское население было здесь и более многочисленным, чем на Крайнем Севере. (См. об этих процессах несколько подробнее Кляппар 1967).

В дальнейшем мы сосредоточим внимание именно на первом этапе самодийско-русских языковых контактов в южносамодийском ареале. Следы этих контактов стали фиксироваться лишь в XIX столетии в процессе собирания более обширного материала по южносамодийским языкам. Это — материал, собранный, в первую очередь, следующими исследователями: М. А. Кастреном, К. Папай, К. Доннером, Т. Лехтисало. Этот материал можно значительно пополнить фактами, приведенными в "Азбуке" Н. П. Григоровского.

СЛОВАРЬ

Селькупский материал приводится в нашем словаре без специальной ссылки на язык, а камасинские слова такую ссылку всегда имеют. При подаче материала полностью сохранена транскрипция источников.

ag 'a' A 27, D a S 36. < P. a.

аднака G 'однако' A 29. < P. однако.

ага G 'ага' A 44. < P. ага.

ауһаһлабб D 'Deichsel' (A. J. Joki: "volksetymologische Form;

bò am Ende = OS по 'Baum, Holz'"). Кам. D аглобл 'Zu-
stange, Deichselstange'. < P. оглобля. LS 58.

акъ G 'ах' A 46. < P. ах.

аль G 'ли' A 27. < P. аль.

ali C 'oder' SW 343, SY 321; G али 'или' A 28. Кам. D ali
'oder'. < P. али. LS 63.

ali - ali D. < P. али - али. S 104.

Altar Кам. D 'Altar'. < P. алтарь. LS 64.

ба G 'бы' A 54. < P. бы.

bałnits Кам. D 'Krankenhaus'. < P. больница. LS 81.

bānkā, bānkā Кам. D 'kleine Schachtel, Kasten, Lade, Fach'. <
P. банка. LS 82.

baŕeie Кам. D 'Eingemachtes'. < P. варенье. LS 83.

б е р е г и м б ы л е вāргызанъ G 'берѣг' A 46, дословно
'о б е р е г а я держал'. < P. берег(я)(-).

благородья (см. вāса б.).

братъ G A 27. < P. брат.

бутылка G 'бутылка' A 40. Кам. D butilka, butilka, butilka
'Flasche'. < P. бутылка. LS 112.

dāgōca Кам. D 'Gruss: guten Tag'. < P. здорово. LS 115.

drōf Кам. D 'Schrotkorn'. < P. дробь. LS 116.

dux P 'дух' SzSz 157. < P. дух.

feč C 'Kerze, Licht, свечка' SS 52. Кам. D svēt'á 'Kerze, Licht,
Stearinlicht'. < P. свеча. LS 277. (Ср. и svēt'es).

глу́най G 'глуп' A 45. < P. глупый.

гб́ряг 'горе' A 45. < P. горе.

говори́тъ G 'говорит' A 41. < P. говорит.

грѣгынь G 'в грехе' A 29. < P. грех.

гвѳозъ (см. pilai-kvös).

hāfuz кам. D 'Salmo thymalus'. < P. хариус. LS 133.

hēbandiēs, hēbandies (см. sebandjessá).

hē·bendšā, hēbandša (см. sebandjá).

hēbandiēs (см. sebandjessá).

hē·bendšā (см. sebandjá).

i C 'und' SS 20, G и 'и' A 27, P i ['és'] SzSz 158. Кам.

D i 'und'. < P. и. LS 136.

iskavroda P 'сковородник' SzSz 158. < P. сковорода.

rštol (см. stolgat).

iābłāk кам. D 'Kartoffel'. < P. (земляное) яблоко. LS 142.

если G 'если' A 32. < P. если.

ещѣ G 'еще' A 32. < P. еще.

ješeli кам. C 'wenn', D iēžli то же. < P. ежели. LS 145.

kabe C 'wenn' SW 399, kaabe 'doch' SS 258, 260. < P. кабы.

какъ G 'как' A 38. Кам. D kak 'wenn, als'. < P. как. LS 152.

kalēna кам. D 'Knie; Glied, Verwandtschaftsgrad'. < P. коле-
но. LS 153.

капот кам. D 'langer Lodenrock', kapōdi p'ērya то же (A. J.

Joki: "In der Form kapōdi ist das -i das gewöhnliche кам.

Adj.-suffix; p'ērya = 'Pelz'.") < P. капот. LS 161.

karžinka P 'корзинка, короб' SzSz 160. < P. корзинка.

k'ārt кам. D 'Karte, Spielkarte'. < P. карта. LS 166.

kařtūz кам. D 'Mütze'. < P. картуз. LS 167.

kašna D. < P. кажно. S. 98.

kārma·n D Тут 'tasku' M. < P. карман.

k^ənēs, k^əñēs кам. D 'Fürst, Dorfältester, староста, старши-
на'. < P. князь. (A. J. Joki: "Es ist möglich, dass

dieses Wort durch Vermittlung der NO-tñ. Sprachen ins Kam. eingewandert ist (-n- und -s!)..."). LS 184.

k^ogōst кам. D 'Kreutz'. < P. крест. LS 205. Или крѣст?

kolō.da, kəlō.da кам. D 'Schwelle'. < P. колода. LS 188.

комисаръ G 'комиссар', комисарынь 'комиссара' (генитив), комисарыни 'комиссару', комисарни 'к комиссару, у комиссара' A 46-47. < P. комиссар.

коромыслазе G 'коромысло' A 43. < P. коромысло.

korpuġai (см. kurpa).

kos C 'möge' SS 258, kosā '(ХОТЬ)' SS 251, kosē 'mag' SW 399, Кам. C кош 'obgleich', D кош 'obwohl'. < P. хошь. LS 198.

кош - кош C 'ХОТЬ - ХОТЬ' SS 45. < P. хошь - хошь.

кошбе, кошре C 'möge' SS 258, кошре 'würden', кошрэ 'würde' SS 260. < P. хошь бн.

кошка D. < P. кошка. S 55.

кума G 'кума' A 43. < P. кума.

куманѣкъ G 'куманек' A 43. < P. куманек.

kurpa P 'крупа', korpuġai '/суп, leves/' SzSz 163. < P. крупа.

kvōs (см. pilai-kvōs).

lēika кам. D 'Holzstück, auf dem Blei geschmolzen wird'. < P. лейка. LS 221.

ли G 'ли' A 27. < P. ли.

lomōt кам. D 'Stück, Scheibe, Schnitte'. < P. ломоть. LS 221.

lōs̄ku, lōs̄ku кам. D 'Stück, Stückchen'. < P. лоскут. LS 221-222.

луччи G 'лучше' A 48. < P. лучше.

lut'īna кам. D 'Kienspan, Kienfackel, Span'. < P. лучина.

LS 222.

масло P 'масло' SzSz 165. < P. масло.

мастернигъ G 'хорошенько' A 39, дословно 'мастерски'. < P.

мастер.

маѣине кам. D 'Maschine'. < P. машина. LS 226.

матри G 'смотри' A 28. < P. смотри.

мѣбѣнка кам. D 'Beutel zur Aufbewahrung von Kugeln'. < P.

мошенка. LS 226.

мѣркоу кам. D 'Mohrrübe, kleine Möhre'. < P. морковь. LS 226.

мѣрѣдеи кам. D 'kleines Mass für Schiesspulver' (A. J. Joki: "wahrsch. ein kam. Verbalnomen (Präs. des Partizips, s. KamWb. 176) auf i aus dem anzunehmenden Verbalstamm *mēride- (< *-ne-), womit z. B. russ. мѣрило 'Mass' und мѣрильный 'zum Messen dienend' zu vergleichen sind.") LS 228.

мѣрка кам. D 'Mass (gewöhnlich für Schiesspulver)'. < P.

мерка. LS 228.

мѣста (см. на м).

мѣстачинъ G 'на месте' A 45. < P. место. (Ср. и на мѣста).

мѣкѣне кам. D 'Spreu'. < P. мякина. LS 227.

мѣѣлник кам. D 'Müller'. < P. мельник. LS 228.

мѣѣтарл'ем кам. D 'hindern, stören'. < P. мешать. (A. J.

Joki: "Das kam. Verb ist mit sam. Suffixen versehen.")

LS 228.

мога P 'мука' SzSz 166. < P. мука.

молодѣсь G 'молодец' A 47. < P. молодец.

moloko P 'молоко' SzSz 166. < P. молоко.

моѣть G 'может' A 28. Кам. D моѣт, моѣт 'möglicherweise,

vielleicht, möglich'. < Р. может. LS 231.

мыла Р 'мыло' SzSz 166. < Р. мыло.

на места G 'на место' А 30. < Р. на место. (Ср. и местагынъ).

naato D Тум 'täytyy' М, nāto 'nötig' S 65, G нада 'надо' А 27, нада 'надобно' А 37, надо А 45. Кам. D nādo 'es ist nötig, man muss, es ist erforderlich'. < Р. надо. LS 237.

nadarende С 'nötig' ("vom Russischen надобный") SW 343, в котором nāda- < р. надо.

наперва G 'сперва' А 37. < Р. на первое.

наскрѡзь G 'насквозь' А 45 (опечатка вместо насквѡзь?).

natruška кам. D 'Beutel zur Aufbewahrung von Schiesspulver'. < Р. натруска. LS 240.

незнай G 'не знаю' А 40, дословно 'неизвестно'. < Р. не зная.

нечево G 'ничего' А 46. < Р. ничего.

невѣска G 'невестка' А 41. < Р. невестка.

неводникъ G 'неводника' А 35. < Р. неводник.

no D 'aber' S 65. < Р. но.

ну G 'ну' А 37. < Р. ну.

ниѣна Р 'бедный' SzSz 167, G нужнай то же А 46. < Р. нужный.

neveda Р 'невод' SzSz 168. < Р. невод : невода.

обѣдимбан G 'обидел' А 47. < Р. обидеть.

обиднанъ G 'обидно' А 47. < Р. обидно.

остатка G 'остатки' А 47. < Р. остаток : остатка.

осудимѡеть G 'осуди' А 48. < Р. осудить.

пaдaрѣннeнчaу (см. подарѣмбанъ).

podoinik кам. D 'Kübel'. < Р. подойник. LS 253.

paка кам. D 'solange, während'. < Р. пока. LS 253.

paкка D 'Säbel, Schwert'. < Р. шпага. S 69.

- paľ'čtō кам. D 'Überzieher'. < P. пальто. LS 253.
- pal'čō.na D 'Holzklotz' S 68. < P. полено.
- пáрень G 'парень' A 38. < P. парень.
- paṛōdā, paṛōda D 'Geschlecht, Verwandtschaftsgrad'. < P. порода. S 70.
- паси́ба G 'спасибо' A 47. < P. спасибо.
- paslédni P 'последний' SzSz 169. < P. последний.
- пажалу́ста G 'пожалуйста' A 37. < P. пожалуйста.
- paśolomšik, paśolomšik кам. D 'Psalmenleser'. < P. пса-
ломщик. LS 254.
- paṭróľ кам. D 'Raum unter dem Fussboden'. < P. подполье.
LS 254.
- перва́ G 'сначала' A 35, D peṭra 'zuerst, zu Anfang'. < P.
сперва. S 72.
- perwa C '1.' SS 173, G пéрвай 'первого' A 37, P perbāi '1.'
SzSz 178. < P. первый.
- pes C 'Ofen, печка' SS 78. Кам. D peš 'grosser Ofen'. <
P. печь. LS 257.
- peṭšāt кам. D 'Siegel, Stempel'. < P. печать. (A. J. Joki:
"Besonders der Auslaut weist darauf hin, dass das Subst
ins Kam. durch tš. Vermittlung gekommen ist, vgl. näml.
z. B. kč. tel. (R) pačāt 'Siegel'.") LS 254.
- peṭra (см. перва́).
- perčāl D 'der erste' S 72. < P. первый + сел.к. суффикс
прилагательных -1. (Ср. также перва́ и perwa).
- peš (см. pes).
- paṛōuloka кам. D 'Draht'. < P. проволока. LS 255.
- peṭa. D 'Schade'. < P. беда. S 72.
- pila G 'Gabel, вила ("gaffel")' SS 79. < P. вила.
- pilai-kvös P 'вилка' SzSz 170, дословно 'вилочное железо',

причем pilai < р. вила + сельк. суффикс прилагательных -i; kvös напоминает Г гвозь 'железо' А 34 < ? р. гвоздь. П. Хайду связывает kvös с С kues 'Eisen, Metall' SW 124 (см. SzSz 170), ср. и D kuēs, kuēs, kuēs, kuēz², kuēz, kβēs и т. д. (см. Морев 1975 : 127-128) < сам. *wesä 'Eisen' (см. Janhunen 1977 : 175). Но г в сельк. гвозь без р. гвоздь трудно объяснить, причем не исключена возможность, что гвозь [=gvoz] - ошибочная запись в результате ошибочной этимологизации сельк. *kvoz из р. гвоздь со стороны Н. П. Григоровского.

pilingaβ^Г D 'sägen'. < Р. пилить. S 73.

пирогá Г 'пирог' А 42. < Р. пирог : пирога.

piston, pistõ.ŋga D 'Piston'. < Р. пистон. S 73.

plat кам. D 'Tuch, Decke'. < Р. плат. LS 255.

plesat^Г кам. D '(Inf.) tanzen', plesettell'ε m^Г 'id. (Präsens)'. < Р. плясать. LS 255.

põžkε D 'Tonne, Faß'. < Р. бочка. S 75.

põlka кам. D 'Zündloch für das Schießpulver'. < Р. полка. LS 255.

попáланъ Г: п. эзáгъ 'попали', п. эзáнь 'попал ли', п. эзэнь ба 'попал бы' А 45-46. < Р. попасть.

porox Р 'порох' SzSz 170, D põroq^Г 'Schießpulver'. < Р. порох. S 75.

подаримóанъ Г 'подарил', падаринненчау 'подарю' А 47-48. < Р. подарить.

последнáй Г 'последние' А 27. < Р. последний.

посóба чангванъ Г 'пособиться не может' А 30, дословно 'пособия нет' или 'пособие отсутствует'. < Р. пособие.

põtšt² кам. D 'Post, Postamt'. < Р. почта. LS 255.

пáвданъ Г 'правду' А 44. < Р. правда.

пряма G 'прямо' A 34. < P. прямо.

priske кам. D 'Goldwäsche'. < P. прииск. LS 255.

pun кам. D 'Pfund'. < P. фунт. (A. J. Joki: "Aber kaum direkt aus dem Russ., vgl. naml. koib. sag. (R) pun 'Pfund' Russ.")). LS 255.

para.n D 'Schneegestöber'. < P. буран. S 74.

пуше G 'пуше' A 45. < P. пуше.

пушка D Taz 'russe', пушка 'Flinte' M. < P. пушка.

пути D 'Arznei'. < P. бутыл. S. 77.

пеш (см. пеш).

пешка кам. D 'Bamespiel'. < P. пешка. LS 257.

петух, петух кам. D 'Hahn'. < P. петух. LS 257.

работачакъ G 'работай', работачанъ 'ты работай' A 29. < P. работать.

резовка P 'резовка' SzSz 171. < P. резовка.

рнсь D 'Iucha'. < P. рнсь. S 86.

работник D 'Arbeiter'. < P. работник. S 86.

замокъ G 'замок' A 42. < P. замок.

самой тјахъе куса кам. C 'самый хороший человек' M, D samoi 'aller- (als Zeichen des Superlativs gebraucht)'. < P. самый. LS 261.

самовар, самовар кам. D 'Samowar'. < P. самовар. LS 261.

sarsep C 'gänzlich' SV 323, SW 344. Кам. D sarsem 'ganz, ganz und gar, völlig, vollends'. < P. совсем. LS 259.

сажень кам. D 'Klafter'. < P. сажень. LS 263.

sebandja, sebandja, sebandja, sibendja, hebandša, hebandša, hebandša C 'Schwein, свинья' SS 86, P seband'a 'свинья' SzSz 172. < P. свинья.

sebandjessa, sebandjessa, semnjessa, semnje'ss, semjes, hebandies, hebandies, hebandies C 'Влеи, свинец' SS 86, P

- seband'is 'свинец'. < Р. свинец.
- selok Р 'здоров, живой', seloŋik 'здоров' SzSz 173, G сэ-
лай 'целую' А 43. < Р. цел. (Н. Хайду указывает на
 возможную связь этого корня с G šulu 'gesund' SW 184,
 см. SzSz 173).
- семья́ть G 'семья́' А 47. < Р. семья́.
- s^olužit кам. D 'dienen (Inf.)'. < Р. служить. LS 271.
- s^olūdai p^ci кам. D 'Glimmerschiefer'. Р. слида. (А. J. Joki;
 "Der erste Bestandteil ... ist russ. слида 'Marien-
 glas, Glimmer' mit dem sam. Adj.-suff. i versehen, wäh-
 rend p^ci das gsam. Subst. für 'Stein' ist.") SL 271.
- sibendja (см. sebandjá).
- sivruга Р 'сѣврѣга' SzSz 173. < Р. сѣврѣга.
- smālá. кам. D 'Teer'. < Р. смола. LS 271.
- smetā-na кам. D 'Sahne, Milchsahne'. < Р. сметана. LS 271.
- sōlota D Taz 'Gold' M. < Р. золото.
- совсѣмь G 'совсем' А 27. < Р. совсем.
- steklò кам. D 'Glas'. < Р. стекло. LS 274.
- stenā кам. D 'Wand'. < Р. стена. LS 274.
- stolž С 'auf den Tisch, an den Tisch, zu Tisch, den Tisch, an
 den Tisch' SV 324, 327, 331, 339, SW 348, 355-356, 358,
 362, 368, stolgat 'am Tische' SW 347, G стольдъкъ 'за
 стол' А 42, стольдѣаргынтъ 'на стол' А 46, D Taz gà-
tol 'pöytä' M. Кам. D stòl, stōl 'Tisch'. < Р. стол
 LS 274.
- стро́илендъ G 'построй', стро́имбать 'они построили', стро́и-
ненчау 'я построю' А 44. < Р. строить.
- stūl кам. D 'Stul'. < Р. стул. LS 274.
- svèt'á (см. feč).
- svèt'es кам. D 'Span zur Beleuchtung'. < Р. светец. LS 277.

svadibaja P 'nászasszony', svadiéra 'nász-uram' SzSz 173, в
 которых svadi- < р. сват + сельк. суффикс прилага-
 тельных -i.

šerā кам. D 'Zunder, eig. Teer, der als Zunder verwendet
 wird'. < Р. сера. LS 277.

šičkē, šičkē кам. D 'Zapfen'. < Р. шишка. LS 294.

што G 'что' A 27, D što 'дап' S 88. < Р. что.

штообъ G 'чтоб' A 40, D štōbъ 'damit' S 88. Кам. D štōbe,
 štōb^o 'damit'. < Р. чтоб, чтооб. LS 298.

štōp кам. D 'Krug, Mass; zwei Flaschen Branntwein'. < Р.
 штоф. LS 298.

šudja P 'начальник' SzSz 172. < Р. судья.

задорнанъ G 'задорно' A 38. < Р. задорно.

заримбанъ G 'зажарил', заринчау 'зажарю' A 46. < Р. жарить,

заркай G 'жаркое' A 34. < Р. жаркий.

заставимобать G 'заставили' A 47. < Р. заставить.

завиднанъ G 'завидно' A 48. < Р. завидно.

zdarō.vək D 'gesund' S 94. < Р. здоров(ый).

золотъ G 'золото', золотандари 'золотой' A 37-38, D taz
 sōlota 'Gold' M. < Р. золото.

нннга жа G 'туда же' A 30. < Р. же.

tabak P 'табак' SzSz 173. < Р. табак.

tārentās кам. D 'Tarantass'. < Р. тарантас. LS 314.

tauār кам. D 'Zeug, Stoff'. < Р. товар. LS 319.

toktōr D taz 'lääkäri' M. < Р. доктор.

только G 'только' A 28, толькó то же A 39, D tol'ko 'nur'
 S 90. Кам. tol'kō 'nur'. < Р. только. LS 329.

только што G 'только что' A 38. < Р. только что.

t^cot'šilē кам. D 'Schleifstein (grosser, runder)'. < Р. то-
 чило. LS 337.

товари́самъ G 'товарища' A 28, товари́скагыть 'подруге' A 41, товари́сканъ 'товарищей, подруга, подруге' A 28-29, 41, товари́скачь 'подруге' A 41. < Р. товарищ.

трукъ G 'вдруг' A 39. < Р. вдруг.

t'elēga кам. D 'Telega (vierrädriger niedriger Kastenwagen)'. < Р. телега. LS 356.

t'šái кам. D 'Tee'. < Р. чай. LS 349.

часгондъ G 'в час' A 28. < Р. час.

ūdət'ška кам. D 'Fischhaken, -angel'. < Р. удочка. LS 364.

угольчъ G 'в угол' A 45. < Р. угол.

unš.ška кам. D 'Fussbinde'. < Р. онучка.

цōD (см. вотъ).

цūcer D 'Dieb'. < Р. вор. S 94.

varabeik P 'воробейка' SzSz 176, D vorabeika 'Sperling'. < Р. воробейка. S 93.

васа благородья G 'ваше благородие' A 47. < Р. ваше благородие.

vār. tšeg (см. воротникъ).

ведра́зе G 'ведром' A 43, D veðra 'Eimer'. < Р. ведро. S 92.

верста́мъ G 'верст' A 35. < Р. верста.

ves, wee, wēs C 'alles, gänzlich' SS 27, G весь 'всю' A 43, D vēs 'alle'. < Р. весь. S 93.

вѣдна G 'видно' A 38, вѣдно то же A 45. < Р. видно.

vīnəuad D 'schuldig' S 93. < Р. виноват.

vorabeika (см. varabeik).

вѣри G 'подлая' A 46. < Р. вор + сельк. суффикс прилагательных -i.

воротникъ G 'воротник' A 43, D vār. tšeg 'Kragen'. < Р. воротник. S 92.

вотъ G 'вот' A 27, D u8D 'hier, sieh'. < P. вот. S 94.

времянь G 'время-то' A 34. < P. время.

vsegda D 'immer' S 93. < P. всегда.

ves, wes (см. ves).

С о к р а щ е н и я

A - Григоровский 1879; с - записи М. А. Кастрена; в - записи К. Доннера; g - записи Н. П. Григоровского; LS - Joki 1952; m - рукописи К. Доннера; p - записи К. Пянай; s - Lats 1975; SS - Castrén, Lehtisalo 1960; SU - Castrén - Lehtisalo 1940; SW - Castrén 1855; SzSz - Hajdú 1952.

Л и т е р а т у р а

Г р и г о р о в с к и й Н. П. 1879, *Азбука сѣссогой гулаи*. Составлена Н. П. Григоровским, для инородцев Нарвского края, Казань. [Копия: Hajdú 1973].

М о р е в Ю. А. 1975, К вопросу о развитии лабиализованных согласных в селькупском языке. - СФУ XI, 126-134.

— 1977, Внутренние и внешние факторы в формировании нармьских диалектов селькупского языка. - Исследования финно-угорских языков и литератур в их взаимосвязях с языками и литературами народов СССР. (Тезисы докладов Всесоюзного научного совещания финно-угроведов). 27-30 октября, Ужгород, 52-53.

С а с т р ё н, М. А. 1855, *Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen*, St. Petersburg.

С а с т р ё н, М. А. - Т. L e h t i s a l o 1940, *Samojedische Volksdichtung*, Helsinki (MSFOu LXXXIII).

С а с т р ё н, М. А., Т. L e h t i s a l o 1960, *Samojedische Sprachmaterialien*, Helsinki (MSFOu 122).

Н а j d ú, Р. 1952, *Párai Kárpoly szelkup szóbjegezéke*. - Нук

54, 141-184.

- 1973, Die erste sölkupische Fibel aus dem Jahre 1879. Photomechanischer Nachdruck. Eingeleitet von P. Hajdú, Szeged (Studia Uralo-Altica II).
- J a n h u n e n, J. 1977, Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien, Helsinki (Castrenianumin toimitteita 17).
- J o k i, A. J. 1952, Die Lehnwörter des Sajansamojedischen, Helsinki (MSFOu 103).
- K a t z, H. 1975, Selcupica I. Materialien vom Tym, München (Veröffentlichungen des Finnisch-Ugrischen Seminars an der Universität München, Serie C, Band 1).
- 1977, Zwei Neuauflagen samojedistischer Arbeiten in zwei neuen ungarischen Serien. - Études finno-ougriennes XII, Budapest, 288-291.
- K ä n n a p, A. 1967, Samojeedi keeled täna ja homme. - KK, 397-406.

A. K ü n n a p
(Tartto)

VENÄLÄISET LAINASANAT ETELÄSAMOJEDISSA
(1800-LUKU - 1900-LUVUN ALKU)

T i i v i s t e l m ä

Tämä kirjoitus on omistettu vuonna 1879 julkaistun N. Grigorovskin selkuppilaisen aapisen satavuotispäivälle. Kirjoitus tarjoaa yleiskatsauksen venäläisistä lainasanoista eteläsamojedissa 1800-luvulla ja 1900-luvun alussa.

О МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ЧЕРЕДОВАНИЯХ ГЛАСНЫХ
НА МОРФЕМНОМ ШВЕ КАРЕЛЬСКОГО
ПРОИЗВОДНОГО ГЛАГОЛА

Известно, что при производстве слова происходят различного рода преобразования морфем на морфемном шве.

Проблема формальных видоизменений производящей основы при присоединении к ней словообразующего суффикса является основной проблемой словообразовательной морфологии.¹

Морфонологические изменения не могут выступать в качестве единственного средства при словообразовании; сами по себе они не являются носителями каких-либо словообразовательных значений, но, сопровождая основные материальные средства /производящую основу и словообразующий суффикс/, играют определенную различительную роль.²

В работах по словообразованию в финно-угорских языках описывались лишь отдельные морфонологические явления на определенных участках словообразования.³ Но эти вопросы не являлись объектом подробного исследования, также как не освещалось взаимодействие различных морфонологических явлений.

¹ В.В. Лопатин, Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. Москва, 1977, стр. 88.

² В.В. Лопатин, И.С. Улукханов, К соотношению единиц словообразования и морфологии. - В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя и их взаимодействие. Москва, 1969, стр. 119-132; Э.А. Макаев, Е.С. Кубрякова, О статусе морфологии и единицах ее описания. - Там же, стр. 87-119.

³ Г.М. Керт, Саамский язык. Ленинград, 1971, стр. 81; Д.В. Цыганкин, Морфонологические особенности эрзянского языка в области словообразования. - В кн.: Вопросы языкознания. Вып. 2, ч. I. Саранск, 1975, стр. 82-90; Д.В. Цыганкин, Исторические изменения в морфемной структуре мордовского слова. - Там же, стр. 3-23; P. Saarikko, Nykysuomen johto-oppia. I. - Virittäjä, 1970, 2, s. 197-202; K. Wik, Suomen frekventatiivi ja kontinuatiiivi. - Virittäjä, 1975, 2, s. 153-166; J. Ojanen, E. Uotila - Arsellin, Suomen kielen frekventatiivi- ja momentaaniverbien derivaatio. - Virittäjä, 1977, 3, s. 245-262; М.И. Зацева, Суффиксальное глагольное словообразование в вепском языке. Ленинград, 1978, стр. 129-135.

Цель данной статьи - показать типичные случаи морфологических чередований конечных гласных производящей основы перед словообразующим суффиксом как отглагольного, так и отыменного производного карельского глагола.

Как известно, язык /в том числе и карельский/ характеризуется чередованиями двух видов: фонетическими или позиционными, живыми, зависящими от фонетических норм языка, и морфологическими или традиционными, историческими, которые на данном этапе существования языка не зависят от фонетических условий, хотя с точки зрения диахронии зависели от них.⁴

Для глагольного словообразования карельского языка характерны следующие видоизменения конечной гласной производящей основы:

1. Чередование a /ä/ с другими гласными.

a /ä/ ~ e.

Чередование a /ä/ ~ e присуще всем прибалтийско-финским языкам. Оно, как явление очень древнее, привлекало внимание многих исследователей, и в литературе по этому поводу высказывались различные точки зрения.⁵ Обобщающей работой относительно a /ä/ ~ e является обширная статья Л.Кеттунена.⁶ Данный вид чередования очень распространен и в карельском языке. Он выступает перед следующими суффиксами:

a/ перед -ksi-, -ci- при производящей неглагольной основе, например, paheksi- / paheksie 'считать плохим' / ←
paña 'плохой', harveksi- / harveksie 'считать редким' / ←

⁴ А.Н. Гвоздев, Современный русский литературный язык. Ч. I. Фонетика и морфология. Москва, 1958, стр. 45-63; В.Г. Чурганова, Очерк русской морфологии. Москва, 1973, стр. 12; М.И. Матушевич, Современный русский язык. Фонетика. Москва, 1976, стр. 190-196.

⁵ K. B. Wiklund, Zur geschichte des urlapp ä und ü in unbetonter silbe. - FUF, I, s. 85; H. Ojanen u., Aanticöiden vaihtelu a ~ e, ä ~ e komparatiivissa. - Virittäjä, 1911, s. 129; E. N. Setälä, Suomen passiiivista. - Virittäjä, 1915, s. 136; 1916, s. 58.

⁶ L. Kettunen, Miten on selitettävä suomenkielen a ~ e, ä ~ e vaihtelu? - Virittäjä, 1924, s. 57-70, 87-108. См. также: Д.В. Буобрех, Историческая фонетика финского-суоми языка. Петрозаводск, 1948, стр. 71-80.

⁷ Описание морфологических чередований на морфемном шве основано на материале ливвиковского диалекта карельского языка. Различия в диалектах указываются.

harva 'редкий', vähesi - /vähessä 'считать недостаточным' / ← vähä 'недостаточно' и т.д. Здесь заметим, что именной sk-овый суффикс, имея один этимологический источник с названным глагольным суффиксом, чередования a /ä/ ~ e не требует; ср. также формы транслатива rahakse, harvakse, vähäks. Это обстоятельство может в какой-то степени объяснить появление в прошлом указанного чередования.

б/ перед -ne-, например, pitkene - /pitketä 'удлиниться' / ← pitkä 'длинный', kovene - /koveta 'отвердеть' / ← kova 'твердый', sovene - /soveta 'делаться красивым' / ← sova 'красивый' и т.д.

Л. Кеттунен предполагает a /ä/ ~ e в таких случаях образованием по аналогии с формами компаратива.⁸ Не исключена возможность действия аналогии и таких производных, где производящая основа оканчивается на -e, типа pienene - /pienetä 'уменьшаться' / ← piene 'маленький', а также других аналогий.⁹ В современном языке a /ä/ ~ e перед -ne- абсолютно регулярное; без этого же чередование -ne- несет другую функциональную нагрузку, ср. деминутивные формы имен в собственно-карельском диалекте: pitkäne 'длинненький', kovaane 'тверденький', sovaane 'красивенький',

в/ перед -vu- / -vü- / как при производящей глагольной основе, например, röhkevu - /röhkevü 'расхрюкаться' / ← röhkä - /röhkiä 'хрюкать' /, račkavu - /račkavuo 'расхрустеться' / ← račka - /račkua 'хрустеть' /, loškavu - /loškevuo 'разгромыхаться' / ← loška - /loškua 'громыхать' /, так и при производящей именной основе, например, koirevu - /koirevuo 'распускаться, букв. обсобачиться' / ← koira - 'собака', jalgevu - /jalgevuo 'разгуляться от сна' / ← jalga 'нога', tuskevu - /tuskevuo 'рассердиться' / ← tuska - 'печаль'. В определенных производных проявляется смысловозначительная роль чередования: без a /ä/ ~ e -vu- / -vü- / производит от тех же именных основ глаголы со значением "обзавестись тем, что выражает коренное слово", ср.: koiravu- - /koiravuo

⁸ L. K e t t u n e n, Miten on selitettävä suomenkielen a ~ e, ä ~ e vaihtelu, s. 62.

⁹ P. R a v i l a, Die Stellung des lappischen innerhalb der finnisch-ugrischen Sprachfamilie. - FUF, XXXIII, S. 37-38; J. K a l i m a, Suomen kielen komparatiivista. - Virittäjä, 1911, s. 57-58; И.С. Г а л к и н, Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч.П. Лешкар-Ола, 1966, стр. 75-76.

'обзавестись собакой' в примере puwtui siml nügöi koiravuo 'удалось тебе теперь обзавестись собакой', jalgavu - /jalgavu 'букв. обзавестись ногами' в примере jalgavui neše mužikku-rukku, protiezu annettih 'обзавелся этот мужик-бедняга ногой, протез /ему/ выдали', tuskavu - /tuskavu 'опечалиться'.

г/ перед -le-, например, mustele - /mustella 'вспоминать' / ← musta - /mustua 'помнить', pengerdele - /pengerdellä 'размывать берег периодически' / ← pengerdä - /pengerdä 'размывать берег', lijastele - /lijastella 'пачкать периодически' / ← lijasta - /lijastua 'пачкать', bringuttele - /bringutella 'помахивать' / ← bringuta - /bringutua 'махать', kobahuttele - /kobahutella 'почесывать' / ← kobahuta - /kobahuttua 'чесануть', kuavičuttele - /kuavičutella 'заставлять скрести периодически' / ← kuavičuta - /kuavičuttua 'заставлять скрести', harjavuttele - /harjavutella 'приучать постепенно' / ← harjavuta - /harjavuttua 'приучать', ilešköittele - /ilešköitellä 'радовать немного периодически' / ← ilešköitä /ilešköittä 'радовать немного' / и т.д.

Чередование a ~ e в подобных глаголах Л.Кеттунен объясняет былым звукопереходом a > e между двумя дентальными согласными, входящими в один слог, впоследствии распространившимся и на другие случаи.¹⁰ Обобщению a /ä/ ~ e перед -le-, вероятно, способствовало и то обстоятельство, что это чередование выполняло смысловозначительную роль, выступая только в фреквентативных глаголах, в то время как перед l-овым элементом моментативных глаголов этого чередования нет.

a /ä/ ~ i

Данное чередование выступает:

а/ перед -ta-/-tä- в отыменных глаголах фактививной группы, например, pohjita - /pohjittua 'снабдить что-л. дном' / ← pohja - 'дно', čurkita - /čurkittua 'разделять бревно на чурки' / ← čurka - 'чурка', kürzitä - /kürzittä 'разделять тесто' / ← kürzä - 'лепешка' и т.д.

В большинстве случаев i перед -ta-/-tä- является исторически отыменным суффиксом глаголов, который присоединя-

¹⁰ L. K e t t u n e n, Miten on selitettävä suomenkielen a ~ e, ä ~ e vaihtelu, s. 63-64.

ется к конечной гласной a /ä/ основы. Затем это соединение подверглось общеприбалтийско-финскому фонетическому изменению ai > i, если в i слоге были не o, u.¹¹ В языке существуют единичные i-овые глаголы наряду с ta-овыми: ср. kuorigi - /kuorie 'снимать сливки с молока'/ = kuorita - /kuoritua 'то же'/, -ta-/-tä-/ в подобных отыменных глаголах мог появиться по аналогии с определенными каузативными глаголами и впоследствии обобщиться, вытеснив i-овые /без -ta-, -tä-/ формы.

б/ перед -sta-/-stä-/ отыменных глаголов, например, lačista - /lačistua 'придавливать'/ ← lača - /lačču 'ровный'/, laškišta - /laškištua 'лениться'/ ← laška - 'ленивый', rovvišta - /rovvištuakseh 'проясниться'/о погоде// ← rovva - /powdu 'ясный /о погоде/', pahista - /pahistua 'ухудшать'/ ← paha 'плохой' и т.д. Чередование a /ä/ ~ i в данном случае можно, по всей вероятности, объяснить действием аналогии с отыменными производными глаголами с суффиксом -ta- /-tä-/ от основ на -is-¹² типа kawniis 'красивый' → kawništua 'украшать'.

a /ä/ ~ o /ö/.

Переход a в o перед i т.е. ai > oi в непервых слогах слова, когда гласный предшествующего слога был не o, u, отмечается исследователями еще в прибалтийско-финском языке-основе.¹³ При словообразовании карельского глагола указанное чередование последовательно прослеживается перед суффиксом -iče-, например, käbälöiče - /käbälöija 'лапаты'/ ← käbälä - 'лапа', humaloiče - /humaloija 'пьянствовать'/ ← humala - 'хмель', igävöiče - /igävöijä 'грустить'/ ← igävä - 'грусть', kadajoiče - /kadajoija 'окуривать можжевельником'/ ← kadaja - 'можжевельник' и т.д.

¹¹ A. L a a n e s t, Sissejuhatus läänemeresoome keeltesse, Tallinn, 1975, lk. 72.

¹² М.И. З а й ц е в а, Суффиксальное глагольное словообразование в вепском языке, стр. 158.

¹³ См. об этом: E. I t k o n e n, Varhaiskantasuomen päärainottoman ai-diftongin kehityksestä. - Virittäjä, 1945, s. 603-611; Д.В. Б у б р и х, Историческая фонетика финского-суоми языка. Петрозаводск, 1948, стр. 81-109; L. N a k u l i n e n, Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsingi, 1968, s. 37; A. L a a n e s t, Sissejuhatus läänemeresoome keeltesse, lk. 72; M. E. K u u s i n e n, Suomen kielen historiaa. I. Petroskoi, 1977, s. 18-19.

а /ä/ ~ у /ü/

Чередование наблюдается:

а/ перед -iče-, например, meččuiče - /meččuija 'охотиться'/ ← mečä - /meččü 'лес'/, borčuiče - /borčuija 'бороться'/ ← borča - /borču 'борьба'/, kümmeñniekuiče - /kümmeñniekuija 'быть десятником'/ ← kümmeñnieka - /kümmeñnieku 'десятник'/ и т.д.

Как известно, в ливвиковском диалекте карельского языка в конце слова произошел переход а /ä/ > у /ü/, если предшествующий слог заканчивался на долгий гласный или согласный.¹⁴ Вполне возможно, что именно этот фонетический сдвиг явился причиной указанного чередования.

б/ перед -ta- /-tä-/ в каузативных глаголах с оттенком куративности, например, pajatuta - /pajatuttua 'заставлять петь'/ ← pajata - /pajattua 'петь'/, muañituta - /muañituttua 'заставить обмануть'/ ← muañita - /muañittua 'обмануть'/, kīñitütä - /kīñitütättiä 'заставить закрепить'/ ← kīñitä - /kīñittä 'закреплять', lämmitütä - /lämmitütättiä 'заставить согреть'/ ← lämmitä - /lämmittä 'согревать'/ и т.д.

Чередование в данном случае можно объяснить действием аналогии с такими каузативными глаголами, которые произошли от возвратно-транслативных глаголов с суффиксом -tu- /-tū-/, -du- /-dū-/, ср.: laihtuta - /laihtuttua 'заставить похудеть'/ ← laihtu - /laihtuo 'похудеть'/, lähendütä - /lähendütättiä 'приблизить'/ ← lähendü - /lähendüö 'приближаться'/ и т.д.

Таким образом, в производных карельских глаголах конечная гласная а /ä/ производящей основы может чередоваться, соответственно, с е, і, о /ö/, у /ü/. а /ä/ ~ е наблюдается перед суффиксами -ksi-, -ci-, -ne-, -vu- /-vü-/, -le-; а /ä/ ~ і - перед -ta- /-tä-/, -sta- /-stä-/; а /ä/ ~ о /ö/ - перед -iče-; а /ä/ ~ у /ü/ - перед -iče-, -ta- /-tä-/.

2. Чередование у /ü/ с другими гласными.

у /ü/ ~ а /ä/.

Данное чередование выступает перед следующими суффиксами:

ми:

¹⁴ Д. В. Б у б р и х, К вопросу об исторической последовательности фонетических сдвигов в ливвиковском наречии карельского языка. - Изв. Карело-Лин. научн.-исслед. базы АН СССР, 1947, № 1-2, стр. 118-123.

а/ перед -lda- /-ldä-/, например, puhalda - /puhaldua 'дунуть несильно'/ ← puhu - /puhua 'дуть'/, kirralda - /kirraldua 'позвать негромко'/ ← kirru - /kirgua 'звать'/, küzäldä - /küzäldiä 'спросить /с оттенком неполноты действия'/ ← küzü - /küzüä 'спросить'/ и т.д.

Производные с суффиксом -lda- /-ldä-/ и с чередованием u /ü/ ~ a /ä/ на стыке морфем обозначают моментативное действие с деминутивным оттенком, в то время как те же глаголы без чередования обозначают просто моментативное действие, ср.: puhulda - puhuldua 'сдуть мгновенно'/, kirrulda - /kirruldua 'позвать'/, küzüldä - /küzüldiä 'спросить быстро'/.

Таким образом, роль чередования в данном случае заключается в смысловом различии.

б/ перед -hta- /-htä-/, например, ringahta - /ringah-
tuakseh 'крикнуть'/ ← ringu - /ringuo 'кричать'/, nukahta - /nukahtuakseh 'вздremнуть'/ ← nuku - /nukkuo 'дремать'/, painahta - /painahuakseh 'наклониться слегка'/ ← painu - /painuo 'наклониться'/, kiänähtä - /kiänähtiäakseh 'повернуться немного'/ ← kiänü - /kiändüo 'повернуться'/ и т.д.

Поскольку -hta- /-htä-/ производит глаголы однократного действия, большинство из которых имеют деминутивный оттенок, то для указанного чередования в глаголах данного типа можно предположить смысловозначительную функцию. Возможно, какие-то глаголы употреблялись без чередования, как в вепском языке, типа ištuhtada 'посидеть немного',¹⁵ но с течением времени формы с чередованием обобщились.

в/ перед -hu- /-hü-/, например, kiehahu - /kiehahuo 'вскипеть чуть-чуть'/ ← kiehu - /kiehuo 'кипеть'/, hällähü - /hällähüo 'покачиваться'/ ← hällü - /hällüo 'качаться'/, lökkahu - /lökkahuo 'посевеливаться'/ ← lökü - /lökküo 'шевелиться'/.

Производные с данным суффиксом имеют оттенок неполноты действия; поэтому, как и в предыдущем случае, чередованию здесь первоначально могла принадлежать смысловозначительная роль.

u /ü/ ~ i

Это чередование выступает только в одном случае: перед

¹⁵ М.И. Заичева, Суффиксальное глагольное словообразование в вепском языке, стр. 146.

-sta- /-stā/ в отыменных глаголах со значением "пробывать в определенном состоянии", например, kowkišta - /kowkištua 'сидеть согнувшись'/ ← kowku 'кочерга', kābrīstā - /kābrīstīā 'ежиться'/ ← kābrū 'свернувшийся кусок бересты', ki-
vištā - /kivištīā 'болеть'/ ← kibu 'боль' и т.д.

Функция данного чередования - смыслоразличительная, так как отыменные производные с этим же суффиксом, но с другими значениями этого чередования не требуют, ср.: revusta - /revustua 'пачкать'/ ← revu - /redu 'грязь'/, pōiüstā - /pōi-
iüstīā 'запылить'/ ← pōiū 'пыль' и т.д.

3. Чередование о с другими гласными.

о ~ а выступает перед суффиксами:

а/ -hta-, например, kačanta - /kačantua 'посмотреть быстро, оглянуться' / ← kačo - /kačūo 'смотреть'/;

б/ -lda, например, hivalda - /hivaldua 'поточить слегка, быстренько'/ ← hivo - /hivuo 'точить'/, huwhtalda - /huwhtaldua 'сполоснуть слегка, быстренько'/ ← huwhto - /huwhtuo 'полоскать'/, hieralda - /hieraldua 'потереть чуть-чуть'/ ← hiero - /hieruo 'тереть'/, kiškaldā - /kiškaldua 'пощепать немного /лучины'/ ← kiško - /kiškuo 'щепать /лучину'/ и т.д.

Чередование о ~ а перед -lda- вносит дополнительный оттенок деминутивности в моментативные глаголы, без чередования -lda- образует от производящих основ на -о- чисто моментативные глаголы, ср. hivolda - /hivoldua 'наточить быстро'/, huwhtolda - /huwhtoldua 'прополоскать быстро'/, hierolda - /hieroldua 'натереть быстро'/, kiškolda - /kiškoldua 'нащепать быстро /лучину'/.

Глаголы же с суффиксом -hta- в большинстве случаев содержат в себе этот оттенок. Таким образом, смыслоразличительная функция чередования о ~ а очевидна.

о ~ е

Чередование о ~ е происходит в одном случае, перед суффиксом -le-, например, sanele - /sanelle 'сказывать'/ ← sano - /sano 'сказать'/, kaččele - /kaččelle 'посматривать'/ ← kaččo - /kaččuo 'смотреть'/, hierele - /hierelle 'протирать'/ ← hiero - /hieruo 'тереть'/, jawhele - /jawhelle 'молоть периодически'/ ← jawho - /jawhuo 'молоть'/ и т.д.

Как уже указывалось выше, перед фреквентативным -le- происходит чередование конечной гласной производящей основы

с е, в отличие от l-ового элемента моментативного -lda- /-ldä-/, который требует других чередований.

Следует заметить, что в данном случае в значительной степени проявляется действие аналогии распространенного чередования a /ä/ ~ e /особенно это касается производных типа jawhele - ← jawho -, производящая основа которых представляет собой производный глагол с суффиксом -o-, т.е. это -o- подвергается чередованию подобно конечной гласной основы/, так как в языке параллельно с указанными производными существуют глаголы, образованные от тех же производящих, с помощью того же суффикса и с тем же значением, но на стыке морфем происходит иные морфонологические явления, ср.: sannottele - /sannotella 'сказывать'/, kaçottele - /kaçotella 'посматривать'/, hierottele - /hierotella 'потирать'/, jawhottetele - /jawhotella 'молоть периодически'/, и таких образований от o-основ больше, чем с чередованием o ~ e.

4. Чередование е с другими гласными.

е ~ i выступает:

а/ перед -sta- /-stä-/, например, puolišta - /puolištua 'защищать'/ ← puole - /puoli 'сторона'/, tüwništä - /tüwništäkseh 'утихомириваться /о погоде/' ← tüwne - /tüwni 'безветренный /о погоде/'/;

б/ перед -ta- /-tä-/ в отыменных глаголах, например, huolita - /huolittua 'торопиться'/ ← huole - /huoli 'забота'/, nimitä - /nimittiä 'называть'/ ← nime - /nimi 'имя'/.

Чередование е ~ i в современном карельском языке является отголоском древнего звукоперехода е > i в конце слова, присущего всем прибалтийско-финским языкам.¹⁶

е ~ u /ü/ выступает в отглагольных глаголах:

а/ перед -sta- /-stä-/, например, tunnusta - /tunnustua 'узнать'/ ← tunne - /tundie 'знать'/, /людик./ kūlušta - /kūluštada 'услышать'/ ← kūle - /kūlta 'слышать'/;

б/ перед -ta- /-tä-/, например, ajeluta - /ajeluttua 'катать'/ ← ajele - /ajella 'ездить'/, kabaloiçuta - /kaba-

¹⁶ См. об этом: Д.В. Б у б р и х, Историческая фонетика финского-суоми языка. Петрозаводск, 1940, стр. 42-45; L. N a k u l i n e n, Suomen kielen rakenne ja kehitys, s. 35; A. L a a n e s t, Sissejuhatus läänemeresoome keeltesse, lk. 71; M. E. K u u s i n e n, Suomen kielen historia I, s. 16-17.

loičuttua 'просить пеленать'/ ← kabaloiče - / kabaloija
'пеленать'/.

Чередованию e ~ u /ü/ перед -ta- /-tä-/ принадлежит смысловозначительная роль, так как каузативные глаголы с e ~ u /ü/ имеют оттенок понудительности. А e ~ u /ü/ перед -sta- /-stä-/ указывает, что данные глаголы именно отглагольные в отличие от отыменных, требующих другого чередования.

5. Чередование i с другими гласными.

i ~ a /ä/

Этот вид чередования встречается только в отглагольных производных перед суффиксами -lda- /-ldä-/, -hta- /-htä-/ и выполняет семантическую функцию: если i ~ a /ä/, то производный глагол с суффиксом -lda- /-ldä-/ получает дополнительный оттенок к характеристике моментативного действия, а именно: некоторый оттенок деминутивности или мгновенности однократного действия, в то время как производные без этого чередования имеют оттенок завершенности быстро выполненного действия. А производные же с суффиксом -hta- /-htä-/ всегда имеют некоторый оттенок неполноты действия. Примеры: rüväldä - /rüväldiäkseh 'кашлянуть'/ ← rüvi - /rügie 'кашлять'/, ср. rüvildä - /rüvildiä 'прокашлять быстро'/; püöräldä - /püöräldiäkseh 'крутануться'/ ← püöri - /püörie 'крутиться'/, ср. püörildä - /püörildiä 'прокрутиться быстро'/; rīčalda - rīčaldua 'распороть чуть-чуть'/ ← rīči - /rīčcie 'пороть'/, ср. rīčildä - /rīčildiä 'распороть быстро'/; rüvähtä - /rüvähtiäkseh 'кашлянуть'/ ← rüvi - /rügie 'кашлять'/; liekāhtä - /liekāhtiäkseh 'всполыхнуть'/ ← lieki - /liekkie 'полюхать'/.

Чередование i ~ a /ä/ выступает только в таких производных, у которых производящей основой является простой глагол с основой на i; если же производящим словом выступает производный отыменный глагол с суффиксом -i-, то такого чередования, естественно, не может быть, например: kengildä - /kengildiä 'обуть быстро' ← kengi - /kengie 'обувать'/ ← kengä 'обувь'; muñilda - /muñildua 'снести яйцо быстро' ← muñi /muñie 'нести' ← muna 'яйцо', kobrilda - /kobrildua 'облапать быстро' ← kobri - /kobrie 'лапать' ← kobre 'горсть'.

i ~ e

данное чередование встречается только в единичных слу-

чаях и не относится к типичным видам чередования. В этой связи заметим, что i ~ e не происходит в ливиковском диалекте даже перед -le-, последовательно требующим чередования любых конечных гласных производящей основы с e. Там эта ситуация разрешается с помощью другого морфонологического средства - присоединения -tte-.

i ~ e выступает в некоторых возвратно-транслативных глаголах, например, ripševü - /ripševüö 'начать колоситься' / ← ripši 'колос', riččevü - /riččevüö 'начать распускаться / о нити' / ← riči - /riččie 'распускаться' /, ilmestü - /ilmestüö 'сбыться' / ← ilmi 'наяву'. Здесь, как и в некоторых вышеназванных случаях, чередование выполняет смысло-различительную функцию, оно добавляет некоторый оттенок начала действия, в то время как производные без чередования имеют оттенок завершенности действия, ср.: ripšivü - /ripšivüö 'заколоситься', riččivü - /riččivüö 'распуститься' /.

Из сказанного о морфонологических чередованиях на стыках морфем можно сделать следующие выводы:

1/ перед словообразующими суффиксами происходят следующие чередования конечной гласной производящей основы: a /ä/ ~ e перед -ksi-, -či-, -ne-, -vu- /-vü-/, -le-; a /ä/ ~ i перед -ta- /-tä-/, -sta- /-stä-/; a /ä/ ~ o /ö/ перед -ice-; a /ä/ ~ u /ü/ перед -ice-, -ta- /-tä-/; u /ü/ ~ a /ä/ перед -lda- /-ldä-/, -hta- /-htä-/, -hu- /-hü-/; u /ü/ ~ i перед -sta- /-stä-/; o ~ a перед -hta- /-htä-/, -lda- /-ldä-/; o ~ e перед -le-; e ~ i перед -sta- /-stä-/, -ta- /-tä-/; e ~ u /ü/ перед -sta- /-stä-/, -ta- /-tä-/; i ~ a /ä/ перед -lda- /-ldä-/, -hta- /-htä-/; i ~ e перед -vu- /-vü-/. Иначе говоря, конечные гласные производящей основы чередуются с a перед суффиксами -hta- /-htä-/, -lda- /-ldä-/, -hu- /-hü-/; с o - перед -ice-; с u - перед -ice-, -ta- /-tä-/, -sta- /-stä-/; с e - перед -ksi-, -či-, -ne-, -le-, -vu- /-vü-/; с i - перед -ta- /-tä-/, -sta- /-stä-/.

2/ Одни словообразующие суффиксы требуют последовательного чередования конечных гласных основы, как например, a /ä/ ~ e перед -hta- /-htä-/ или чередования с e перед -le-, другие - менее последовательного, как например, -lda- /-ldä-/, третьи же вовсе его не требуют, как например, -ksendele-.

3/ Определенные чередования выполняют при словообразова-

нии смысловразличительную функцию, другие же являются последствиями тех или иных звуковых изменений в языке, третьи появились в результате аналогий.

L. F. M a r k i a n o w a
(Petrosavodsk)

ÜBER DEN MORPHOLOGISCHEN VOKALWECHSEL AN DER
MORPHEMJUNKTUR DES KARELISCHEN ABGELEITETEN VERBS

Z u s a m m e n f a s s u n g

Für die verbale Wortbildung der karelischen Sprache sind bei dem Anschluß eines Ableitungssuffixes an den Stamm, von dem abgeleitet wird, Veränderungen und Wechselarten des letzten Vokalstammes charakteristisch. Es treten folgende Wechselarten auf: a (ä) ~ o (ö), a (ä) ~ u (ü), a (ä) ~ e, a (ä) ~ i; o ~ a, o ~ e; u (ü) ~ a (ä), u (ü) ~ i; e ~ u (ü), e ~ i; i ~ a (ä), i ~ e. Die angegebenen Wechselarten, die ursprünglich phonetisch sind, bringen verschiedene diachronische Vorgänge zum Ausdruck und tragen bestimmte morphologische und semantische Funktionen.

МЕТОДИКА ОБРАБОТКИ ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИХ КАРТ
ВЕНГЕРСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛОЙ

Известный венгерский языковед Ш. Имре на основе данных шеститомного венгерского диалектологического атласа опубликовал интересную монографию "Система современных венгерских диалектов"¹. Лингвогеографические карты в этой монографии весьма поучительны. Они, по нашему мнению, представляют большой интерес не только для венгерской диалектологии. В частности, специальные карты дают наглядное представление о частоте распространения гласных фонем в венгерских говорах. В качестве примера рассмотрим первую карту из этой серии - частоту распространения фонемы ú /стр. IOI/.

На карте под номером каждого населенного пункта объединены два символа в виде квадратов. Первый квадрат отражает количество /и процент/ диалектного ú на месте устно-литературного ú.

31-36 морф.
/86-100%/

25-30 морф.
/69-83%/

18-24 морф.
/50-67%/

Квадрат с большой наполненностью показывает, что количество морфем с ú одинаково или почти одинаково в определенных говорах с той же фонемой устно-литературного языка; квадрат со средней наполненностью показывает, что количество морфем с ú в определенных говорах значительно меньше, чем в устно-литературном языке; квадрат с вертикальной штриховкой показывает дальнейшее уменьшение морфем с ú в некоторых говорах и т.д.

Каким методом определил Ш. Имре уменьшение числа морфем с ú в говорах по отношению к устно-литературному языку?

¹ Развернутую рецензию на этот труд см.: Каталин Мокань, Шандор Мокань: *Samu Imre, A mai magyar nyelvjárá sok rendszere*, Budapest, Akadémiai Kiadó, 1971. 394 стр. - СЭУ XI, 1975, стр. 57-63.

Он отобрал в атласе морфемы, содержащие в устно-литературном варианте ú /их число 36/, и проследил, какие фонемы соответствуют этому ú в каждом говоре. Анализ этого материала позволил ему установить следующие соответствия:

устно-лит. диал., например:

ú	—	ó	:	búza ¹ , túró ²
		u	:	buza ¹ , ocsu ³
		ó	:	nyójtó ⁴ , savanyó ⁵
		o	:	nyojtu ⁴
		i	:	tik ⁶ , hosszú ⁷
		i	:	tik ⁶
		ü	:	hüsit ⁸
		a	:	ganár ⁹ , savanya ⁵
		á	:	savanyán ¹⁰
		jú	—	i
é	:			sarié ¹¹

I/ устно-лит. búza 'пшеница', 2. túró 'творог', 3. ocsú 'охвостье /у злаковых растений/', 4. nyójtó 'центральная жердь, соединяющая две оси повозки', 5. savanyú 'кислый', 6. tyúk 'курица', 7. hosszú 'длинный', 8. húsvét 'пасха', 9. gúnár 'гусак', 10. savanyún 'кисло', 11. sarjú 'отава', 12. varjú 'ворона'.

Второй квадрат на рассматриваемой карте отражает количество /и процент диал. ú в определенных говорах, выступающих на месте иных фонем и звукосочетаний устно-литературного языка. Для этого Ш. Имре отобрал в каждом говоре морфемы, содержащие ú /их число то же 36/. При сопоставлении этих морфем с соответствующими морфемами устно-литературного языка выяснилось: выступающий в говорах долгий гласный ú встречается не только на месте устно-литературного ú. В этом убеждают нас следующие соответствия:

диал. устно-лит.		например:		
ú	—	ó	:	lú ¹ , hēnyü ²
		u	:	cúkor ³ , kóduš ⁴
		a	:	szomjús ⁵
		i(t)	:	pirútós ⁶

ú	—	E	uj(j)	:	új ⁷ , púka ⁸
			ol	:	kúdús ⁴ , konkú ⁹
			[á]-[v]al	:	lábbú ¹⁰

1. устно-лит. ló 'лошадь', 2. hernyc 'гусеница',
 3. cukor 'сахар', 4. koldus 'нищий', 5. szomjas 'испытывать жажду', 6. pirítós 'поджаренный /о хлебе/',
 7. ujj 'палец', 8. pujka 'индюк', 9. konkoj 'куколь /растение/', 10. lábbal 'с ногой'.

Таким образом, приведенные противопоставления отражают увеличение нагрузки диалектного ú за счет иных фонем устно-литературного языка. Полученные данные, нанесенные на специальные лингвогеографические карты, дают наглядное представление о частоте распространения исследуемой фонемы. Применение данного комплексного метода дает возможность получить несколько сот легко обозримых противопоставлений фонем на всей исследуемой языковой территории.

Приведем еще пример из символов венгерского говора Фелшэёр (Felsőőr) в Австрии (на карте: Au-2). Первый квадрат показывает, что на месте устно-литературного ú в говоре выступает ü от одной до трех морфемах (т.е. не более 3-8%); второй квадрат говорит о том, что в том же говоре от четырех до восьми морфемах (11-22%) имеется ü на месте иных фонем устно-литературного языка.

По нашим наблюдениям, эти данные подтверждаются материалами диалектологического словаря говора Фелшэёр, изданного И. Шаму (Samu I m r e, Felsőőri tájszótár, Budapest 1971). Мы отобрали все морфемы в словаре, которые в устно-литературных видоизменениях содержат ü. Число этих морфем 48:¹

устно-лит. диал. например:

ú	—	E	u	:	huz ¹ , ut ²	/30 морф./
			ó	:	nyuojt ³ , uocsuo/	8 -"/-
			i	:	hosszi ⁵ , tik ⁶	/ 5 -"/-
			ü	:	nyúl ⁷	/ 1 -"/-
jú	—	—	i	:	dzsapcsi, sari ⁹	/ 4 -"/-

Мы отобрали также и те морфемы, которые в говоре содер-

¹ Повторяющиеся морфемы нами принимаются за одну.

лат ú, а в устно-литературных видоизменениях ей соответствуют иные фонемы. Их число вместе с лексическими диалектизмами равно II:

	диал.	устно-лит.	например:	
ú	{	ó	:	<u>lú</u> ¹⁰ <u>múta</u> ¹¹ /4 морф./
		u	:	<u>kúcs</u> ¹² <u>kút</u> ¹³ /3 -" /
		o	:	<u>dúlog</u> ¹⁴ /I -" /
		∅	:	<u>csafhuhú</u> ¹⁵ , <u>plúcstojás</u> ¹⁶ , <u>súber</u> ¹⁷ /3 морф./

1. устно-лит. húz 'тянуть', 2. út 'дорога', 3. nyújt 'вытягивать', 4. ocsú 'охвостье /у злаковых растений/', 5. hosszú 'длинный', 6. tyúk 'курица', 7. nyúl 'заяц', 8. gyapjú 'шерсть', 9. sarjú 'отава', 10. ló 'конь', 11. mióta 'с каких пор', 12. kulcs 'ключ', 13. kút 'колодец', 14. dolog 'дело', 15. лексический диалектизм csáfuhú 'веселый выкрик на свадьбе', 16. лексический диалектизм plúcstojás 'яйцо-подкладыш', 17. лексический диалектизм súber 'передний или задний выдвижной щит на повозке'.

Из первого противопоставления видно, что из 48 морфем устно-литературного языка только одна морфема (2%) содержит ú. Это равняется символу .

Согласно данным второго противопоставления 11 морфем (23%) соответствуют символу . Таким образом, подсчеты Ш. Имре очень близки к нашим.

Ш. Имре, по нашему мнению, правильно установил, что частота любой фонемы в венгерских говорах определяется двумя факторами: звуковыми соответствиями (или противопоставлениями), которые (1) уменьшают или (2) увеличивают число морфем, содержащих фонему. Применение этого более усовершенствованного метода в описании частоты фонем является большим достижением, ибо в венгерской диалектологической литературе до него учитывался только второй фактор.

K. M o k á n y
(Budapest)

ZUR METHODIK DER BEARBEITUNG DER SPRACHGEOGRAPHISCHEN
KARTEN DURCH DIE UNGARISCHE DIALEKTOLOGISCHE SCHULE

Z u s a m m e n f a s s u n g

Der Artikel macht mit der Methodik der Bearbeitung der sprachgeographischen Karten durch die ungarische dialektologische Schule bekannt, und zwar: mit der Bestimmung der Frequenz der Verbreitung der Vokalphonemen in den ungarischen Dialekten.

INESSIIV KARJALA DJORŽA MURRAKUS

Kirjutises käsitletakse inessiivi tähendusfunktsioone karjala keele Djorža murrakus. Ainestik on saadud ajavahe-
mikus 1965 - 1975 toimunud lühiekspeditsioonidel Djorža-äär-
seis külades tehtud isiklikest ülestähendustest. Mõningal
määral võrreldakse murde ja karjala lähimate sugulaskeelte-
soome ja vepsa inessiivi kasutamisuhte.

Küsimust on käsitlenud Tiiu Tamme diplomitöös "Siseko-
hakäänete tähendusfunktsioonid karjala keele kalininini mur-
des" (1967).

Inessiivi lõpp on murrakus $\text{-}\ddot{a}$ või $\text{-}\dot{i}$ järel $\text{-}\ddot{g}$, mis on
arenenud tänapäeval teistestki karjala murdeis esinevast vor-
mist $\text{-}\ddot{s}\ddot{s}\ddot{a}$, $\text{-}\ddot{s}\ddot{s}\ddot{a}$, $\text{-}\text{ssa}$, $\text{-}\text{ss}\ddot{a}$ < $\text{-}\text{gna}$, $\text{-}\text{gn}\ddot{a}$. Selles esinenud
 $\text{-}\text{na}$, $\text{-}\text{n}\ddot{a}$ on kindlasti sama kui essiivi lõpp, niisiis vana
lokatiivi sufiks. Selle ees olev g on vististi algselt la-
tiivi sufiks, sama mis esineb g -lõpulistate adverbide sufik-
sina, aga mis läänemeresoome-velga algkeeles inessiivis ja
elatiivis on arenenud mingisuguseks sisekohakäänete tunnu-
seks (Hakulinen 1968: 89; Ariste 1954: 46).

1. Inessiiv võib väljendada mingi piiratud koha sees-
pool või piiril olevat olemis-, tegevus- või toimumiskehta.
Kõne all olev "koht" võib olla ka ebalokaalne (Penttilä 1957:
380). Nii on inessiivi kõige üldisemaks funktsiooniks osu-
tada kohta, mille sisepiirides tegevus toimub.

Allpool esitatakse näitematerjal alarühmade kaupa ines-
siivis olevate sõnade järgi, mis väljendavad:

a) paikkonda kohanimesed: olin mosku tütrellü 'olin
Moskvas tütre juures'. oržvaš elettih 'nad elasid Rževis'.
olin pogreľvaš 'olime Pogorelojes'. kirik oli ivnovskoiš 'ki-
rik oli Ivanovskois'. elin mužikaške semnovskoiš 'elasin
mehega Semnovskois'. mi šünnüin vaššilewskoiš 'ma sündisin
Vassiljevskois'. elin nowvoiš 'elasime Nouvois'.

Kuid paiknanna sisepiirides elemise tähistamiseks kasu-
tatakse külanimeses samuti adessiiv-allatiivigi, nagu näit.
matjugaŋ on väh nardu 'Matjuginas on vähe rahvast', oli
ol'eksandrofkoil 'olime Aleksandrovskojes'. ol' väh talld ve-
denskoil 'oli vähe talusid Vedjonskojes'. äij ol' talld
galhvaŋ 'palju oli talusid Galahhovos'. oli botnaŋ 'oli-
me Botinos'. oli kunilvaŋ 'olin Kunilovos'. eiettih kond-
rakovaŋ 'nad elasid Kondrakovos'.

b) teatavat piirkonda: mi šunnün tää külää 'ma sündi-
sin selles külas'. hiän ruad kolhozaš 'ta töötab kolhoosis'.

c) eri pinnavormi: päh ol' eŋi mečää 'paha oli elada
metsas'. šuaš eijow karbloi 'soos pole kuremarju'. buŋbuk-
kaŋ joveš 'vesiroos jões'. jänikset kočtah peļmoš 'jänesed
hüppavad põllul'. tabun tödrin ahoš 'hobusekari Tedrepõl-
lul'.

d) selgelt piiritletud ala: ogordaš travaŋ šuw 'juur-
viljaaias suur rohuke'. humlat humalnikoš kašvettih 'humalad
kasvasid humalaaias'. brih šeišow kruvgaš 'noormees seisab
ringis'. talvel peššäh avannoš 'talvel pestakse jääaugus'. a
peš bruvvuš tää ei voi 'aga pesta selles tiigis ei või'.
hawdzeš ol' vėš 'augukeses oli vesi'. rėb istuw noras 'reba-
ne istub urus'. i pešoš ist čil' 'ja pesas istus siil'. hü
ollah muwrhikoš 'nad on sipelgapesas'. stolballu tützet
šeištah kuwbazeš 'posti juures tüdrukukesed seisavad var-
jus'. čüžlūš vanhoiš kandjoiš elāv 'sisalik elab vanades
kändudes'. hiŋhawd ol' jogrannaš 'sõemil oli jõe ääres'.
varžan mečän rannaš 'varsake metsa ääres'. piäš aŋtukšol
pitākš on jätet rihmat 'otsas kangaalustusel on pikaks jäe-
tud lõngad'.

e) ehitust, selle osa: brihat peřtiš ollah 'noormehed
on tares'. päniik pajaš ruadaw 'sepp töötab sepikojas'. tal-
vel peřtišois issuŋ 'talvel istume taredes'. nellämpin külüş
ruwtah külbmäh 'neljapäeval hakatakse saunas vihtlema'. tan-
huš on dvorvoi 'karjaaias on laudavaim'. kondi on karžnaš
'karu on keldris'. ak on vanhaš kodiš 'eit on vanas majas'.
kiwguš külbittih vaššaŋ 'ahjus viheldi vihaga'. siŋčoš kakš
reŋgi 'esikus kaks pange'. jumalzet ollah parašopeš 'ikoo-
nid on puhtas nurgas'. hiř puwrnuš ei kuaŋ (vanas.) 'hiir
viljasalves ei sure'. uglaš venūw puwšaš tukkuŋ pelvua 'nur-

gas vedeleb künis hunnikuke aganaid'. pačas elättih, a nügün kodzis '(mesilased) elasid pakus, aga nüüd mesipuudes'.

f) asutust: toih ruadaw školaš bulga·hterom 'teine töötab koolis raamatupidajana'. kogonsen vuvven ol' bolničäs 'terve aasta oli haiglas'. hiän ol' magginaš 'ta oli poes'.

g) tarbeeset, tööriista: huwreš šurvtah petkilel' 'uhuris tambitakse uharinulaga'. ak jo puržuttaw uwveš kartas 'eit juba peseb uues künas'. a šial' istuw howkkaš värčis 'aga seal istub lollike kotis'. taignaš muišoš 'leivanõus juuretis'. keitettih omut padoiš 'keedeti õlut savipottides'. pör rubiw kiahmah puifeš 'leelis hakkab keema pütis'. viarhaš méras kalat ommah šuwremmat (vanas.) 'võõras mõrras kalad on suuremad'. päivät eijo šiağlas, ruavam i jälgeh (vanas.) 'päevad pole sõelas, töötame pärastki'. peš suwimat, čugnaš keitti 'pesta tangud, potis keeta'. pohlopik pikkurzeš malzeš 'supp väikeses kausikeses'. piras omdih pihüt tuagizet 'kaņgaosas olid piikesed tihedad'. šukkułzeš on klämiš 'süstitkus on poolike'. a poigah hänel kormniš 'aga pojake tal taskus'. grobuš ol' hänel lewtet vaššašt lehet 'kirstus olid tal laotatud vihalehed'. reješ ni rebu, ni kalu 'rees ei rebast ega kala'. ken šial' istuw telgäš 'kes seal istub vankris'. - Samuti: Mapšet muattih krawtiš 'lapsed magasid voodis'. Siiski ka: krawtiš.

h) kehaosa: hänel' kuas šuwš 'tal puder suus'. buab hänel' vačas 'vanaema tal kõhus'. piäš eijo miäl'd 'peas pole meelt'. viarhaš šilmäš sorušt niät, a omas i hirt ed niä (vanas.) 'võõras silmas näed purukest, aga omas ka palki ei näe'. mi miäl'eš, že i kiäl'eš (vanas.) 'mis meeles, see ka keeles'. kainamoiš ommah koeran kärähmet 'kaenaldes on higinäärme põletik'.

i) koosviibimist: imkezroš kezräim 'istjatel ketrasi-me'. hiäš ommah müädmiijät 'pulmas on pruudi poolt pulmalised'. gostiš on hüw, a koiš viäl' paremb 'küläs on hea, aga kodus veel parem'. papiš olin tağhoš 'preestri juures olin talgul'.

j) talu, peret, kellegi juures olemist: ka meil' kuin omdih ažit kėran ühēš tağoš 'vaat meil, kuidas olid asjad kord ühes talus'. efin šuwreš perheš 'elasin suures peres'.

brinas gul'idih üän i päivän 'noormehe peres lõbutseti õõ ja päev'. hiän el'aw omas muamos 'ta elab oma ema juures'. hiän hormois el'aw, veik niw el'aw 'ta elab venelaste juures, vend elab minu juures'.

k) ainet: pudron keitän majjos 'pudru keedan piimas'. lapset vejes hüpel'äh 'lapsed jooksevad vees'. kois on i perž vois (vanas.) 'kodus on persegi võis'. ku kån kuabeis 'nagu kana takkudes'. magain heiniis 'magasin heintes'. ottah muafen laštzen, štob ois laštzes okšan lowkkoñ 'võetakse mi-sugune laastuke, et oleks laastukeses oksaanguke'.

1) muid kohti: piives võmmel 'taevas vikerkaar'. labi on ogordan šiämes 'labidas on juurviljaaia sisemuses'. häfel' šiämes on ruak 'tal on sees vähk'. šiämes kivištaw 'seest valutab'. peftin šiämes 'tare sisepoleel'. tanhun šiämes harvat 'karjaaia sees rehad'. vazmes puales šeišow akkañ 'pahe-mal pool seisab eideke'. kallmat omdih rewnas 'surnuaed oli kõrval'. brihat läcükzes omdih 'noormehed olid lähedal'. tuat ed muam mis el'ettih 'isa ja ema kus elasid'. hiän eij o mlun nimis 'ta ei olnud kuskil'.

Sia sobib lisada veel näiteid sageli esinevast kulu-voormist koh pro kohas 'kohas'. keräim ühes koh 'korjasime ühes kohas'. toin tütär el'aw toizes koh 'teine tütar elab teises kohas'. urhot oliñ ühes koh kaik 'mehed olime ühes kohas kõik'. olgu täs koh 'olge siin kohas'.

Sisekoha tähenduses esineb inessiiv teisteski lääneme-resoome keeltes. Vrd. näit. sm Asun kaupungissa (Penttilä 1957: 380) 'elan linnas'. Lampaat ovat pellossa (Setälä 1926: 57) 'lambad on põllul'. Poika istuu huoneessa (ss.) 'poiss istub toas'. Kävin häissä (Setälä 1926: 58) 'käisin pulmas'. Joka paikassa olet tiellä (Penttilä 1957: 382) 'igas kohas oled tee peal'. - vps nügüd eba ela ühtes peftis (Kettunen 1943: 269) 'nüüd nad ei ela ühes tares'. soba vedes ligodab (Kettunen 1943: 270) 'riided vees ligunevad'. päiväd eba sedas (Kettunen 1943: 269) 'päevad pole sõelas'. hän om perhes vanhemb (Зайцева-Муллонен 1972: 408) 'ta on peres vanem'. oifimai suiumus (Kettunen 1943: 276) 'olime külakooskolekul'.

Ent inessiivil on arvukalt muidki tähendusi.

2. Inessiiv väljendab otsest kontakti millegagi: rahikset omlah lägigiis 'roomad on rangides'. pluwgäs kom ko-

rendu 'adral on kolm aisa'. ohthikoš on pištũlkõi 'ohakas on okkaid'. kaivuš valgi koriŋk 'kasel on valge koor'. šai-kaš ei ommun tõri, doifikaš on tõr 'kapas ei olnud toru, lüpsikus on toru'. šufkiš oldih nuarset '(nõõrist tehtud) muistseis jalatsites olid nõõrikesed'. hiamut räčfääš puwtet oldih 'käised olid sãrgi külge õmmeldud'. wũwt kefinakaš 'lõngaviht kerijalas'. nãie očkis muven i omblen 'nende prillidega ma loen ja õmblen'. kãziš šermet, a jallaš varbhat 'kãel sõrmed, aga jala varbad'. kãziš ruadučtah mozlit, kowž kaevat labih 'kãtesse tekivad villid, kui kaevad labidaga' lapš ei tah õi ũššãš 'laps ei taha olla süles'. vafuak istuw šelitãš 'Vanja istub seljas'. kiw hãnel' kaglaš 'kivi tal kaelas'. i vak piãš ukõl 'ja vakk peas taadil'. batiŋkat jallaš 'poolsaapad jalas'. veiš kãziš nuga kães'. kãfiš miwl jallois i maguw 'kassike mu jalus (= jalgade juures) magabki'.

Otsest kontakti tähistab ka kehakatteid mãrkiv inessiiv. Nãit. kãvelđih paidlois polveh šua '(mehed) kãisid sãrkides põlvest saadik'. nãn kãvelđih platjois 'need kãisid kleitides'. sorokãš kãvelđih 'tanus kãisid'. lãks ũkisiš trušis kodih 'lãks ainult trussikutes koju'. lapš šũnd šobzeš. ožakaš liãw 'laps sũndis "sãrgikeses" (= riides), tuleb õnelik'.

Sia kuulub veel suhteliselt harva esinev inessiiv, mis väljendab ainet, millega miski on mããrdinud või kaetud. Nãit. reppãn tũk ol' noves 'rãpnaaugukalts oli nõõgine'. jallat kãik šub revuš 'jalad kõik porised'. lomik on kustiš 'tinnik on põõsastega kaetud'.

Samas tähenduses esineb inessiiv ka soome ja vepsa keeles. Nãit. sm Huivi on kaulassa (Setälã 1926: 60) 'rãtt on kaelas'. Lapsi on kapaloissa (Penttilã 1957: 387) 'laps on mãhkmeis'. Menã on veressã (Setälã 1926: 60) 'nina on verine'. - vps kaglas om rist (Kettunen 1943: 272) 'kaelas on rist'. alãižes om kãbã, kãdes peigal (ss.) 'kindal on põial, kãel põial'. kãulop kedmiš sobiš (Kettunen 1943: 273) 'kãib kergetes riietes'.

3. Inessiiv väljendab olukorda, füüsilist või vaimset seisundit, milles keegi või miski on. Nãit. nãif ol' humlaš 'naine oli purjus'. ei tapet miwm, jãin euloš 'ei tapetud mind, jãin ellu'. vanhembãf tũttef ei j.õmmun euloš 'vanem

tütred ei olnud elus'. mi näin unis 'ma nägin unes'. eitäh ühes, a süväh eris 'elavad koos, aga söövad eraldi'. tüzet eris 'tüdrukukesed eraldi'. lives hü omdih kolm hediä 'leos nad olid kolm nädalat'.

Samas tähenduses esineb inessiivi teisteski läänemeresoome keeltes. Vrd. näit. sm Ei täällä nälässä tarvitse olla (Penttilä 1957: 383) 'ei siin näljas tarvitse olla' - vps üks vo hengis a toine jo kolend (Kettunen 1943: 274) 'üks veel hinges, aga teine juba surnud'.

4. Inessiiv tähistab mingis töös või tegevuses olemist. Näit. mi ruavoin suamei jügilöis ruadpis 'ma töötasin kõige raskematel töodel'. meil on paimis pikrañ poigah 'meil on karjas väike poisike'. hiän miaros kävel' 'ta käis kerjamas'. - miwn poig on kodvävüs 'mu poeg on koduväiks'. hiän sduwz sodutas 'ta teenis sõdurina'.

Inessiiv märgib eset, mida ollakse korjamas, toomas: eglen olin vavarnos 'eile olin vaarikal'. lapset omdih muksa 'lapsed olid mustikal'. mü oliñ parkis 'me olime paju-koort toomas'.

Sedasama väljendab inessiiv ka soome ja vepsa keeles. Näit. sm Mies käy työssä (Penttilä 1957: 384) 'mees käib töös'. Hän on kalassa (Setälä 1926: 59) 'ta on kalu püümas'. - vps oravilä käuqlilä ku noremb oliñ (Kettunen 1943: 276) 'oravajahil käisin, kui noorem olin'. poik saudatoš (ss.) 'poeg sõduriks'.

5. Inessiiv tähistab aega, mille jooksul midagi toimub: hiän ruadaw nedilä kuwz päivi 'ta töötab nädalas kuus päeva'. vivoin kakš paimikku päiväs 'ropsisin kaks kimpu (paimik = 80 peod) päevas'. ares süväh lihu, maidu, a pühäs leibiä ed kartešku voierat 'paastutul ajal süüakse liha, piima, aga paastuajal leiba ja kartulit (rasvaga) määrimata'. šuwres pühäs paištah tiwrzi 'suure paastu ajal küpsetatakse (linnukujulisi) koogikesi'. miwn elännäs ol' muad azi 'minu elus oli selline asi'.

Samatähenduslikku inessiivi esineb teisteski läänemeresoome keeltes. Vrd. sm Vähän päivässä, paljon viikossa (Penttilä 1957: 385) 'vähe päevas, palju nädalas'. - vps veiratkos kudon verköd (Kettunen 1943: 277) 'teedelagunemise ajal koon võrke'.

6. Inessiiv võib väljendada millegi hulka, määra. Näit. artliä i kuañ on veššel' (vanas.) 'seltsis on surragi lõbus'. kaččow, tüť võñuw, мушкет tukšeä 'vaatab, tütar lamab, lunkesed hunnikus'. ruvoä vikku heifi ei voi pidi 'saos heinu kaua ei või hoida', puasmaš on tricať il' sorok rihmašt 'pasmaš on kolakümmend või nelikümmend niidikest'. vüvheä on kümnen puasmaš 'lõngavihis on kümme pasmast'. puališkoš nelküm-mend kaks pivua 'linakimbus on nelikümmend kaks peod'. pajukoš kaks puališku "palmikus" on kaks linakimpu'.

Samas tähenduses leidub inessiivi ka teistes läänemere-soome keeltes. Vrd. näit. sm Iääkettä voi nauttia pienissä annoksissa (Penttilä 1957: 387) 'arstimit võib võtta väikes-tes annustes'. - vps vihtakos on kümnen pasmad (Зайцева-Муллонен 1972: 403) 'vihis on kümme pasmast'.

7. Murrakus ei kasutata inessiiviga kaassõnu. Küll aga on mõningad kaassõnad vormilt inessiivis. Näit. järgmised ge-nitiiviga seostuvad postpositsioonid: iäš 'ees', keššesä 'seas, hulgas; vahel', pefiš 'taga', piäš 'otsas'. Näit. peftin iäš 'maja ees'; nardan keššesä 'rahva hulgas'; iknoin keššesä 'aken-de vahel'; tanhun pefiš 'karjaala taga'; lehmäl maid on kiä-l'en piäš (vanas.) 'lehmäl on piim keele otsas'. Genitiivi ja adessiiv-allatiiviga kasutatavad postpositsioonid: kohaš 'ko-hal, vastas', rewnaš 'kõrval'. Näit. reppän kiwgun kohaš 'räppen on ahju kohal'; peftil' kohaš kařvaw koiv 'maja vas-tas kasvab kask'; tütteä peftin rewnaš 'tüdrukuke maja kõr-val'; bajaf hähel' rewnaš vanh 'mõisnik tema kõrval vana'.

Ainus inessiivis esinev prepositsioon on üheš 'ühes, koos', mida kasutatakse komitatiiviga: lapsät lähtittih üheš buaboņke mančikkah 'lapsed läksid ühes vanaemaga maasikale'.

Samasuguseid postpositsioone leidub soome ja vepsa kee-leski. Näit. sm seistä peilin edessä (Penttilä 1957: 337) 'seista peegli ees'. Maali on muutaman metrin päässä (Penttilä 1957: 340) 'märklaud on mõne meetri kaugusel'. - vps raffan keskes (Зайцева-Муллонен 1972: 740) 'inimeste hul-gas'. päčin kohtas (ss.) 'ahju vastas'.

Lõpetades ülevaate inessiivist selle väikese karjala keelesaare murrakus võib kokkuvõtteks märkida, et käände kõi-ge põhilisemaks tähendusfunktsiooniks on väljendada piiratud kohta, mille sisepiirides tegevus toimub või miski asetseb (mečšä 'metsas', avannoš 'jääaugus', pajaš 'sepikojas', kiw-

guš 'ahjus', taignaš 'leivanõus', vačas 'kõhus', šiämeš 'si-
semuses'). Kuid see võib tähistada muidki kohasuiteid: mär-
kida koosviibimist (hiäsš 'pulmas'), isikut, kelle peres ol-
lakse (muamoš 'ema juures'), ainet (majjoš 'piimas'). Tihti
märgib inessiiv otsesest kontakti (kagrasš 'kaelas'), olukor-
da, milles keegi või miski on (humašš 'purjus'), töös või
ametis olemist (paimhišš 'karjas'), eset, mida ollakse kor-
jamas (vavarnoš 'vaarikal'), aega, mille jooksul midagi toi-
mub (päiväsš 'päevas') ja hulka või määra (tukšš 'hunniku-
keses').

Võrdlusest inessiivi esinemusega soome ja vepsa keeles
ilmneb, et käändel on neiski keeltes üldiselt samad funk-
tsioonid.

Lühendid ja kirjandus

- A r i s t e , P. 1954, Sisekohakäänete kujunemisest lääne-
mere keeltes. - Eesti NSV TA Toimetised, 1, 41-50.
- H a k u l i n e n , L. 1968, Suomen kielen rakenne ja ke-
hitys. Kolmas, korjattu ja lisätty painos, Hel-
sinki.
- K e t t u n e n , L. 1943, Vepsän murteiden lauseopillinen
tutkimus, Helsinki (MSFOu LXXXVI).
- P e n t t i l ä , A. 1957, Suomen kielioppi, Porvoo-Hel-
sinki.
- S e t ä l ä , E. N. 1926, Suomen kielen lauseoppi, Helsin-
ki.
- З а й ц е в а М. И. - М у л л о н е н М. И. 1972, Словарь
вепского языка, Ленинград.

sm. - soome keel.
ss. - sealsamas.
vanas. - vanasõna
vps - vepsa keel

П. П А Л Ь М Е О С
(Тарту)

ИНЕССИВ В ДЕРЖАНСКОМ ГОВОРЕ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Р е з ю м е

Основной функцией инессива в держанском говоре карельского языка является обозначение места, в пределах которого совершается действие или что-либо находится, напр., mečääs 'в лесу', avannos 'в проруби', rajas 'в кузнице', kiwguš 'в печи', taignaš 'в хлебнице', vačas 'в животе' и др. В то же время он может обозначать совместное пребывание /hiäs 'на свадьбе'/, лицо, у которого находится субъект /nuamos 'у матери'/, вещество /majjos 'в молоке'/, часто инессив обозначает прямой контакт /kačlas 'на шее'/, обстановку, в которой кто-либо или что-либо находится /huplas 'пьяный'/, пребывание на работе или в должности /raimniš 'в пастухах'/, предмет, который приносится /vavarnos 'за малиной'/, время в течение которого что-либо совершается /päiväs 'в день'/.

Подобные функции инессива наблюдаются также в финском и вепском языках.

Г.Н. РОМАНОВА
/Сыктывкар/

ПРЯДИЛЬНАЯ И ТКАЦКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В КОМИ ЯЗЫКЕ

Происхождение ткачества и сегодня еще является одной из сложных и далеких от завершения проблем материальной культуры. Восстановление истории текстильной техники в настоящее время затруднено отсутствием материальных и письменных источников для ранних периодов.

Самые ранние археологические находки отдельных деталей прядильной и ткацкой техники у предков пермских народов относятся к X-XIV вв. Поэтому при глубоком изучении этого раздела материальной культуры наиболее важным и достоверным источником оказываются данные лингвистики. Так обстоит дело в настоящее время не только в пермской этнографии, но и в славянской.¹

В связи с этим большое значение при изучении истории текстильной техники имеют конкретные исследования по отдельным регионам или по отдельным народам.

В данной статье сделана попытка с помощью лингвистического материала восстановить, насколько это возможно в настоящее время, развитие ткацкой техники у коми /зырян/, т.е. проследить время и возможные пути появления таких инструментов, как веретено, прялка, ткацкий стан.² Сразу же следует отметить, что в словарях и специальных этнографических изданиях по финно-угорским и другим народам /кроме русских/ не имеется полного комплекса названий инструментов и деталей прядильной и ткацкой техники. Поэтому в статье приводится только необходимый минимум сравнительного лингвистического материала, в основном по языкам родственных народов и народов, активно контактировавших с коми в прошлом.

Для изготовления ткани коми использовали льняные, конопляные, шерстяные, а также крапивные нитки /верхняя Печора, начало XX в./ . Волокна льна, конопли, предназначенные для

¹ См. напр. О.Н. Трубачев, Ремесленная терминология в славянских языках. Москва, 1966.

² В статье используются материалы, собранные автором во время полевых исследований в Коми АССР в 1973-1977 гг.

получения ниток, расчесывали на 3 и на 5 /Удорский р-н/ сортов, каждый из которых имел свое специальное название. Первый, грубый слой назывался "джендбс", второй менее грубый - "пачбс", третий - самый лучший - "сбдз". На Удоре сорта назывались соответственно: "гирисясем", "поснадцем", "джендбс", "пачбс", "сбдз".

У коми существовало два способа изготовления ниток - сучение и прядение. Волокна, предназначенные для изготовления ниток, назывались двумя терминами: местным - "печкан" и заимствованным из русского языка - "худель". Кроме того, волокна, предназначенные для сучения, назывались "путшкысян". Нитки сучили руками, без веретена и с помощью веретена "путшкысян чбрс". Без веретена сучили редко, только лишь в тех случаях, когда нужна была короткая нить. Изредка сучение производилось на щеке. В особьх, обрядковых случаях /например, при обряде покойника/, у сысольских и мезенских коми нить свивали на колене и в противоположную, чем обычно, сторону /влево/.¹ Но основная масса ниток изготавливалась прядением.

При прядении коми употребляли прялку и веретена восточнославянской формы: сильно заостренные сверху, с утолщением в нижней трети и с бородкой на нижнем конце. Однако, судя по археологическим данным, вычегодские племена еще в X-XIV вв. пользовались веретеном с пряслицем. Такое веретено представляло собой палку с диском круглой формы, овальным в сечении и орнаментированным круговыми линейными узорами.²

Веретена-палки без бородки, сильно заостренные с обоих концов, представляют собой более архаичную форму, которая, видимо, существовала у коми до вытеснения ее восточнославянской. Считается, что веретено без бородки, на нижний конец которого надевалось пряслице, явилось промежуточной формой по пути его развития от простой палки к совершенному, хорошо центрированному орудью вращения, каковым и является восточнославянское веретено.¹ Впоследствии пряслице было заменено

¹ А.С. Сидоров, О витье волокнистых веществ. - Известия Государственной Академии истории материальной культуры, Ленинград, 1930, т. 6, вып. 5, стр. 7.

² Э.А. Савельева, Пермь Вычегодская, Москва, 1971, стр. 60.

³ Об эволюции веретена см. Е.А. Цейтлин, Очерки истории текстильной техники. Москва-Ленинград, 1940; О.Н. Трубачев, Указ. соч.

утолщением в нижней трети веретена. Веретена без бородки, близкие по форме к простой палке, встречались еще в начале XX в. у русских,¹ ими пользуются саамы Финляндии.² Коми употребляют их сейчас для получения двух и трехрядной нити.

Веретена восточнославянской формы изготавливали на самодельном токарном станке лучкового типа "чбрс станок", "чбрс вбчан станбк" /уд./,³ "чбрс кнан станбк" /нв/. Такие станки использовали русские для изготовления веретен и черенков деревянных ложек.

Для прядения ниток во всех районах применялась лопастная прялка, которая называлась "козяль" /уд., вым., иж./ и "печкан" /все остальные районы/. Как видим, у коми существовало два термина для обозначения прялки. Термин "козяль" является заимствованным из вепско-карельских языков.⁴ Возможно, был заимствован не только термин, но и сам предмет - прялка. Термин "печкан" имеет два значения. С одним из них мы уже встречались - термином "печкан" местные жители /нв, пс, лл/ и до сих пор называют волокна, предназначенные для прядения. Им же называют и инструмент - прялку. Словари дают те же значения - пряслице, прялка, самопрялка, прядильная машина, предназначенное для прядения.⁵

Такое двойственное значение термина позволяет сделать два предположения.

Во-первых, инструмент для прядения появился у коми вместе с возникновением самого процесса прядения, так как термин "печкан" можно перевести словом "прядущий".

Во-вторых, термин "печкан", обозначающий также и кудель, мог быть перенесен на инструмент, как только он появился. И в этом случае термин "печкан" заполнил "пустое место" в тер-

¹ М. Х о д о с о в, Ткачество деревни. Москва, 1930, стр. 16.

² I. R a s z, Saamelaista kansantaidetta, Helsinki, 1972, 102.

³ Здесь и далее в скобках даны сокращенные названия диалектов языка коми: иж - ижемский, уд - удорский, нв - нижневычегодский, вь - верхневычегодский, пс - присыктывкарский, лл - лузско-летский, сс - среднесольский, вс - верхнесольский, вп - верхнепечорский, нп - нижнепечорский.

⁴ В.И. Лыткин, К вопросу о прибалтийско-финских заимствованиях в коми-зырянских диалектах. - Труды Карельского филиала АН СССР. Москва-Ленинград, 1963, стр. 6.

⁵ Коми-русский словарь, стр. 536.

этнологии, имеющей свойство "...обходиться какое-то время традиционным прежним инвентарем названий даже тогда, когда уже есть налицо дополнительные новые реалии, еще не имеющие своих специальных названий".¹ Возможное отсутствие в прошлом прялки у коми не является единичным случаем: беспрялочный период прядения прошли в древности многие народы мира.² В подтверждение того, что этого инструмента первоначально могло и не быть, говорит и отсутствие каких-либо этнографических и археологических данных об инструменте, предшествующем у коми современной лопастной прялке. У родственных коми народов - удмуртов, марийцев, мордвы, хантов, наряду с лопастной прялкой, существовал более примитивный инструмент для прядения - простая палка, вставленная в лавку, или это был корень с коленом. У коми тоже мог быть такой инструмент до лопастной прялки. Косвенным подтверждением этому может служить то, что маленьких девочек коми учили иногда прядь на швейках, сделанных из цельного куска елового корня, вертикальный конец которого представлял собой оструганную палку. Однако никаких прямых сведений о бытовании у коми прялки-палки получить не удалось.

Говорить о времени появления лопастной прялки у коми пока не представляется возможным.

В начале XX в. к коми от русских проникли самопрялки типа "стояк" и "лежак", которые везде назывались одинаково - "печкан машина" или "самопрялка". Лишь в д.Верхолузье Прилузского района прялка типа "лежак" называлась "заяц".

Для тканья холста и шерстяной ткани на территории Коми АССР еще в нач. XX в. использовался деревянный ткацкий стан "дбра-кцан", "стан", сходный по конструкции со станом северных русских и, как предполагает В.Н. Белицер, очевидно, от них заимствованный.³ Однако это не совсем верно.

Ткацкий стан русского типа бытует на территории Коми АССР сравнительно недавно, возможно, в течение 2-3 последних столетий. Он имеет относительно сложное устройство: навой, пришву, подножки, бердо с набилками, раму, к которой подвешиваются блоки ниченок. Стану такой конструкции у коми пред-

¹ О.Н. Трубачев, Указ. соч., стр. 9.

² Е.А. Цейтлин, Указ. соч., стр. 45-46.

³ В.Н. Белицер, Очерки по этнографии народов коми. - Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия XIV, Москва, 1958, стр. 110.

шествовал более примитивный, трехподставной /на трех опорах/ стан, который В.Н. Белицер встретила в Коми-пермяцком округе еще в 50-е годы XX в.¹ Трехподставной стан коми-пермяков не имел рамы, пришвы, основа заплеталась в косу и нанизывалась на столб. Он не имел также и набилок на гребне берда, которое держалось прямо на основе. Стан такого же типа был известен народам Поволжья, хантам, манси и русским. У русских Пермской области /бассейн верхней Колвы/ трехподставной стан "кросна" бытует и сейчас.²

Однако, языковые данные свидетельствуют о существовании у коми ткацкого стана даже более примитивного устройства, чем трехподставной.

Ткацкая терминология у коми не имеет строгой системы названия частей. Она довольно четко распадается на заимствованную, из русского и древнечувашского языков, и исконную, пермскую. Приведем сравнительную таблицу наименования частей ткацкого стана в русском и коми языках.

Стан - дбра кван, стан

Рама - ставина, ставица

Основа - панан, панан сунис /лл/

Уточная нить - шбрт, кван шбрт

Навой - свблбк, кра нбш

Пришва - кра пу, кра нбш, свблбк, кыскан /д. Ношуль/

Ниченки - вбрт

Бердо - кись, пирд /уд/

Набилки - набелка

Подножки - талян, подножка

Притужальник навоя - тшупбдя пу /уд/, сера пу, сера чача

Притужальник пришвы - розя чача, сера пу, бедь

Дыркалка - сера пу

Ценочные линейки - дзав, дзал

Ремизные блоки - чача

Челнок - чблнбк, суса

Как видим, для одних частей стана характерна нерасчетность названий, например, "кра нбш" - это и навой и пришва. Другие части, такие как челнок, набилка, рама, навой не

¹ В.Н. Белицер, Очерки по этнографии народов коми. - Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия XIV, Москва, 1958, стр. III.

² Сообщение Г.Н. Климовой, сотрудницы секции этнографии Коми филиала АН СССР.

имеют коми названий. Для некоторых же частей характерны фигуральные названия деталей: "чача" /игрушка, штука/, "рбэя чача" /игрушка с отверстием/, "тшупбдя пу" /рукоять с зарубками/.

Кроме того, лингвистические данные говорят о том, что название берда - "кись" и челнока - "суса" в пермских языках являются заимствованными из древнечувашского.^I В данном случае необходимо обратить внимание на заимствованные названия - навой, рама, набилки, челнок, блоки, бердо. Отсутствие коми терминов для таких важных деталей стана естественным образом наводит на мысль об отсутствии в прошлом самих деталей, что, в свою очередь, ставит вопрос о всей конструкции ткацкого стана без них. В связи с этим можно предположить, что у предков коми когда-то существовал стан без рамы, блоков, берда и челнока. Вместо берда для прибивания нитей утка, возможно, применялась дощечка, как это делается у коми и в настоящее время при тканье поясов на дощечках, бердечке и ниту. Что касается челнока, то современная его форма, скорее всего заимствованная от русских, видимо, вытеснила более простую форму - челнок в виде дощечки с выемками на обоих концах /рис. I/. Такой челнок применяется сейчас при плетении сетей и при тканье половиков.

1.

челнок для тканья холста

2.

челнок для тканья половиков

Рис. I.

^I В.И. Лыткин, О древнечувашских элементах в лексике пермских языков. - Вопросы финноугроведения, 4. 1967, стр. 133. Из древнечувашского также заимствован термин "сюри", обозначающий шпульку с уточной нитью. Однако, на Сысолье, до д. Чухлом, есть собственный термин "чевица".

Отсутствие таких деталей, как пришва, навои, блоки для подвешивания ниченок, говорит о том, что предки коми имели в прошлом либо вертикальный стан, либо горизонтальный с осново-разделителем особого устройства. Собственные же термины в коми языке, обозначающие основу, ценочные линейки, ниченки, указывают на то, что стан у коми был и что это был горизонтальный ткацкий стан. Образование зева /разделение основы/ в таком стане осуществлялось, видимо, при помощи специального приспособления. Этим приспособлением еще совсем недавно пользовались все тюркоязычные народы Сибири; не было его у обских угров.¹ Перемещение нитей основы достигалось тем, что этот осново-разделитель ткачиха двигала руками то к себе, то от себя.

Ткацкий стан такого типа мог существовать у предков коми до X в. н.э., так как с X в. н.э. у прикамских и вычегодских племен, по всей вероятности, уже существовал трехподставной ткацкий стан, с ниченками, подвешенными на блоках, т.е. нити основы перемещались с помощью подножек, ниченок и блоков. О трехподставном стане свидетельствуют археологические находки ценочных линеек, блоков.²

Происхождение деталей с древнечувашскими названиями можно объяснить также с помощью сравнительного языкознания. Исследователь пермских языков В.И. Лыткин выявил, что "носители пермского языка-основы, являющегося общим предком коми и удмуртского языков, обособились от остальных финноугров примерно в I тыс. до н.э. и жили длительное время, представляя известное единство, в бассейне Нижней Камы и ее притока Вятки, а может быть и южнее - в непосредственной близости со скифо-сарматами, а с VI-VII вв. н.э. с волжскими булгарами, о чем свидетельствуют заимствования, проникшие из этих языков еще в общепермский язык-основу".³ Большинство слов, заимствованных из этих языков, относится к материальной культуре.

¹ А.А. Попов, Плетение и ткачество у народов Сибири. - Сборник Музея антропологии и этнографии. XVI. Москва-Ленинград, 1955, стр. 126.

² М.В. Таллицкий, Верхнее Прикамье в X-XIV вв. - Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья 3. Москва, 1961, стр. 55. А.П. Смирнов, Финские феодальные города. На удмуртские темы. Москва, 1931, стр. 46-47.

³ В.И. Лыткин, Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. I. Москва, 1955, стр. 7.

Как уже говорилось выше, в ткацкую терминологию пришли слова: "кись" - бердо и "суса" - челнок. Эти заимствованные термины употребляются в коми и удмуртских языках для обозначения одних и тех же деталей стана. Видимо, вместе с названиями в ткацкую технику пермских народов проникли и детали, которые они обозначают. Среди этих деталей мог быть и основообразователь, сохранившийся у сибирских народов, но исчезнувший из конструкции стана и из языка пермских народов.

Таким образом, можно заключить, что прядильная и ткацкая техника у коми имеет древнюю историю. Форма веретена коми развивалась от простой палки до веретена восточнославянской формы. Двойственный смысл термина "печкан", обозначающий прялку, а также отсутствие материальных данных об инструменте для прядения, предшествующим у коми лопастной прялке, говорит о возможности отсутствия прядильного инструмента в прошлом. Ткацкий стан, как инструмент для тканья, не был заимствован коми, он существовал у предков коми уже в I тыс. н.э. Это был стан с основой, расположенной горизонтально - стан не имел навоя, берда, блоков, челнока. Впоследствии эти усовершенствованные детали были заимствованы у древнетюркских народов и русских.

G. N. R o m a n o v a
(Syktyvkar)

SPINNING AND WEAVING TERMINOLOGY IN THE KOMI LANGUAGE

S u m m a r y

The spinning and weaving handicraft of the Komi people has a long history. On the basis of ethnographic and linguistic material an attempt is made in the given article to trace the development of spinning and weaving equipment, i.e. to ascertain the time and possible ways in which such tools as the spindle, the distaff and the loom appeared among the Komi people.

In form the Komi spindle has improved from a simple stick to the East-Slavonic spindle.

On the basis of ethnographic and archeological data about the tool, and proceeding from the fact that the Komi people have no blading distaff, and that the word "pečkan" is polysemantic (distaff and fibre for spinning), we may suppose that the Komi people had no distaff in the past. On analogy with the development of weaving among other Finno-Ugric peoples, we may assume that there existed a more primitive tool-stick which was stuck into a bench, although there is no direct information pointing out to the existence of a stick-distaff in the case of the Komi people.

The loom existed among the ancestors of the Komi already in the 1st millennium A. D. It was a loom with a horizontal base. Linguistic data testify to the fact that its construction was at first simple. It was then improved in details borrowed from the Russian and Turkic peoples.

Б.Ш. ЗАГУЛЯЕВА
/Тарту/

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИКИЛЬМЕЗСКИХ
ГОВОРОВ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Прикильмезские говоры^I расположены между северноудмуртскими и южноудмуртскими наречиями и образовались в результате контаминации отдельных черт северных и южных диалектных групп.

В данной статье рассматриваются некоторые морфологические особенности прикильмезских говоров удмуртского языка.

Статья написана на основе материалов, собранных автором во время летних командировок к кильмезским удмуртам в 1976-1978 гг., организованных Тартуским государственным университетом.

Имя существительное

• Число имен существительных. В рассматриваемых говорах, как и в других диалектах удмуртского языка, два числа: единственное и множественное. Единственное число характеризуется отсутствием особых показателей; оно выражается основой слова, например: korka 'дом', lud 'поле', kiz 'елка', urobo 'телега', keñer 'забор', šures 'дорога', šur 'река'. Множественное число образуется посредством прибавления к основе слова суффикса -os /к основам на любой согласный/ и -jos /к основам на твердый и мягкий согласные и на j/; lud - lud-jos 'поля', nunal - nunaljos 'дни', nił - niłjos 'девушки', pi - pi-os 'дрова', pi - pi-os 'парни'.

В прикильмезских говорах при присоединении показателя множественного числа -os /-jos/ в суффиксах могут происходить изменения, связанные с фонетическими процессами, а именно: в селтинском говоре после основ на a употребляется суффикс множественного числа -as: korka 'дом', korkaas 'дома', bakca 'огород', bakcaas 'огороды', taka 'баран' takaas 'бараны', vanna 'ванна', vannaas 'ванны'. Алломорфа -as характерна и для других срединных говоров удмуртского языка /Еушмакин 1971: 200; Тепляшина 1957: 137/.

^I Термином 'прикильмезские говоры' условно названы говоры жителей сел и деревень, расположенных в бассейне реки Кильмезь.

В описываемых говорах форма множественного числа иногда может употребляться в значении 'примерно, приблизительно, около, с...' das a.rjos ini anigurtlen biremezii 'Годов десять уже как нет деревни Анигурта'.

Форма множественного числа -ov может употребляться и в тех случаях, когда она совсем не выражает множественность предметов /это в основном в песенном фольклоре/. Примеры:

... žadiz minam sulemjosi 'Устало мое сердце /букв. мои сердца/

jaratonne vozmasa. Ждать любимую'.

Sote mone memije 'Отдайте меня, мамочка,

Kidokis' no kidoke В далёкое далеко,

berdem kparacosj no Чтоб не слышать

medam kjiške šusa. Звуки плача моего'

Хотя эти существительные стоят в форме множественного числа, глагол - сказуемое не согласуется с ними в числе и стоит, как правило, в единственном числе.

Склонение существительных

В говорах, как и в других диалектах и говорах удмуртского языка, наличествуют оба склонения - простое и притяжательное. Существительные, означающие одушевленные предметы, по всем падежам не склоняются.

Парадигма простого склонения

Им.	<u>lud</u>	'поле'	<u>njl</u>	'девушка'
Род.	<u>lud-len</u>	'у поля'	<u>njl-len</u>	'у девушки'
Разд.	<u>lud-leš</u>	'/от/ поля'	<u>njl-leš</u>	'от девушки'
Дат.	<u>lud-li</u>	'полю'	<u>njl-li</u>	'девушке'
Вин.	<u>lud-ez</u>	'поле'	<u>njl-ez</u>	'девушку'
Тв.	<u>lud-en</u>	'/с/ полем'	<u>njl-en</u>	'с девушкой'
Лит.	<u>lud-tek</u>	'без поля'	<u>njl-tek</u>	'без девушки'
Мест.	<u>lud-in</u>	'в поле'		
Исходн.	<u>lud-is (is)</u>	'/с,из/ поля'		
Входн.	<u>lud-e</u>	'в поле'		
Отдал.	<u>lud-isén (-išen)</u>	'/с,от/ поля'		
Перех.	<u>lud-eti</u>	'по полю'		
Пред.	<u>lud-oz</u>	'до поля'		

По значимости, по употребляемости падежи прикильмезских говоров не одинаковы. Одни падежные формы употребляются часто, другие - редко. Это связано с тем, что некоторые падежи заменяются аналитическими конструкциями. Так, в простом

склонении не обнаруживается направительного падежа, его значение выражается послеложной конструкцией: имя существительное + послелог pali 'по направлению, к полю'. Исключительно редко встречается форма соответственного падежа. Литературной форме этого падежа в говорах соответствует также послеложное сочетание: nijjos šejin /лит. нылёсья или нылёс сямен/.

Кроме основных функций, совпадающих с литературным языком, в употреблении падежей наблюдаются свои особенности.

В гуринском говоре исходный падеж употребляется вместо разделительного падежа, ср.: ludkeč leštem korka pujs, noš žiči jeis /Лемы/ в.м. Лудкеч лэштэм корка пулэсь, нош žičy - йёлэсь 'Заяц сделал дом из дерева, а лиса изо льда'. dom lešto koriš /Гура/ в.м. дом лэшто корлэсь 'Дом строят из бревен'. pižis ŋaŋ pižo в.м. пызьлэсь нянь пыжо 'Из муки пекут хлеб'.

Иногда форме разделительного падежа могут соответствовать послеложные сочетания, ср.: kuara šori gine no kiška, pe, so /Федоры/ в.м. Куаралэсь гинэ но кышка, пе, со 'Даже и голоса, видно, боится он /медведь/'.

Вместо сочетания существительного в форме именительного падежа с послелогом ponna 'за' в говорах иногда может употребляться дательный падеж, ср.: so kišnomurtlen niliz nemecjosij užani mīnem vīlem /Лемы/ в.м. Со кышномуртлэн нилыз немецёс понна ужаны мнэм вылэм 'Дочь той женщины, оказывается, пошла работать на немцев'.

В гуринском говоре употребляется дательный падеж вместо сочетания существительного в именительном падеже + послелог dorjn 'У, при', в.м. Со взводлэн командирез вылэм немецёс дорын 'Он был, оказывается, командиром взвода у немцев'.

Форма винительного падежа иногда употребляется вместо именительного падежа с послелогом vīle 'на', ср.: maro kočiez šalaškod? в.м. Мар-о кочыш вылэ сяласькод? 'Почему ты плюешь на кошку?'.

В сфере простого склонения существительных прикильмезских говоров есть еще ряд особенностей, носящих фонетический характер, а именно: винительный падеж множественного числа имеет суффикс -ti лит. /-ты ~ -ыз/ valjosti 'лошадей', korkaasti 'домов', adamiosti 'людей', исходный падеж ед. и мн. числа в селтинском говоре -is, в других -is iš /лит. -ысь/, отдалительный ед. и мн. -išen /после основ на глас-

ный/ /лит. нсен/, предельный падеж -ož /лит. озь/: ludož 'до поля', gurtož 'до деревни'. В суффиксе предельного падежа сохранилась прежняя аффриката /Загуляева 1977: 82/.

В образовании существительных используется особый суффикс -ti, происшедший из самостоятельного слова inti 'место', например: užanti 'место работы', variškenti 'мастерская, т.е. место, где шьют', vetlenti 'место ходьбы, т.е. место, где ходят'. Но наряду с суффиксом -ti факультативно употребляется форма mesta 'место', например: užan mesta 'место работы', vetlon mesta 'место ходьбы' и т.д.

В средневосточных говорах /территориально близких с прикильм./ С.К. Бушмакин отмечает наличие суффикса -ni также со значением 'место действия' /Бушмакин 1969: 59-69/.

Прилагательное

В рассматриваемых говорах сравнительная степень прилагательных образуется путем присоединения к исходной форме суффикса -ges или -gem, vakci - vakcigem (-ges) 'короче', curit - curitgem (-ges) 'тверже', ceber - cebergem (-ges) 'красивее'.

Примечательным является употребление такой конструкции: русское прилагательное в сравнительной степени + суффикс сравнительной степени -ges (-gem) ср.: menše - menšegem 'меньше', bolše - bolšegem 'больше', korocše - korocšegem 'короче', lučše - lučšegem 'лучше'.

В рассматриваемых говорах для выражения высшей степени качества употребляются - хотя и довольно редко - такие обороты: partemleš partem vil 'новейший, очень новый', bažžimleš bažžim 'наибольший, очень большой'.

Местоимение

Личные местоимения

Парадигма склонения личных местоимений

Им.	<u>mon</u>	'я'	<u>ton</u>	'ты'	<u>so</u>	'он'
Род.	<u>mīnam</u>		<u>tīnad</u>		<u>solan</u>	
Разд.	<u>mineštīn</u>		<u>tīneštī</u>		<u>soleš</u>	
	<u>mīštīm</u>		<u>tīštīd</u>			
Дат.	<u>mīnīm</u>		<u>tīnīd</u>		<u>solī</u>	
Вин.	<u>mone</u>		<u>tone</u>		<u>soje</u>	
Тв.	<u>monen</u>		<u>tonen</u>		<u>soin</u>	
Лиш.	<u>montek</u>		<u>tontek</u>		<u>sotek</u>	

множественное число

Им.	<u>mi</u>	<u>ti</u>	<u>soos</u>
Род.	<u>milam</u>	<u>tilad</u>	<u>sooslen</u>
Разд.	<u>mileštjm</u>	<u>tileštjd</u>	<u>soosleš</u>
Дат.	<u>milem</u>	<u>tiled</u>	<u>soosli</u>
Вин.	<u>milemdiz</u>	<u>tiledidz</u>	<u>soosti</u>
Тв.	<u>milemjn</u>	<u>tiledjn</u>	<u>soosjn</u>
Лиш.	<u>mitek</u>	<u>titek</u>	<u>soostek</u>

Как видно из парадигмы склонения, все шесть местоимений склоняются по типу одушевленных существительных.

а/ Направительный падеж личных местоимений в говорах заменяется послеложной конструкцией, а именно: mi pali 'в нашу сторону'.

б/ В разделительном падеже происходит выпадение целого слова: mīštjm /< мынэсьтым/ 'от меня', tīštjd /< тынэсьтыд/ 'от тебя'.

в/ Из двух параллельно употребляющихся форм винительного падежа множественного числа литературного языка милемыз-милемды, тиледыз - тиледды в говорах употребляются обе формы: milemdiz (milem-di+iz) 'нас', tiledidz (tiled-di+iz) 'вас', в III лице только -ti: soosti 'их'.

Ч и с л и т е л ь н о е

В удмуртском литературном языке дробные числительные образуются при помощи аффикса -mos, который присоединяется к числительному, являющемуся знаменателем, vit dasmos 'пять десятых', kuiñ vitmos 'три пятых' и т.д. В рассматриваемых говорах половина, т.е. 1/2 выражается только словом žini 'половина'.

Остальные дробные величины образуются лишь аналитическим способом: šičimli luksa niñ luketez 'четыре седьмых' /букв. на семь деля четыре части/.

Смешанные дроби в речи представителей старшего поколения употребляются лишь с половинными долями - со словом žini 'половина', ukmīs no žini 'девять с половиной', остальные смешанные дроби практически не употребляются.

Следует остановиться на той особенности, что числительные в прикильмезских говорах становятся малоупотребительными. В результате совместного проживания удмуртского и русского населения в говорах возникли интересные грамматические явления. Целый лексико-грамматический разряд исконных числи-

тельных заменяется русскими числительными. В настоящее время в говорах сохранились лишь некоторые исконные числительные, обозначающие единицы: odig, kik, kuin, njl, vit, kuat, šijim, tamis, ukmis, но и к ним имеются синонимы, заимствованные из русского языка. Дальше указанных пределов представители старшего поколения употребляют исконные числительные иногда и русские, а молодежь ведет счет только с помощью русских числительных: dešjat, odinnatcat, dvenatcat¹ и т.д. Кроме того, носители говора вводят в свою речь целые русские сочетания, так, например, числительное + существительное. Примеры: pjatkadcatogo šentabrja sorok vtorom godu mi koškim fi-ronte /Лемы/ 'Пятнадцатого сентября сорок втором году мы отправились на фронт' dvadcat' pervom godu tatjn suskiz dvadcat kilometrov tel' /Федоры/ 'Двадцать первом году сгорел здесь двадцать километров лес'. tiñi niliz dešatoje vuetjn ini /Н. Гайны/ 'Вот дочка /ее/ до десятого класса дошла уже'.

Г л а г о л^I

К неспрягаемым формам глагола относится инфинитив, образуемый суффиксом -ñi от основ глаголов. В рассматриваемых говорах у глаголов I спряжения происходит полное выпадение конечного гласного основы. Примеры: junj /лит. юны/ 'пить', todñi /лит. тодны/ 'знать', vunj /лит. вуны/ 'дойти, успеть', ñulñi /лит. нюльны/ 'лизать', šudñi /лит. шудны/ 'играть', kuñi /лит. куны/ 'ткать'. Интересно отметить тот факт, что выпадение конечного гласного основы инфинитива после стечений согласных не происходит, кроме -rd, -rt.

Примеры: liktñi 'прийти', kurčćñi 'укусить, откусить', vetlñi 'ходить', baštñi 'взять, купить', kerttñi 'завязать /например, узелок/', dišćkñi 'учиться', но ср.: berdñi 'плакать', bertñi 'возвратиться, вернуться домой', vordñi 'рожать, родить'.

В гуринском говоре от основ глаголов первого спряжения причастия образуются при помощи суффикса -is: miñis 'идущий', puñis 'сидящий', potis 'выходящий', budis 'растущий' и факультативно употребляется -iś /лит. ись/.

Деепричастия с суффиксом -ki обозначают дей-

¹ Рассмотрению глагола посвящена статья "Некоторые черты прикильмезских говоров", в сборнике "О диалектах и говорах южноудмуртского наречия". Ижевск 1978, стр. 59-65.

ствие, совершающееся одновременно с действием, выраженным глаголом-сказуемым: ližžiki 'читая, во время чтения', dišeciki 'во время учебн', araki 'во время жатвы', vetliki 'во время ходьбы'. Как видно из примеров, суффикс -ki в расматриваемых говорах выступает в огласовке -ki.

Таким образом, в морфологии прикильмезских говоров, объединяющих в себе черты как южных, так и северных диалектов, обнаруживается целый ряд явлений, свойственных лишь этим говорам.

Л и т е р а т у р а

- Б у ш м а к и н С.К. 1969, Морфологические особенности средневоcточных говоров удмуртского языка. - СФУ, 59-69.
- Б у ш м а к и н С.К. 1971, Фонетические и морфологические особенности средневоcточных говоров, ИД, Москва-Ижевск, 200.
- З а г у л я е в а Б.Ш. 1977, Особенности употребления аффрикат в прикильмезских говорах удмуртского языка. - *Fenno-ugristica* 4, Тарту, 82.
- Т е п л я ш и н а Т.И. 1957. Фонетические характеристики тыловайского говора. - Записки Удмуртского научно-исследовательского института, вып. 18, Ижевск, 137.

B. Z a g u l y a j e v a
(Tartu)

MORPHOLOGICAL PECULIARITIES OF THE KILMEZ RIVER
DIALECTS OF THE UDMURT LANGUAGE

S u m m a r y

The dialects under consideration were formed by the consolidation of northern and southern dialects. Because of that, the dialects in the basin of the river Kilmez contain a few compromise forms which were produced by the contamination of some forms of the northern and southern dialectal groups.

The following peculiarities are considered in the present article:

I. a) In the declension system of nouns the approximative case is absent. Its meaning is expressed by the construction N o u n + P o s t p o s i t i o n pali 'in the direction of': korka pali 'towards home'.

b) The adverbial case is used very seldom.

Besides the main functions of cases, which are the same as in the literary language, there are some peculiarities in the use of cases. Some morphological peculiarities have been caused by phonetic changes.

II. The comparative degree of adjectives is used in the following construction: Russian adjective in the comparative degree + comparative degree suffix -gem (-ges), e. g. koróče-gem (-ges), 'shorter', meńše-gem (-ges) 'smaller', bolše-gem (-ges) 'larger', etc.

III. The contamination of northern and southern form-building suffixes has taken place in personal pronouns of the first and second persons plural milem-diz (milem + di + iz) 'us', tiléd-diz (tiléd + di + iz) 'you'.

IV. a) Reflexive verb forms, borrowed from the Russian language, are widely used in the dialects: zanímatsa karni 'to learn' (auxiliary verb), venčatsa karni 'to marry', etc.

b) The special word-building suffix -t is used in the dialect which makes it possible to build verbs from any borrowed Russian verb: lečit + t + ini 'to cure', krašit + t + ini 'to paint', zvonit + t + ini 'to ring', etc.

Б.Ш. ЗАГУЛЯЕВА
/Тарту/

СОЧЕТАНИЯ ФОНЕМ В ПРИКИЛЬМЕЗСКИХ ГОВОРАХ
УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Вопросы сочетаемости фонем в удмуртском языкознании до настоящего времени оставались не затронутыми.

В статье рассматриваются сочетания фонем в прикильмезских говорах удмуртского языка, поскольку "языки и диалекты по своему фонетическому строю отличаются друг от друга не только количеством и качеством фонем, составляющих определенную систему различительных средств, но и сочетаемостью фонем в значимых единицах" /Деваев 1966: 226/.

Говоря о сочетаемости фонем, Трубецкой писал: "Первым делом необходимо установить, какие фонемы вообще сочетаются между собой в данной позиции, а какие исключают друг друга. Во-вторых, необходимо установить, в какой последовательности эти фонемы следуют друг за другом в данной позиции. И в-третьих, должно быть указано число членов в тех сочетаниях, которые допускаются в данной позиции" /Трубецкой 1960: 282/.

Трубецкой указывал на три основных вида сочетаний: сочетания гласных с согласными, сочетания согласных и сочетания гласных с гласными.

Анализируя сочетаемость фонем в пределах слова^I, рассмотрим отдельно начало слова, середину и конец слова. Что касается сочетаемости гласных с гласными, то удмуртский язык, как правило, избегает стечения как гласных, так и согласных. Стечение двух гласных в удмуртском литературном языке встречается только на стыке двух морфем: су-нсь 'из сажи', школа-нн 'в школе' /Грамматика совр. удм. языка 1962: 31/.

В исследуемых говорах в пределах слова в силу некоторых фонетических явлений встречаются несколько сочетаний гласных с гласными, например: ја,ап /лит. ялан/ 'всегда постоянно', вакка,а /лит. ваккала/ 'раньше, в старину'.

Сочетание гласных с согласными в начале слова.

В абсолютном начале слова в прикильмезских говорах уд-

^I Поздние заимствования в статье не рассматриваются, а ранние подвергаются анализу наравне с исконно удмуртскими словами.

муртского языка встречаются семь гласных, которые сочетаются с последующими согласными. Но не все гласные обладают одинаковой возможностью вступать в сочетания. Наиболее характерны для говора следующие сочетания: агга 'неделя', агвар 'двор', азвеэ 'серебро', азвил 'раньше, прежде', азжия 'свидетель', асим 'я сам', асмеоя 'мы сами', укяя 'девять', угобо 'телега', урни 'полоть', ускини 'смотреть', оэ 'бык', оэни 'повесить', огрол 'однажды', огазе 'вместе', орсцини 'проходить, проезжать', осци 'туда', озо 'трава', одиг 'один', ожи 'так', октини 'собирать', омуртини 'зачерпнуть, почерпнуть', отин 'там', инмар 'бор', инти 'место', икавин 'родственник', ичкини 'дергать, теревить /лен/', из 'камень', изни 'спать', исани 'дразнить', ивор 'новость', исан 'привидение, призрак; предвестник несчастья', ебек 'лягушка', егир 'уголь', ежел 'смерть', ектини 'плясать', естини 'топить', етни 'пригласить; вызвать', еэ 'друг', эжит 'мало, немного, частично', ер 'русло реки; ручей', ез 'дверь', ибрани 'падать', из 'овца', ил 'сырой, недопеченный, недоваренный', им 'рот', ин 'полог', истини 'послать, прислать', исик 'тень', исини 'потеряться, теряться, затеряться, исчезнуть, пропасть'.

Сочетания гласных с согласными в середине слова (CVC).

Анализируя сочетаемость гласных с согласными в середине слова, следует учесть, в какой последовательности рассматривать эти сочетания.

Слоговую структуру CVC можно подвергнуть анализу в последовательности VC и CV, что дает более полное представление о сочетаемости фонем в пределах лексических единиц.

В середине слова для прикильмезских говоров характерны следующие сочетания в последовательности VC: валани 'понимать', палеж 'рябина', вандини 'резать, порезать', ланес 'бурак /посуда из бересты/, капци 'легко; нетрудно', лапег 'низкий, невысокий', васкини 'спуститься', бастини 'взять, купить', сакта 'плохой, худой, дурной', вакци 'короткий', варэ 'сусло', сараци 'сени, крыльцо', магин 'близко', ватни 'спрятать, скрыть', важиж 'оглобля', мајси 'шмель', пантем 'тезка', пангани 'помяться /о металлических предметах/, вдавиться, сплюснуться', валеа 'постель', жоктискини 'наматывать, мотать /пряжу на мотовило/, коксани 'клевать /о птицах/, колго 'колобок', колтрес 'блок', голик 'голая, голое, голый', волит 'гладко; гладкий', гози 'веревка', мозмитини 'освободить', воэни 'держат', ноголок 'не-

дотепа; неспособный, неуклюжий, неловкий', sovjaskini 'чесать /волоконно/, bodi 'палка', todni 'знать', bori 'клубника', vogmon 'победа', gondiv 'медведь', sonari 'паук', gabi 'гриб', kuba 'свекровь', nugili 'род макарон из кислого теста /нац. кушанье/', čugles 'носки, сшитые из домотканного холста', kudj 'лукошко', šudni 'играть', žustri 'тряпка', luzjini 'тесать; подтесать', pušiškini 'встретиться', pušir 'червяк', zundes 'кольцо', šundi 'солнце', kušan 'теленоч', šuni 'жеребенок', šulte 'свистит', tulis 'весна', gurež 'гора', kurani 'сватать', sukman 'домотканное сукно на портяной основе', rukran 'радуга', kijer 'хидкий', kijili 'астр. звезда', pilem 'туча, облако', čilani 'блестеть, сиять, сверкать', žingres 'звонкий, звучный', rihal 'ребенок; молодой', sinis 'нитка', šini 'палец', lipet 'крыша', šipej 'щука', birdi 'пуговица, пуговка', pirsani 'приставать', kisigrani 'стыдиться, стесняться', višon 'болезнь', šiškini 'есть, кушать', beriz 'липа', geri 'плуг', kelni 'проводить невесту', telmirini 'просить, умолять', šekit 'тяжелый, увесистый; грудной', šektini 'предложить, рекомендовать, посоветовать', kema 'долго', lemler 'розовый', kenžali 'ящерица', kenem 'конопля', keñir 'крупя', reñmani 'посыпать золой, сделать золистым', lestini 'делать, сделать', pešter 'пестерь /ранец из лыка', bece 'старший брат', šece 'мед', kizžani 'петь', širti 'шля', vički 'кадка', ričal 'ружье', čilkit 'чистый, чисто', pilaškini 'купаться', kinjini 'мерзнуть', žini 'половина', videv 'целый; целиком', vidni 'лечь, уметься', berdni 'плакать', pertem 'разный', šelges 'ветренный, легкомысленный', pelestini 'сучить /пряжу/', kežono 'перекладина, балка', mežmini 'скучать, тосковать', keji 'галька', belak 'родственник'.

В этой последовательности не встречаются следующие сочетания: ay, az, at, uv, ud, uz, ut, ov, od, oš, oj, iv, id, iz, il, ic, ij, ev, ed, ež, el, et, ev, eg, ež, er, et, iv, it.

Для середины слова в последовательности CV характерны следующие сочетания: bables 'кудрявый', basma 'платок /головной/', vašsani 'попасть, угодить вовремя', vamiš 'шаг', kabarini 'засидеться', kažta 'на будущий год', majbir 'слово, выражающее чувство зависти по отношению к спокойной счастливой жизни кого-либо', maškon 'загадка', pašlan

'левый', paškít 'широкий, обширный; широко, обширно', voz-jani 'занавесить', voršud 'миф. воршуд, хранитель рода, божество домашнего очага', gogi 'пуп, пупок', gon 'пух, пушок', koltrec 'блок', koñi 'белка', potos 'чирей, фурункул', portni 'сверлить, просверлить', čorig 'рыба', čokšog 'чекмарь', čogjani 'колоть /в боку/', čočatkiñi 'соревноваться, состязаться', šobjrkkiñi 'закраться, накрыться, укутаться /одеялом, покрывалом/', šokani 'дышать', bubjli 'бабочка', bultir 'вторая жена', vurni 'шить, сшить', vu-netni 'забыть', gulbec 'подполье, подвал', guri 'женский цветок /у березы, ольхи/', kudjmulj 'черника', kubo 'прялка', čukaže 'утро, утром', čučkon 'полотенце', šunít 'тепло; теплый', šud 'счастье', bičani 'собирать, подбирать', biñalton 'портянка', virturin 'зверобой', višti 'пятно', kidis 'зерно, семена', kibi 'насекомое', pinturin 'белена', pisru 'дерево', sižil 'осень, осенью', sil 'мясо', šires 'ворот', sižim 'семь', bekce 'бочка', beraljani 'выворачивать, переворачивать', verani 'сказать, сообщить, передать', vetlini 'ходить, сходить /куда-л./', kelon 'прорывады невесты', kenos 'амбар', rejmít 'темно, темный', peło 'ястреб', šeber 'красиво; красивый', šera 'веретено', bigatni 'уметь; мочь', bičkaltini 'уколоть, вонзить; занозить', viži 'корень', virt 'ткац. ниченки', girli 'колокол, колокольчик', girpum 'локоть', dildi 'слюна', direkžani 'дрожать', kijed 'навоз', kijbodi 'татарник', limi 'снег', lizjir 'василёк', middorin 'наизнанку', minni 'идти', piči 'след', pičež 'короед', tibir 'спина', tipi 'дуб', šin 'дым', šičkiñi 'стричь, подстричь', šira 'кислый', šimiri 'морщина', šir 'мышь', keber 'совесть, стеснение, страх, боязнь', keži 'горох', pejšur 'зверь; дичь', permaškon 'ряжение', šelgež 'ветренный, легкомысленный'.

В середине слова в последовательности CV не характерны сочетания: da, du, do, di, de, de, di, že, ži, že, že, ža, žu, žo, ži, že, že, ži, že, li, ra, ru, ro, ri, re, re, ri, ši, tu, ti, te, te, ti, či, jo, ji.

Сочетания гласных конца слова с предшествующими согласными в последовательности CV.

Рассматривая гласные конца слова с предшествующими согласными, следует различать корневые и суффиксальные гласные. В корневых морфемах некоторые гласные или не употребляются совсем, или встречаются очень редко и образуют сочетания

лишь при словообразовании. Нами будут рассмотрены сочетания в пределах корневых морфем и на стыке корня и словообразующего суффикса.

В данной позиции встречаются следующие сочетания: sarba 'бурак /из бересты/', taba 'сковорода', koraka 'дом', śaśaka 'цветок', kučala 'шалаш, в котором летнее время готовят пишу и кушают', šabala 'ствол /у плуга, сохи/', bačana 'платок /головной/', ačana 'седёлка /сбруи/', šana 'последлог кроме', ardana 'поленница /дров/', dega 'холст; холщевый', kuara 'звук; звон; голос', kajta 'на будущий год', šakta 'плохой, дурной, худой', bigi 'доскуток, прибитый или пришитый к чему-либо в знак дружбы, уважения', lugi 'репей, репейник', kudi 'лукошко', šundi 'солнце', giži 'ноготь', čeži 'молозиво /вареное/', viži 'корень', žiži 'жнивье', surzi 'младшая сестра', kizouzi 'северуха', oži 'так, таким образом', kiži 'как, каким образом', kiki 'кукушка', šuki 'пена', puni 'собака', jeņi 'осот', koņi 'белка', puni 'ложка', pipri 'лутоха, лутошка', čipi 'цыплёнок', muri 'дымоходная труба', geri 'плуг', inti 'место', purti 'котёл', puji 'кошель, кошелек', aji 'самец', ubo 'грядка', jubo 'столб', pučo 'скот, скотина', určo 'бурундук', muglo 'комольный', šurlo 'серп', kuno 'гость', dučo 'дорогой, ценный, драгоценный; дорого, ценно', šundičo 'солнечный, /ая, ое/', šukičo 'пенистый', kenžali 'ящерица', kižiči 'звезда /астр./', šumori 'верхнее колено прялки', čonari 'паук', durinci 'оса,, erekci 'обманщик, лгун', inaže 'днём', ču-kaže 'завтра', tare 'теперь', sere 'потом', nene 'мать', tunne 'сегодня', vace 'вдвоем, наедине', cece 'мёд', soku 'тогда', piru 'осина', ke 'жернов', še 'лукошко /для наседки/.

В конце слова в последовательности CV отсутствует ряд сочетаний: bu, be, be, va, vo, vi, ve, vs, vi, ga, gi, ge, du, di, de, de, da, du, di, de, de, za, zu, zi, ze, ze, za, ži, že, že, zu, zi, ze, ze, za, zu, žo, ži, že, že, žu, že, ke, lu, li, le, le, lu, le, le, mu, me, me, nu, ni, ne, nu, ne, ne, pa, pi, pe, pe, ru, re, sa, si, se, sa, sa, śi, śi, se, ša, śi, tu, ti, te, te, ta, tu, to, ti, te, te, ču, ce, ca, ču, či, ce, ši, še, ji, je, je.

Сочетаемость согласных

Для начала слова сочетания согласных не характерны, они встречаются лишь в некоторых ономастопоэтических словах: šlačeketni 'щелкать /кнутом/', triņgetni 'тренькать'.

Сочетания, состоящие более чем из двух согласных, в рассматриваемых говорах не отмечены.

Сочетание согласных в середине слова (СС)

В отличие от начала слова, согласные в середине слова образуют большое количество сочетаний, состоящих из двух-трех компонентов. Согласные сочетаются внутри корня, на стыке корневых и суффиксальных морфем и в суффиксальных морфемах.

Наиболее характерны сочетания щелевых с взрывными или взрывных с щелевыми: kuskini 'взяться, вцепиться, ухватиться; начать, начинать', iskal 'корова', veraškini 'говорить, разговаривать, беседовать', naškit 'тёплый', kjistiškini 'тянуться, волочиться; вытянуться /в длину/', sestiškini 'мять /лён, коноплю/', leštini 'делать, сделать', tušti 'чашка, миска', koškini 'уйти; уехать; отойти /о поезде/', keškemani 'бояться /сверхестественных сил/', kuštini 'бросить, покинуть', jštini 'терять, потерять, утратить, затерять', biñalton 'портянка', bultir 'вторая жена', šuldir 'весело, радостно; веселый, радостный', aldaškini 'ошибиться', nordov 'отава', birdi 'пуговица, пуговка', čušjal 'эх', čašjini 'поразить молнией', arjan 'пахта', burjini 'избрать, выбрать; отбирать, сортировать', dukja 'глухарь', vorekja 'сверкает',

Щелевые и взрывные согласные могут сочетаться также со смычнопроходными согласными.

Наиболее часто встречающиеся из них: pužmer 'иной', kužmo 'сильный', turnani 'косить', karnan 'кормносло', vormini 'победить; покорить; преодолеть', tirmini 'наполниться, за-полниться', velmini 'распространяться, расстилаться /о тумане, дыме/', italmas 'купальница европейская /цветок/', rajmop 'удивление, изумление, недоумение', rejmit 'темнота; темный', vañmi 'все /мы/', rejmani 'посыпать золой, сделать золистым', gondir 'медведь', zundes 'кольцо'.

В середине слова реже встречаются сочетания смычных согласных со смычными: laptiškini 'присесть', puktini 'посадить, поставить, построить', kutkini 'начать, начинать', kar-ka 'ворота'.

Сочетания ССС в середине слова.

Согласные в середине слова образуют сравнительно небольшое число трехчленных сочетаний. Включаем и сочетания с удвоенными согласными.

Сочетания ССС представлены следующими соединениями: čirk-keŋ 'здоровый, бойкий', šoŋerkkini 'выпрямиться; распрямиться; разогнуться', kerttini 'завязать, связать; вязать /снопы/', urttŋliškiš 'доносчик, биŋalkkeŋ' 'укутался, закутался', tilkkim 'разожгли, развели костер /мы/', palkkas-kiŋi 'плескаться; выплескиваться'. Имеем в виду и сочетания на стыке корневой и суффиксальной морфем. Для колкинского говора характерны сочетания типа сонорный + сочетание целевого со смичным согласным: tŋlškiškom 'разжигаем, разводим /костер/', šabalakiŋi 'поднять пласт отвалом /плуга, сохи/', bersko 'иду, возвращаюсь', vorskiŋi 'родиться'.

И.В. Тараканов отмечает, что при наличии сонорных согласных в середине слова в некоторых диалектах удмуртского языка могут встречаться и четырехчленные сочетания /Тараканов 1967: 192/. В рассматриваемых говорах сочетания, состоящие из четырех согласных, нами не обнаружены.

Сочетание согласных в конце слова /СС/.

В конце слова в прикильмезских говорах, как и в удмуртском литературном языке, встречаются только двухчленные сочетания. Эти типы сочетаний немногочисленны. Может сочетаться лишь определенная группа согласных, а именно: rt, rd, rk, rs, rš, rk: purt 'нож', murt 'человек', virt 'ниченки /ткацкие/', šort 'пряжа', kart 'муж', kort 'железо', gurt 'деревня', gord 'красный', bord 'стена', burd 'крыло', mirk 'тупой /об острие/', girk 'дупло', šers 'веретено', šurs 'тысяча', širs 'кислый', parš 'свинья', varš 'сусло', kirš 'грязный', gulk-gulk 'звукоподражание глотанию'.

Как видно из примеров, первым компонентом этих сочетаний всегда является сонорный согласный, а вторым компонентом t, d, k, s, š.

Трехчленные сочетания в рассматриваемой позиции для говора и вообще для удмуртского языка не характерны.

Данные таблиц показывают, что наиболее сильной позицией для гласных является положение перед согласным в середине слова /в последовательности VC/. Здесь из 182 возможных случаев использовано 151, т.е. 83%. Сочетаемость гласных с согласными в середине слова в последовательности CV составляет 79,6%. Затем по интенсивности употребления следуют сочетания VC в начале слова, из 182 возможных случаев используется 48,4% и, наконец, идут сочетания конца слова, они составляют 72, т.е. 39,54%.

В сочетаниях СС в середине слова из 676 возможных случаев используется 137, т.е. 20,56%.

Л и т е р а т у р а

Грамматика современного удмуртского языка, 1962, Ижевск.

Д е в а е в С.З. 1966, О сочетаемости фонем в юго-западных говорах мокша-мордовского языка. - Очерки мордовских диалектов, IV, Саранск.

Т а р а к а н о в И.В. 1967, О некоторых фонетических процессах в диалектах удмуртского языка. - СФУ, Таллин.

Т р у б е ц к о й Н.С. 1960, Основы фонологии. Москва.

Таблица I

Сочетания гласных с согласными в начале слова (VC)

	b	v	g	d	d'	ž	ž'	z	z'	ž	k	l	l'	n	n	n'	p	r	s	s'	t	t'	č	č'	š	j
a	ab			ad	ad'	až		az		až'	ak	al	al'		an		ap	ar	as	as'	at		ač			aj
u	ub		ug	ud		už	uz			už'	uk	ul		un			up	ur	us	us'	ut	ut'	uč	uč'		uj
o	ob		og	od		ož	oz			ož'	ok	ol		on			op	or	os		ot		oč	oč'	oš	
i							iz	iz'						in					is	is'	it		ič	ič'	iš	
e	eb		eg							ež'	ek			en	en'			er	es			et'				eš
ę	ęb	ęv		ęd		ęž		ęz						ęn				ęr	ęs							ęj
ı	ıb					ıž		ız					ıl'	ın	ın'			ır	ıs							ıš

Из 182 возможных случаев использовано 88, т.е. 48,4 %.

Таблица 2

Сочетание гласных с согласными в середине слова (CVC)

	b	v	g	d	d'	ž	ž'	z	z'	ž	k	l	l'	m	n	n'	p	r	s	s'	t	t'	ć	č	š	j
a	ab	-	ag	ad	ad'	až	až'	-	az'	až	ak	al	al'	am	an	an'	ap	ar	as	as'	at	-	ać	ač	aš	aj
u	ub	-	ug	ud	-	už	už'	uz	-	už	uk	ul	ul'	um	un	un'	up	ur	us	us'	ut	-	uć	uč	uš	uj
o	ob	-	og	od	-	ož	ož'	oz	oz'	ož	ok	ol	ol'	om	on	on'	op	or	os	-	ot	-	oć	oč	oš	-
i	ib	-	ig	id	-	iž	-	iz	iz'	iž	ik	-	il'	im	in	in'	ip	ir	is	is'	it	it'	ić	-	iš	-
e	eb	-	eg	ed	-	ež	-	ez	ez'	ež	ek	-	el'	em	en	en'	ep	er	es	es'	et	-	eć	eč	eš	ej
e	eb	-	-	ed	ed'	ež	ež'	ez	ez'	-	ek	el	el'	em	en	en'	-	er	es	es'	et	-	eć	-	eš	ej
ı	ıb	-	ıg	ıd	ıd'	ıž	ıž'	ız	ız'	ıž	ık	ıl	ıl'	ım	ın	ın'	ıp	ır	ıs	-	ıt	ıt'	ıć	ıč	ış	ıj

Из 182 возможных случаев использовано 151, т.е. 83 %.

Сочетания гласных с согласными в середине слова
в последовательности (CV)

Таблица 3

	a	u	o	i	e	e	i
b	ba	bu	bo	bi	be	be	bi
v	va	vu	vo	vi	ve	ve	vi
g	ga	gu	go	gi	ge	ge	gi
d	da	du	do	di	de	de	di
d'	-	-	-	-	-	-	-
ž	ža	žu	žo	ži	-	-	-
š	ša	šu	šo	ši	še	še	ši
z	za	zu	zo	zi	-	-	zi
z'	-	-	-	-	-	-	-
ž	ža	žu	žo	ži	že	-	ži
k	ka	ku	ko	ki	ke	ke	ki
l	la	lu	lo	li	le	le	li
l'	l'a	l'u	l'o	l'i	l'e	l'e	-
m	ma	mu	mo	mi	me	me	mi
n	na	nu	no	ni	ne	ne	ni
n'	n'a	n'u	n'o	n'i	n'e	n'e	n'i
p	pa	pu	po	pi	pe	pe	pi
r	-	-	-	-	-	-	-
s	sa	su	so	si	se	se	si
s'	s'a	s'u	s'o	s'i	s'e	s'e	-
t	ta	tu	to	ti	te	te	ti
t'	t'a	-	t'o	-	-	-	-
č	ča	ču	čo	či	če	če	či
č'	č'a	č'u	č'o	-	č'e	č'e	č'i
š	ša	šu	šo	ši	še	še	ši
j	ja	ju	-	-	-	je	ji

Из 182 возможных случаев использовано 145, или 79,6 %.

Сочетание согласных в середине слова (СС)

Таблица 4

	b	v	g	d	d'	š	ž	n	n'	ž	k	l	l'	m	n	n'	p	r	s	s'	t	t'	č	š	j
b										bj	bl						br				bt				
v																									
g			gg	gd						gž	gl	gl'	gm	gn			gr								
d											dk	dl		dm											dj
d'																									
š			šg	šd										šm	šn		šs								
ž										žk															
n	nb	nv	ng	nd							nl		nm	nn											nj
n'			n'g	n'd												n'n									
ž			žg							žž	žk			žm											žj
k										kk	kl		km	kn			kr	ks	ks'	kt		ko		ks	kj
l	lb	lg	ld			lz				lj	lk	ll	lm			lp	ls		lt		lo				lj
l'			l'd							l'ž	l'k	l'q	l'm			l'p	l's		l't						
m	mb									mž															
n			ng	nd	nš					nž			nm								nt			nš	
n'			n'g	n'd						n'k		n'n	n'n'				n's						n'č		
p										pk		pl'				pp			ps'	pt		pc			
r	rb	rg	rd							rž	rk	rl	rm	rn	rn'	rp	rs	rs'	rt					rs	rj
s										sk	sl		sm								st				sj
s'										s'k			s'm								s't				
t										tk	tl		tm				tr	ts		tt		tč			tj
t'																					t't				
č										čk			čm												
š										šk			šm	šn	šn'						št				šj
j	jb												jm	jn	jn'		js		jt					js	

Из 676 возможных сочетаний использовано всего 137 = 20,56 %.

B. Z a g u l y a e v a
(Tartu)

COMBINABILITY OF PHONEMES IN THE KILMEZ RIVER
DIALECTS OF THE UDMURT LANGUAGE

S u m m a r y

The article deals with the combinability of phonemes in the initial, medial and final positions of the word in the Kilmez River dialects of the Udmurt language.

For vowels the strongest is the position before consonants in the middle of the word (in the succession VC), the weakest - after consonants at the end of the word.

Two consonants never combine in the initial position except in some onomatopoeic words. At the end of the word there occur only rd, rt, rk, rs, rs', rk. It should be mentioned that the first component of these combinations is always a sonorant, and the second one is represented by t, d, k, s.

Combinations of three consonants are found only in a medial position; combinations of four consonants are not used in the dialect.

L. T r e i m a n
(Tartu)

FRANTSUSE KEELEST PÄRINEVAID SÖNU TOIDUMAJANDUSE
ALALT EESTI KIRJAKEELES 17. - 19. SAJANDI
KUUEKÜMNENDATE AASTATENI

Maitsepeenusele rõhku panev prantsuse kokakunst levis 17. saj. kogu Euroopas. Levikuks aitas kaasa Prantsuse õukonna ahvatlev sära ja hoolsasti kultiveeritud prantsuse keel, mis tuli kasutusele Euroopa aadli ja suurrakandluse ringides, kaasa arvatud Katarina II aegne Venemaa valitsev klass. Eesti talurahva toidulauani need uuendused ei saanud ulatuda feodalismi majandusliku surve tõttu ning kontakti puudumisel prantsuse kultuuri ja rahvaga. 13. sajandil katoliikliku agressiooni tagajärjel sakslaste poolt vallutatud Eesti alale ulatusid prantsuse kultuuri ja keele vähesed mõjud sakslaste ja alamsaksa ning saksa keele kaudu, 17. sajandil Rootsi võimu ajal ka rootslaste tegevuse ja rootsi keele kaudu. Sakslaste privilegieritud seisundi tõttu oli tsaaririigis vene keele ja kultuuri mõju esialgu vähene.

Prantsuse keelest pärinevad sõnad jõudsid eesti keelde (alam)saksa ja rootsi vahenduskeelte kaudu. Vaadeldud ajavahemikus laenuvad prantsuse sõnadest kuulub ümmarguselt 25% toidumajanduse alale, kuna sõjanduse, üldkultuuri jt. alad moodustavad vähemad rühmad. Prantsuse päritolu sõnu on autor käsitlenud eraldi 16. - 17., 18. ja 19. saj. esimese poole kohta eri artiklites, sealhulgas ka toidumajanduse sõnu.¹

¹ Vt. L. T r e i m a n , Päritolult prantsuse keelega seotud sõnad eesti kirjakeeles 16.-17. sajandil. - Centum. Tallinn, 1974, lk. 199-215 / = ES Toimetised 9./ Toidumajanduse sõnadest on esitatud: kabun, kgneel, muskaat, soust, viig(imari).

L. T r e i m a n , Prantsuse päritolu sõnu eesti 18. sajandi ilmalikus kirjanduses. - ESA 21, 1975, lk. 51-69. Käsitletud sõnadest kuuluvad toidumajanduse alale: aprikoos, biskviit, estragon, farssima, farss, filee, frikadell, frikandoc, frikassee, glaseerima, grenaad, grillima, grilaad,

Käesolevas kirjutises vaadeldakse samas ajavahemikus prantsuse keelest pärinevaid toiduainete, toitude ja nende lisandite nimetusi, mis mõnesugustel põhjustel ei esine varasemates ülevaadetes. 17. sajandi sõnad toidumajanduse alalt leiduvad H. Gösekeni "Manuductios" (1660), 18. saj. sõnad esinevad "Köki ja Kokka Ramatus (1781) ja 19. saj. materjal teoses "Uus Kögi- ja Kokka Ramat" (1824, 1825). Üksikud sõnad pärinevad tekstidest, mis on märgitud allikate loetelus. Näidatakse ainult sõnade esmaesinemine ja nende erinevad kujud.

Frantsuse päritolu sõnadena käsitletakse prantsuse geeniniseid sõnu, samuti sõnu, mille tüveelemendid pärinevad teistest romaani, kreeka, araabia jm. keeltest, kuid on saanud prantsuse keeles kuju, milles nad on levinud teistesse Euroopa keeltesse, samuti sõnu, mille tüveelemendid pärinevad teistest keeltest, kuid on saanud levinud tähenduse prantsuse keeles.

Märksõnad esitatakse tänapäevastatud kujul nende esinemisteoste ilmumisaaja kronoloogilises järjestuses. Sõna järel antakse selle tähendus. Kui sõna laenumisel keelest keelde pole muutunud, ei anta seda iga keele puhul uuesti. Näitelause eel antakse esinemisteos lühendina ja lehekülg. Loendisse on võetud nii üks kord kui ka mitmel korral eesti kirjakeeles kasutatud sõnad. Nende käibelt kadumise kohta lisatakse teateid. Vähem kindla prantsuse päritoluga või mitmete teiste keelte mõjudele allunud sõnad on tähistatud tärnikesega sõna ees. Sõnade tänapäevane kuju võib olla uue laenamise või keelekorraldustöö tulemus, mille analüüs ei kuulu käesoleva kirjutise ülesannetesse.

Järgnevalt esitatakse sõnad sajandite kaupa.

kompost, korint, kullii, kotlet, kroom, krokaan, makroon, marineerima, marinaad, melon, musroon, omlett, oranž, paneerima, popurrii, porru, prunell, puljong, puuder(suhkur), ragu, renett, rosin, seller, siisik, šalott, šampinjoni, želée, tort, tortlett, trühvel.

L. T r e i m a n, Prantsuse päritolu sõnu eesti kirjakeeles 19. saj. esimesel poolel. - Käsikiri ESA 25 jaoks toimetuses. Toidumajanduse alalt on käsitletud: arrak, as-pikk, bešameel, blanšeerima, dresseerima, eskalopp, garneerima, gasöösi, juus, konsomee, pletsikene, provanksöli, remulaad, risoli, šampanja.

17. sajandil

ingver 'ingver, aromaatsed juurikaga troopiline rohttaim'. MLO 90: Ingeber/ingever; 248: Ingfer/(Ingeber) Innewer.

vpr gingebre (lad. gingiber; hiliskr zingiberis < praakriti singabēra < vanaindia) > küsk ingeber, ingwer, kaks ingever (K EW; SKES), mis arvatavasti laenus eesti keelde.

morsellid 'morsellid, vürtsitatud suhkrumaiustused, -tahvlikesed'. MLO 300: morjel/ morfulus morfellit wazaken.

vpr morsel (demin. < vpr mors 'tükk, pala') (LARE) 'portion séparée d'une chose solide, bonne à manger',² > sks Morselle 'suhkrutahvlikesed hakitud mandlitega, päklikitega' (GFW; Pi EW), arvatavasti siit ka eesti keelde. On võimalik ka tulek kaks morsêl, morsellen 'Stück, Bissen' (MNW) kaudu.

³ proviant 'proviant, toidumoon-varu'. KSS 178: Kes Krono rattist/Proviant-hohnest ... middakit warrastap.

(v)pr provende (< rhvld probenda) '(sõjaväe) toidumoon' > holl, sks provande (K EW; W DW); veel esines Alam-Reini alal ~ profand, Lõuna-Saksamaal (it provianda) ~ profiant, milledest kujunes üks Proviant (HW); rts proviant < sks < it (VO; NRL). Eesti keelde võis tulla rootsi või ka saksa keele kaudu.

safran 'safran, maitseaine'. MLO 93: Saffran/Sapfran; HGE 3: dicunt .. pro Saffran/Sahwran.

vpr safran (< hisp azafran < ar sa'farān) > küsk saffrān, sapharan, sks Safran (W DW); kaaks safferan, saffran > rts saffran, eesti safran, sahvran < sks Safran (SKES), kuid võis ka alamsaksa keelest laemuda.

18. sajandil

⁴ blankett kok. 'õhuke hautatud veiselihalõik hapukas kastmes'.³ Kõk 253: Plankettid (Blanquetten).

² A. B e a u j e a n , Dictionnaire de la langue française. Abrégé du dictionnaire de E. Littré de l'Académie Française. Paris 1891, lk. 728.

³ B a r o n B r i s s e , Les 366 menus. 14. éd. Paris 1885, lk. 361.

pr blanquette (< prov blanquette, demin. <frangi ^{blank} 'särav, hiilgav') märkis lõunamaa veine ja lihatoitu blanquette (de veau, 18. saj.) (LaRE). C. Wargi kokaraamatus on nähtavasti esitatud saksa mitmuse lõpuga prantsuse kirjalik laen, eesti keeles antud eesti mitmuselõpuga.

friseerima 'friseerima, soengut tegema; ilustama, kaunistama'. KõK 82: Wriiferitud hārja lihha; HjF 80: Friferadt Orkiott.

pr friser 'kõhardama; ilustama' > holl friseeren > 17. saj. sks frisieren 'die Haare herrichten' (HW), rts friserer,⁴ eesti keelde rootsi kokaraamatu kaudu.

fritt 'fritt, praetud, küpsetatud'. Tsitaadi osana KõK 561: Krēām Writt, saksa keeles Creme Fritte; HjF 560: Creme af söt Grädde.

pr frit, frite (mineviku partitsiip verbist frire 'praadima'), levinud Euroopa keeltesse eriti toidunimetusena potage de terre frite (D DE) (meil on tänapäeval kauplustes näha olnud etiketil ekslikult 'friikartulid'), käesolevas tsitaadis eesti keelde saksa keele kaudu.

glace 'jäätis'; vaap; tarrend; läige'. KõK 603: road.. à la Klaas nimme peäl; HjF 572: Nāgra sorter à la Glace - 'jäätised, jäätistoidud'.

pr glace > sks Glace (W DW), käesoleva näite tsitaat on tulnud rootsi kokaraamatu kaudu.

hašeerima kok. 'tükeldama, hakkima'. KõK 83: Haferitud ehk hakitud Ragu; HjF 81: Hacheradt Ragout; KõK 96: Hafee külmaft wasjika praest; HjF 94: Haché af Kalfttek; KõK 141: Hasfee; HjF 147: Haché 'toit hakitud lihast'.

pr hacher (< hache 'kirves' < frangi ^{happja}; LaRE) 'tükeldama, hakkima', > sks haschieren; pr haché > sks Haché, Haschee 'zerhackt, zerstückelt' (W DW); rts hachera ja haché kaudu on sõnad tulnud kokaraamatu vahendusel eesti keelde (Wiedemannil ^{hassërima} 'haschiren' ja ^{hasshē} 'Hasche' (in der Kochkunst)).

kandeerima 'kandeerima, suhkurdama'. KõK 388: Kanderitud outad; HjF 372: Canderade Äplen.

⁴ Ordbok över svenska språket, utgiven av Svenska Akademien. Lund 1926, b. 8, lk. 1543: friserer kok. sira (ett köttstycke, en tarta) 'kaunistama'.

pr candir (< it candire, ar quand 'suhkur', adj. quandi)
sks kandieren (W DW; HW), rts kandera (VO), eesti keelde root-
si kokaraamatu kaudu.

²kohv 'kohv'. KÖK 590: kui fe piim felle Kohwiga on
keedetud; AK 38: woip Kohwe tarwis prukida.

pr café (< it caffè < türgi quahve < ar qahva 'vein',
hiljem 'kohv') > sks Kaffee (W DW), 18. saj. paralleelvorn
Koffee ingl < coffee (K EW); omaette laenatud on holl koffie,
ingl coffee, kahest viimasest on laenatud vene kófe (HW);
rts kaffe < sks < pr (VO). Näidete allikad pärinevad saksa
ja rootsi keele piirkonnast, kuid kirjepildi järgi võib te-
gemist olla saksa keele inglise vahenduskeelest pärineva ku-
juga, mida on kasutanud eesti raamatute tõlkijad.

²limoon 'limoon, paksukooreline sidrun'. KÖK 505: Le-
moni Kook; HjF 487: Lemon-Kaka.

pr limon (< it limone < ar < pärs leimōn, līmōn
'sidrun'; LaRE) > sks Limone, rts limon (VO); rootsi koka-
raamatu kuu lemon kaudu eesti keelde.

pontak 'pontak, bordoo vein'. KÖK 300: Lattikaft pun-
nafe winaga tuwida; HjF 290: Braxen med pontac; KÖK 447: woib
fellega plakki ehk Pontakki lappid .. ride feeft ärra wotta.

pr Pontac, varem kasutatud bordoo veini nimetus pere-
konnanime de Pontac järgi (viinamägede omanik Médocis).⁵

²prees kok. 'prees, vürtsitatud lihaleem prae hautami-
seks'. KÖK 237: à la Präs; HjF 191: à la Braife; KÖK 236:
keeda Präfi fees.

pr braise, (< idagerm ²brassa 'tuleriit, hõõguvad söed')
'sõetuli', hiljem kok. 'väikesel tulel hautatu'; LaRE), > sks
Braise (H FW), rts Braise, kust tuli kokaraamatu kaudu eesti
keelde (²práz .. Braise in der Kochkunst; Wied.).

²puding 'puding'. KÖK 487: Werre-Pudding; HjF 475: Blod-
=Budding; KÖK 79: Klopp=lihha Pudding; HjF 76: Budding af
Kallops; KÖK 473: Rosfina Pudding; HjF 456, 460: RuBin = Bud-
ding.

pr boudin (< gallorom botellinus < lad botulus 'Wurst')
'Blutwurst' (Kl. etym.: K EW), > keesingl pudding 'Wurst', 16.
saj. keskel 'Mehlpudding .. Süßspeise', > 17. saj. sks Püd-

⁵ Meyers Konversations-Lexicon, 5. Aufl., B. 14, Leip-
zigen u. Wien 1897, lk. 52.

ding, 18. saj. Pudding (K EW), rts pudding < ingl, esialgu 'magu; vorst' (VO), eesti keelde rootsi kokaraamatu kaudu.

⁵pumat 'pumat, võie'. KÖK 199: Pomadi tehha; HjF 163: Pomada at göra.

pr pommade (< it potata < rhvlat ⁵potata < lad 'puuvili, õun') '(lõhnav) salv, võie' > sks Pomade (W DW) > rts potada (VO), rootsi kokaraamatu kaudu eesti keelde.

pupetong kok. 'pupetong, vasikalihalõikudega kaetud farsivorm'. KoK 106: Pool Puppington (Ein halb Poupington); HjF 104: En half Poupington.

pr poulpeton, pupeton⁶ (< it polpettone < lad pulpa 'lihakas osa' H FW) > sks Poupington, rts poupington, mille kaudu tuli sõna prantsuse häälduse järgi eesti keelde.

⁵pühvpraad 'veisepraad, praetud veiseliha'. KÖK 260: Pühw-praad. (Biffbraten.). C. Wargil täpset vastet ei esine, küll aga stek 'praad' (lk. 256 jm.).

vpr boef, buef (= pr boeuf) 'härj, veis; veiseliha' (HW) ingl beef > rts biff + rts stek 'veisepraad' (VO); baltiska Biff (tõenäoliselt < ingl beef < pr; HW) pidi andma eesti pühw (vrd. Wied. rospühw Roastbeef).

radis 'radis'. AK 18: peap külwama .. Reddi fid; 8: woip .. walmis tehha neid peenrit .. Ræddi fide .. tarwis.

pr radis > holl radijs > sks Radies(chen) (HW), / ašks reddis > rts rädisa (SKES), arvatavasti alamsaksa kujul kaudu tuli eesti keelde.

savoia kok. 'Savoia kapsas'. KÖK 199: Hanni Sawoi kapsa taga; HjF 212: Gäs med Savoye-kål; AK 18: Sawoi= nink .. werrewat Kappstit.

pr Savoie (departemang Kagu-Prantsusmaal) järgi on kapsas saanud nimetuse, mis rootsi kokaraamatu kaudu on tulnud eesti keelde (ka Wied.: *sawoi (sawo)-kapsas .. Savoikohl).

sekt 'sekt, šampanja, vahuvein'. KÖK 597: Panf ehk Kanari fakk wina; 469: Üks pool toop Kannari fakk-wina, C. Wargi kokaraamatus aga fekt (originaalis).

pr vin sec (< it vino secco < lad. siccus 'kuiv') 'varrel kuivatatud marjadest, magus vein', levis hollandi (sek), inglise (sack), saksa keelde Sekt (Canarien Sekt), -t sõnades Palast, Papst eeskujul; hakati kasutama Champagner'i tä-

⁶ Larousse du XXe siècle, t. 5. Paris 1932, lk. 751.

henduses (K EW). Rootsi sekt < sks < pr vin sec 'torrt vin' (VO) laenus C. Wargi kokaraamatu kaudu eesti keelde, kirjas nähtavasti prantsuse algkuju hääldust taotlevalt.

sukaad 'sukaad, suhkurdatud puuvili v. selle koor'. KõK 387: pekki neid .. Sukrati ja Mandli träämlidega.

keskpr succade, sucrade (< lad succus 'mahl') > sks Sukkade (W DW), rts suckat (VO), mis võis laenuda eesti keelde (VL: < it < lad).

sokolaad 'šokolaad'. KõK 590: Sjokladi Krääm; HjF 562: Chocolade=Creme; KõK 606: Sokoladi piim; HjF 587: Chocelade-Miölk.

pr chocolat (< hisp chocolate Mehhikost) > rts chocolade (HjF), chok(o)lad (SKES), kust tuli kokaraamatu kaudu eesti keelde (sks Schokolade < holl chocolade; HW).

vespetro 'vespetro, teat. viin, liköör'. KõK 678. Wespetro; HjF 661: Veſpetro.

pr vespétro (tehissõna selle joogi joomise resultaatidest ves(ser), pét(er), rot(er); D DE). Sõna on võetud kirjaliku laenuna rootsi keelde ning laenuud C. Wargi raamatu kaudu eesti keelde.

19. sajandil

biifsteek 'biifstiik, praetud veiselihalõigud'. UKõK 13: Pühſtiikſi-fooft; 94: Härjapraad ehk rospühw.

vpr boef, buef (< lad bovem, = pr boeuf) > ingl beef, liitsõna beefsteaks > sks Beefsteaks (HW; SED), > eesti keelde pühw nähtavasti inglise-saksa häälduse lähedaselt (vt. ka pühvpraad; 18. saj.). Sama teed võis tulla ka rospühw (< sks Roastbeef < ingl roastbeef; W DW). (Wied. *pihwsteaks Beefsteak, kuid rospühw Roastbeef.)

karbonaad kok. 'karbonaad, sealiha koos ribikondiga'. UKõK 25: raiu karbonaadid wälja; 121: Karbonadid ehk kortlettid kannadest.

pr carbonnade (< it carbonata) 'sütel praetud liha', > sks Karbonade 'ribilõik' (W DW), mis on tulnud selles tähenduses ka eesti keelde (prantsuse 'karbonaad' on côtelette, côte 'ribi').

kreev 'kreev, praadimisel saadav lihamaahl, vürtsitatud garneering selgest'. UKõK 8: Kräwe tehha.

vpr grané (< vpr grain, kok. mingi 'tera, iva', mida

kasutatakse toidu valmistamisel), prantsuse kokaraamatutest ekslikult inglise keelde gravé > gravy 'ihamahl' (SED) > sks Grewe (Wied.) > eesti keelde (Wiedemannil ^{krāw} G. krāwe 'Grewe' (in der Kochkunst)).

limonaad 'limonaad, karastusjook'. UKÖK 414: Limmonadi teha.

pr limon, tuletis pr limonade (it < limonata eeskujul), esialgu ainult 'sidrunijoogi' tähenduses, > sks Limonade (HW), kust laenus eesti keelde (vt. 18. saj. limoon).

pupjett 'pupjett, farsiga täidetud liha- v. kalarullid'. UKÖK 190: Pupiet lõhkekallaft.

pr paupiettes (kuni 18. saj. poupiettes < vpr < poupe 'lihakas osa' < lad pulpa; LaRE), arvatavasti mingi saksa kokaraamatu kuju järgi eesti keelde.

turnesol bot. 'turnesol (heliotroopne taim; värvaine), lakmus (värvaine). UKÖK 176: wärwi .. konfomeet turnifoli ga punnafeks; 409: tomme .. turnifolli ouhawee fees wälja.

pr tournesol (< it tornasole 'päikese poole pöörduv taim') > sks Turnesol > eesti keelde (Wied. ^{turnisol} .. Turnesol).

vanill kok. 'vanill, maitseaine'. UKÖK 37: feu .. wanilli ühhe .. lappikesfe fiske.

pr vanille (< hisp vainilla 'väike kaun' < lad) esialgu 'vanillikupar', > sks Vanille (W DW), kust tuli eesti keelde.

violett 'violett, lilla'. MMÖ 69: kaswab wioletti wärwi pu.

pr violet, -te (demin. < pr viole < lad viola 'kannike') > küsks fiolet, sks violett (W DW), mis laenus eesti keelde.

Et eesti keeles puudus linnakultuuriline toidumajanduse sõnavara, oli laenamine loomulik tee nii toitude kui ka nimetuste soetamiseks. Saksa ja rootsi keelde laenunud prantsuse päritolu sõnade tüvemorfeemid laenati eesti keelde, kus nad allusid muutustele eesti keele süsteemi häälikulis-ortograafilisel ja morfoloogilisel tasandil. Eesti keelele võorad häälikud asendati keelele omastega, sõnaal-

guslikud helilised klusiilid asendati helitutega. 1860. aastani vaadeldud häälikuliselt kohanemud sõnade kuju jaoks oli mõduandev saksa kirjaviisil põhinev vastavate sajandite kirjaviis ja ortograafia.⁷

Käesoleva artikli 17. saj. laenunud sõnadest ei esine tänapäeval morsell (on veel Wiedemanni sõnaraamatus); 18. saj. laenunud sõnadest on friseerima kasutusel ainult juuksuritöös, glace on asendatud 'jäätisega', musroon ja vespetro pole esinemiselt rohkem kui 1781. a. kokaraamatus, blankett ei esine enam 'lihalõigu' tähenduses, pühvpraad on asendatud biifsteegiga, prees (kok.) esines veel Wiedemannil, papetong "Uues Kögi- ja Kokka Ramatus" (1824, 1825), pontaki asemel tuntakse 'bordoo veine'. 19. sajandil laenunud sõnadest ei anna sõnaraamatud pletsikest, jussi ega kreevi (esinevad veel Wiedemannil), gasõösi ega pupjetti; turnesoli asemel on kasutusel 'lakmus'. Eesti tänapäeva toidumajanduse linnakultuuri alale kuuluva sõnavara kujunemisel on saksa ja alamsaksa sõnade kõrval märkimisväärne osa prantsuse keelest pärinevatel sõnadel.

Näidete allikad ja lühendid

- AK = F. D. L e n z , Aija-Kalender. Letti keelest maa-keele sisse ümbre kirjutetu. Tartu 1796.
- D DE = A. D a u z a t , Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris 1938.
- GFW = Großes Fremdwörterbuch. Leipzig 1977.
- H FW = J. H e y s e , Fremdwörterbuch. XXI. Originalausgabe. Hannover 1922.
- H GE = J. H o r n u n g , Grammatica Esthonica. Riga 1693.
- HJF = Hjelpreda i hushållningen för unga Fruentimber. Stockholm 1755. /Christina Warg/
- HW = Der Große Duden. Herkunftswörterbuch, B. 7. Mannheim 1963.
- K EW = Fr. K l u g e , Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 21. unveränderte Auflage. Berlin. New York 1975.

⁷ Vt. A. K a s k , Eesti kirjakeele ajaloost I, Tartu 1970, lk. 23-134.

- KL etym.** = E. W a s s e r z i e h e r , *Kleines etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Leipzig 1971.
- KÖK** = Kõki ja Kokka Ramat, mis Rootsi Kelest Eesti-ma Kele üllespandud on. Tallinn 1781.
- KSS** = arvatavasti 1697. a. pärinev eesti sõduri määrustik "Meye Koige armolisemba Kunninga Soddasäduset . . . (A. S a a r e s t e , Eesti sõduri määrustik ja vandetekst a. 1697. - "Virittäjä" 1958).
- LaRE** = *Lorousse étymologique*. A. D a u z a t , J. D u b o i s , H. M i t t e r a n d , *Nouvelle dictionnaire étymologique et historique*. Paris 1971.
- MLO** = H. G ö s e k e n , *Manuductio ad Linguam Oesthonicam*. Reval 1660.
- MMÖ** = B. G i l d e n m a n n , *Mailma made õppetus*. Pärnu 1849.
- MNW** = K. S c h i l l e r , A. L ü b b e n , *Mittelniederdeutsches Wörterbuch*. Bd. I-VI. Bremen 1875-1881.
- NRL** = H. J. S t r e n g , *Nuoremmat ruotsalaiset lainasanat vanhemmassa suomen kirjakiellessä*. Helsinki 1915.
- Pi EW** = A. P i n l o c h e , *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Paris-Leipzig 1922.
- SED** = W. S k e a t , *An Etymological Dictionary of the English Language*. Oxford 1924.
- SKES** = Y. H. T o i v e n e n , E. I t k o n e n , A. J. J o k i , R. P e l t o l a , *Suomen kielten etymologinen Sanakirja I-V*. Helsinki 1955-1975.
- UKÖK** = Uus Kõgi- ja Kokka Ramat. Tallinn 1824, 1825.
- W DW** = G. W a h r i g , *Deutsches Wörterbuch*. Völlig überarbeitete Neuauflage. Gütersloh. Berlin 1977.
- Wied.** = F. J. W i e d e m a n n , *Ehstnisch-deutsches Wörterbuch*. 4. muutmata tr. Tallinn 1973.
- VL** = R. K l e i s , J. S i l v e t , E. V ä r i , *Võõrsõnade leksikon*. 2., parand. ja täiend. tr., Tallinn 1978.

Maud lühendid

ar	= araabia keel	kr	= kreeka keel
aks	= alamsaksa keel	lad	= ladina keel
demin.	= deminutiiv	pr	= prantsuse keel
gallorom	= galleromaani keel	prov	= provantsaali keel
germ	= germaani keel	pärs	= pärsia keel
hisp	= hispaania keel	rhvld	= rahvaladina keel
holl	= hollandi keel	rts	= rootsi keel
ingl	= inglise keel	saj.	= sajand(il)
it	= itaalia keel	sk	= saksa keel
kaaks	= keskalamsaksa	vpr	= vanaprantsuse keel
rüsk	= keskülemsaksa		

L. T R E I M A N
(Tartu)

WÖRTER FRANZÖSISCHER HERKUNFT AUF DEM GEBIETE
DER ERNÄHRUNG IN DER ESTNISCHEN SCHRIFTSPRACHE VOM 17. Jh.
BIS ZU DEN SECHZIGER JAHREN DES 19. Jh.

Z u s a m m e n f a s s u n g

Die estnische Sprache hat zahlreiche Wörter französischer Herkunft in sich aufgenommen, die durchs Niederdeutsche, Deutsche und Schwedische vermittelt sind. Von der in der obenerwähnten Zeitspanne aufgenommenen Wörtern entfallen 25 % auf das Gebiet der Ernährung, darunter die Bezeichnungen für Nahrungsmittel, Speisen, Speisezubereitung und Speisetzutaten. (Die Mehrzahl dieser Wörter ist früher analysiert worden (s. die Fußnote 1 der Abhandlung)).

Die entlehnten Wörter haben Wandlungen in der äußeren Form durchgemacht und die estnische Schreibweise angenommen. Die meisten Wörter sind fest eingebürgert und werden als eigenes Sprachgut empfunden.

О СУБЪЕКТЕ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В мари́йском языке, как и в других финно-угорских языках, сложное предложение не получило достаточно полного развития. Весьма часто содержание сложной мысли передается при помощи причастных и деепричастных оборотов. Среди таких оборотов особое место занимают так называемые "абсолютные" /Серебренников 1967: 105/ или "субъектные деепричастные конструкции" /Перевощиков 1959: 195, Исанбаев 1961: 100-101/. В отличие от обычных деепричастных оборотов в них налицо свой производитель действия, не совпадающий с субъектом действия сказуемого. Такие конструкции по значению соответствуют придаточным предложениям в языках другой системы /например, в индоевропейских/: *М и ш а н т о л м е к е , м е к и н о ш к а й ш и н а 'Когда пришел Миша, мы пошли в кино'. Субъект в таких конструкциях выражается именительным или родительным падежом существительного или местоимения, а иногда притяжательным суффиксом. Чем же является этот субъект конструкции? Не является ли он подлежащим, а вся конструкция придаточным предложением?*

Как мы знаем, "сложным предложением называется такое предложение, которое в своем составе имеет два и более простых предложений" /Тимофеева 1961: 4/. А данная конструкция не отвечает этому требованию: она не является простым предложением. Основания для такого заключения следующие:

1. В каждом простом предложении имеется два грамматических центра: подлежащее и сказуемое, вокруг которых концентрируются и которым подчиняются все остальные члены предложения. А в абсолютной деепричастной конструкции имеется только один своеобразный грамматический центр /деепричастие/, который подчиняет себе остальные члены /в том числе существительное в именительном или родительном падеже/ и в свою очередь подчиняется одному из главных членов предложения /сказуемому/.

2. Этот своеобразный грамматический центр /деепричастие/ не является сказуемым, ибо сказуемое обычно выражается лич-

ной формой глагола, а деепричастие всегда имеет безличную форму /правда, иногда к нему присоединяются притяжательные суффиксы/.

3. Подлежащее в марийском языке выражается именительным падежом имени и независимым инфинитивом. Субъект же деепричастных конструкций может быть выражен трояко: именем существительным или местоимением в именительном или родительном падежах или же притяжательным суффиксом, присоединяемым к деепричастию /Исанбаев 1961: 76-77/. Например: Изийш жа п э р т ы м е к е, школ пёртышкё калык лүшкен пура /М. Шкетан 1950: 138/ 'Когда прошло немного времени, в здание школы с шумом вваливается народ'; Шуко жап вакшылыште малыдме е н - в л а к ы н н е л е о м о д е н е т е м д а л а л т м е к ы ш т, волгыкмо годым ялышке ныл машина дене ала-кушеч фашист-влак толын пурнит /М.-Азмекей 31/ 'Когда люди, долго не спавшие на мягкой постели, уснули крепким сном, на рассвете внезапно нагрянули в деревню на четырех машинах фашисты'; Шкет к о д м е к е м, моткоч йокрокин чучын колтыш, пуйто мый ала-мом, пеш шергаканым, пёртылдымашын йомдарышым /М.-Азмекей 83-84/ 'Когда я остался один, стало невыносимо скучно, показалось, как будто навсегда потерял что-то дорогое'.

Почему же в абсолютной деепричастной конструкции субъект выражается разными формами? Чтобы объяснить это явление, обратимся к истории языка.

Установлено, что деепричастия по происхождению восходят к причастиям /Исанбаев 1961: 3, Галкин 1964: 167/, которые, в свою очередь, первоначально представляли собой падежные формы имени действия /Рятсеп 1954: 17/. Поэтому нет ничего удивительного в том, что при них употреблялись определения, указывавшие на притяжательность. А притяжательность оформляется как с помощью притяжательных суффиксов /книгам 'книга-моя', книгаг 'книга-твоя', книгаже 'книга-его' и т.д./, так и специальных слов, чаще личных местоимений в генитиве, которые стоят впереди определяемого слова /мыйын книга 'моя книга', тыйн книга 'твоя книга' и т.д./. Иногда лицо обладателя может быть выражено двукратно: при помощи личного местоимения в генитиве и притяжательного суффикса: мыйн книгаг 'моя книга-моя', тыйн книгаг 'твоя книга-твоя', тудын книгаже 'его книга-его, и т.д.

В марийском, как и в некоторых других финно-угорских языках,

лично-притяжательные конструкции возникают не только тогда, когда обладатель выражен личным местоимением, но и в том случае, если в функции слова-обладателя выступает имя существительное /Основы ФУЯэ, 1974: 391/: акамын книгаже 'книга моей сестры', пёртын омаже 'дверь дома' и т.д. Этим объясняется тот факт, что в деепричастных конструкциях субъектом могут выступать как местоимения, так и имена существительные, а иногда деепричастие просто-напросто оформляется притяжательным суффиксом соответствующего лица и числа: каймекем 'когда я ушел', толмекет 'когда ты пришел', ужмекыже 'когда он увидел' и т.д.

Однако еще в прафинно-угорское время "использование генитивного суффикса не было обязательным для оформления притяжательного определения, так как для обозначения обладателя-определения широко применялся именительный падеж" /Основы ФУЯэ. 1974: 384/. Следы этого явления сохранились до настоящего времени в некоторых финно-угорских языках, в том числе и в марийском: пёрт ома 'дверь дома', пу корка 'деревянный ковш', урем капка 'ворота на улицу /букв. уличные ворота/' и т.д.

Аналогично притяжательность оформлялась и в причастиях, и, как нам кажется, в первое время в деепричастиях. Например: Гражданский сар тудын /Эвайын/ шоньмыжым шалатыш /М. Шкетан 1950: 6/ 'Гражданская война разрушила планы его /Эвая/' Алла воктенже кё улмым шылен ончале /Бик 168/ 'Алла внимательно посмотрела на соседей'; Калыкнышке праваже верч шогаш шоньмыжо Григорий Петровичым куандара /Чавайн III: 139/ 'Желание народа твердо отстаивать свои права радует Григория Петровича';

Немыч-влакын Лиепаям руалтен надмекышт, /самырк рвезе/ кайзерын армияшыкыже куснен /Бик 40/ 'После захвата немцами Лиепая парень перешел в кайзеровскую армию'; Игор, ватыже колмеке, Оринам марлан налнеже ыле /М. Шкетан II: 28/ 'После смерти жены Егор хотел жениться на Орине'; Тимошка, үдырпурьмеке, кужын ыш шого, имыняр моклакам шеле да, пилам ондалын, каяш тарваныш /Волков 48/ 'После того как девушка зашла /домой/, Тимошка не стал долго задерживаться, расколол несколько полен и, захватив пилу, собрался уходить'.

Безусловно, с развитием в причастиях и деепричастиях глагольных признаков, первичная функция зависимого слова, то

есть функция препозитивного определения, затемнялась. В настоящее время оно мыслится как субъект действия глагольной формы, но не является еще подлежащим, ибо само оно зависит от ведущего члена - причастия или деепричастия /см. примеры на выражение субъекта существительными и местоимениями в форме родительного падежа/. А подлежащее - грамматически независимый член предложения /см. Валитов 7/.

То, что в анализируемых конструкциях субъект по своей форме соответствует притяжательному определению, особенно отчетливо проявляется в родственных прибалтийско-финских и самодийских языках. В этих языках он всегда оформляется генитивом:

эст. P ä i k e s e t õ u s t e s a s u m e t e e l e 'Когда взойдет солнце, мы отправимся в путь'; M i n u t u l l e s m e l ä k s i m e k i n n o 'Когда я пришел, мы пошли в кино';

фин. Elli oli h ä n e n r u h e l l e s s a a n v a r o v a s t i t a r t t u n u t a i r o i h i n j a a l k a n u t h i l j a l l e e n s o u t a a k o t i r e n t a a k o h t i 'В то время как он говорил /букв. говоря/, Элли осторожно взяла весла и начала потихоньку грести по направлению к дому' /Грамматика финского языка 1958: 177/;

лив. T ä m s u d ä ä t k u d ä i t u l t s ä v u l t ä a m ä d k i l ä d u n k õ r a n d ä d j a r ä a r t ä t u n r o u s t u l z ä a i t t ä t 'Когда он вернулся с войны, все деревни и хутора были разрушены и люди выгнаны';

нен. Н е б я д а м я т т ю х у в а н г а ц е к ы м у н з я л м а 'Когда мать вошла в чум /букв. мать в чум войдя/, ребенок замолчал' /Куприянова 238/.

4. В конструкциях с пассивными причастиями, как и в абсолютных деепричастных оборотах, может быть субъект действия, который выражается именем существительным или местоимением в именительном и родительном падежах, также притяжательным суффиксом: Адак изиш кает, пунчерла коклаште ш и к ш к у ш к ö к ü з ы м ö койылалта /Чавайн III: 33/ 'Пройдешь еще немного и заметишь, как между соснами поднимается дым'; В а к ш м ü г ы р ы м ö йүкыштö Сакар шолт-шолт-шолт шоктымым пеш ойыртемын колеш /М. Шкетан 1950: 70/ 'В гуле мельницы Сакар отчетливо слышит непривычные стуки'; М е м н а н к а л а с ы м ы н а л а т и н д е ш ы м ш е к у р ы м м у ч а ш т е л и й ы н /Элексейн 3/ 'То, о чем мы рассказали, происходило в конце девятнадцатого века'; К а р т ы н в о л ы к в е р ч к у м а л м ы ж е Сакарлан мыскылымыла чучеш /Чавайн III: 140/ 'То, что жрец молится о

животных, Сагару показалось насмешкой'; М е м н а н - в л а -
к н и ч а к н е н к а й н ы м ы ш т т у д ы н /Охотиним/ моточ
Йбсландара /М.-Азмекей 27/ 'Его /Охотина/ очень беспокоит
отступление наших'; Школым, библиотекем, аптекем почал
т ы р ш ы м ы д а к а л ы к и л ы ш ы м о к к у ш т ы д е м д е /Эрыкан 76/
'Ваше стремление открыть школу, библиотеку, аптеку еще не
облегчает жизни народа'; Колхозыш у ш ы н ы м ы ш т н у н ы н
Ўмбацын шуко уто сомыл-амалым кудадын, иктор корныш луктын,
/М. Шкетан П; 261/ 'То, что они объединились в колхоз, осво-
бодило их от множества ненужных обязанностей, вывело на путь
равноправных'.

Хотя словоформы, выступающие в качестве субъекта прича-
стных и деепричастных оборотов совершенно одинаковы, прича-
стные конструкции не относят к придаточным предложениям, по-
скольку они в устной речи интонационно, а в письменной - зна-
ками препинания не выделяются. Поэтому мы считаем, нет смыс-
ла относить к придаточным предложениям и субъектные деепри-
частные конструкции.

5. В двусоставных предложениях подлежащее координируется
со сказуемым в лице и числе. В.И.Алатырев видит такое согла-
сование и в субъектных деепричастных конструкциях /Алатырев
60/. Но это не подтверждается примерами марийского языка. В
субъектных деепричастных оборотах происходит лишь оформление
исторической притяжательности: мыйн толмекем 'после моего
прихода', тыйн толмекет 'после твоего прихода', тудын тол-
мекыже и т.д. Действительно, в первых двух лицах обоих чи-
сел личные окончания глаголов и притяжательные суффиксы по
форме совпадают: каем - каймекем 'иду - когда я ушел'; кае-
на - каймекына 'идем - когда мы ушли'; кает - каймекет
'идешь - когда ты ушел'; каеда - каймекыда 'идете - когда
вы ушли'. Однако в третьем лице они разные: кая - каймекыже
'идет - когда он ушел'; каят - каймекышт 'идут - когда они
ушли'.

Иногда притяжательность оформляется двукратно: через при-
тяжательный суффикс, присоединяемый к деепричастию /когда-то
глагольному имени/, и личное местоимение или существительное,
предшествующее этому деепричастию. Однако двукратное оформ-
ление притяжательности было совершенно необязательное. По-
этому в современном марийском языке субъект в деепричастных
конструкциях может выражаться как притяжательным суффиксом,
так и отдельным словом /существительным или местоимением/ в

форме именительного и родительного падежа. Например: Пытар-
тыш гана м и й м е к е м, Россонско комсомол райком, по-
селкысо удыр-рвезе-влакым чумйрен, мый денем вашлийме касым
эртарыш /М.-Азмекей 123/ 'Когда я приезжал в последний раз,
Россонский райком комсомола организовал встречу с молодежью
поселка'; Тугö куржын лек м е к н а, нуно/фашист-влак/
мемнан вштареш гранатым кудалтыт /М.-Азмекей 92/ 'Когда мы
выбежали на улицу, фашисты на нас бросили гранату';

Итат шоно, нунын ушемышт лиймешке,
ме поенат кертыва /М. Шкетан I: 42/ 'И не сомневайся, пока
они создадут кооператив, мы успеем разбогатеть'; Й о л т а
ш н ж е-в л а к м а л е н к е л т ы м е к а т, т у д о /Охот
т и н/ ятыр жап тургышланен шонкалыш /М.-Азмекей 13/ 'И после
того, как друзья его уснули, Охотин долго еще лежал и ду-
мал о предстоящем'; Вуйышко куш ш о н ы м а ш п у р ы
м е к е, айдеме куштыде огеш чыте /Волков 165/ 'Когда у че-
ловека в голове такая радость, ему хочется плясать'.

6. Подлежащее по отношению к сказуемому может распола-
гаться как в препозиции, так и в постпозиции, а в деепри-
частной конструкции ведущий член /деепричастие/ всегда замы-
кает все построение, неизменно занимая в нем последнее мес-
то. Это лишний раз доказывает, что рассматриваемые конструк-
ции в историческом плане восходят к определительным словосо-
четаниям.

7. Предложения характеризуются предикативностью, а в
субъектных деепричастных конструкциях "предикативные значе-
ния... не получили достаточно сильного развития". Причиной
этого является то, что между действием, названным дееприча-
стием, и действием, выраженным спрягаемой формой глагола-
сказуемого, логикограмматические отношения носят подчи-
нительный характер. Обстоятельственное значение в исследуе-
мых конструкциях преобладает над их предикативным значением.
В результате этого субъектные деепричастные обороты "упот-
ребляются для обстоятельственной характеристики основного
сказуемого" /Санбаев 1961: 122/.

8. Между субъектными и бессубъектными деепричастными
конструкциями в отношении их синтаксических функций нет
принципиальных различий. Некоторые различия между ними за-
ключаются лишь в том, что "субъектные деепричастные конст-
рукции... обладают большими возможностями для сохранения
своего глагольного значения, то есть для выражения относи-

тельно самостоятельного действия" /Исанбаев 1961: 140-141/.

9. Составные части сложного предложения обычно соединяются друг с другом посредством специальных средств синтаксической связи /связей или союзных слов/, а деепричастная конструкция соединяется с основной частью предложения при помощи примыкания деепричастия к глаголу-сказуемому. Значит, предложение с деепричастной конструкцией /как субъектный, так бессубъектный/ представляет собой не что иное, как соединение простого предложения и деепричастного словосочетания.

Итак, рассматриваемые конструкции не являются сложными предложениями. Это простое предложение, осложненное деепричастным оборотом. Так как в отличие от обычных /бессубъектных/ деепричастных оборотов в них указывается производитель действия, для таких конструкций больше всего подходит термин субъектный деепричастный оборот.

Субъектные деепричастные обороты характерны и для других финно-угорских и самодийских, а также тюркских языков. Это позволяет лингвистам сделать вывод, что они являются особенностью урало-алтайских языков /Закиев 1970: 28-29/. Поскольку такие конструкции функционально соответствуют придаточным предложениям русского и других индоевропейских языков, некоторые тюркологи /Дмитриев 1948: 256, Закиев 1963: 274-304, Убрятова 1976: 35 и др./ считают их придаточными предложениями. Среди финно-угроведов эту точку зрения полностью разделяет В.И. Алатырев /Алатырев 1967: 53-68/. Другие специалисты по финно-угорским языкам не находят достаточных оснований для прямого отнесения анализируемых конструкций к числу сложноподчиненных предложений. Как отмечает Н.М. Терещенко, "предложения с особыми синтаксическими конструкциями по своей структуре являются простыми, но по значению близки к сложным, поскольку при их посредстве передается содержание сложной мысли" /Терещенко 1964: 146/.

Поскольку субъектные деепричастные конструкции не являются придаточными предложениями, в них не может быть и подлежащего - главного члена двусоставного предложения. Производитель же действия деепричастных оборотов, выраженный формами именительного, родительного падежа существительного или местоимения или же притяжательным суффиксом, является лишь логическим субъектом деепричастного оборота или, по терминологии Т.А. Вертагаева, является "косвенным субъектом" /Вертагаев 1958: 69/.

Л и т е р а т у р а

- А л а т ы р е в В.И. 1967, Субъективная деепричастная конструкция и ее происхождение. - Вопросы финно-угорского языкознания, вып. IУ, Ижевск.
- Б е р т а г а е в Т.А. 1958, Субъект и подлежащее. - Вопросы языкознания, № 5.
- Б и к А. 1976, Тул-вуд вошт, Йошкар-Ола.
- В а л и т о в Г.Н. 1978, Подлежащее в марийском языке. Автореферат канд. дисс., Тарту.
- В о л к о в А. 1962, Каче-влак, Йошкар-Ола.
- Г а л к и н И.С. 1964, Историческая грамматика марийского языка. Морфология, часть I, Йошкар-Ола.
- Грамматика финского языка. Изд. АН СССР, 1958.
- Д м и т р и е в Н.К. 1948, Грамматика башкирского языка. Изд. АН СССР.
- З а к и е в М.З. 1963, Синтаксический строй татарского языка. Изд. Казанского университета.
- З а к и е в М.З. 1970, О некоторых синтаксических моделях в алтайских и уральских языках. - Некоторые вопросы урало-алтайского языкознания, Уфа.
- И с а н б а е в Н.И. 1961, Деепричастия в марийском языке, Йошкар-Ола.
- К у п р и я н о в а З.Н. и др. 1957, Ненецкий язык, Ленинград.
- М и ч у р и н - А з м е к е й 1972, Россон чодыраште, Йошкар-Ола.
- Основы финно-угорского языкознания /вопросы происхождения и развития финно-угорских языков/, Москва 1974.
- П е р е в о щ и к о в П.Н. 1959, Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке, Ижевск.
- Р я т с е п Х. 1954, Инфинитные конструкции в финно-угорских языках. Автореферат канд. дисс., Тарту.
- С е р е б р е н н и к о в Б.А. 1967, О некоторых особенностях древнего синтаксиса языка коми. - Советское финно-угроведение, № 2.
- Т е р е щ е н к о Н.М. 1964, Выражение сложной мысли средствами простого предложения /на материале ненецкого языка/. - Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология, Москва-Ленинград.

- Тимофеева В.Т. 1961, Современный марийский язык. Синтаксис сложного предложения, Йошкар-Ола.
- Убрятова Е.И. 1976, Исследования по синтаксису якутского языка, II. Сложное предложение. Книга первая, Москва.
- Чавайн С.Г. 1967-1968, Сылнемутан произведений-влак I-IV, Йошкар-Ола.
- Шкетан М. 1950, Эренер, Йошкар-Ола.
- Шкетан М. 1962, Роман, пьеса, ойлымаш, очерк да статья-влак I-IV, Йошкар-Ола.
- Элексеин Я. 1963, Тоймак турым, Йошкар-Ола.
- Эрыкан Ал. 1966, Чолпан Иван, Йошкар-Ола.

G. V a l i t o v
(Joškar-Ola)

ON THE AGENT OF PARTICIPLE CONSTRUCTION
IN MARI

S u m m a r y

In the Mari language complex sentences have not been developed, complex ideas being expressed by means of different participle constructions. In the article the absolute or subjective participle construction is treated. It differs from other constructions in that it possesses an agent, which can be expressed by a noun or a pronoun in the nominative or genitive case, as well as by a possessive suffix. The construction corresponds to subordinate clauses in other languages: МИШАН ТОЛМЕКЕ, МЕ КИНОМ КАЙИНА 'When Misha come, we went to the cinema'. It is emphasized that a sentence containing one or more participle constructions is a simple one, the agent of the participle construction being an indirect subject (subject of the participle construction), but not the subject of the sentence.

LIIVI VERBISUFIKSID -nd- ja -ž-

Liivi keeles on 7 algupärast verbisufiksit, mis on erineva produktiivsusega. Väheseid verbe on tuletatud reflekstiivsust väljendavate sufiksitena -b- ja -g-.¹ Suure produktiivsusega on frekventatiive ja retsiprooke tuletav liide -l-.² Suhteliselt palju on tuletatud deskriptiivse või onomatopoeetilise varjundiga verbe ikš- sufiksi abil.³ Suhteliselt vähe on tuletatud translatiivsust väljendavaid verbe nd- sufiksi abil. Keeletarvitusse kuulub neist üleminevat tegevust väljendavatest verbidest vähe. Väheproduktiivne on olnud ka ž- liide.

1. -nd-

alānd 'alandada'.

Alānd, alānt pr. alāndōb, alāntōb herabsetzen, erniedrigen, demüthigen (LDW, 3); Alāndōb, alānd (KA) 'Alandab, alandada'.

Verb alānd leidub üksnes möödunud sajandil tehtud kirjanekuis. Etümoloogiliselt seostub ta vastavate läänemeresoome keelte sõnadega (vrd. e alandada, sm alenta). Tüve saab rekonstrueerida kujul alē-.

¹ E. V ä ä r i, Liivi verbisufiks -b- ja -g-. - Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, 344. Fenno-ugristica, Труды по финно-угроведению, I, Tartu, 1975, lk. 371-378.

² E. V ä ä r i, Frekventatiivse ning retsiprookse -l- liitega verbid ja algupäraste liidetega adverbid liivi keeles. - Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, 323. Toid eesti filoloogia alalt, IV. Tartu, 1974, lk. 35-105.

³ E. V ä ä r i, Liivi verbisufiks -ikš-. Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, 382, Fenno-ugristica, Труды по финно-угроведению, 2, Tartu, 1976, lk. 67-89.

apāndā 'hapneda'.

Apānd pr. apāndōb gähnen, säuern; sauer machen (LDW, 4); vōl äb_āppānd (LW, 12) 'Õlu ei hapne'; vana gruma vël sizal kis apandub neki lēba apatōks (P 175, M 3:10) 'Vana viha on veel sees, mis hapneb nagu leivajuuretis'; ku panāb sillō apāndān semdi / nōttidi (Kl) 'Kui pannakse sisse hapupiima, kapsaid'; nōttid panāp_ka apāndām (Va) 'Kapsad pannakse ka hapnema'; lēba apāndāB / āppān rok (Mn) 'Leib hapneb, hapnenud kali'; nōttid ni apāndābōD / m_m āppān te-giž (Sr) 'Kapsad nüüd hapnevad'; siis on jälle hapnenud'.

Verb apāndō on igapäevases keeletarvituses. Vasted on olemas lähemais sugulaskeelis, näit. e. hapneda, sm. hapan-tua, krjL hapanzoittada. Tüvi on soome-ugriline ning verbi vōib koos liitega taastada kujul *happantē-.

juōndō 'talutada, juhtida'.

juōnd pr. juōndōb führen, leiten (LDW, 28); ta t^oōi entš ābiz_juōndōš k^oodāi (LW, 96) 'Ta tõi oma hobuse talutades koju'; juōndō 'leiten, führen' (GLL, 164); juōn-diji tulāB (Kl) 'Junt tuleb'.

Verb juōndō (vrd. e juhendada) on tuletatud lää-nemeresoomelisest tüvest, mille koos sufiksiga saab taastada kujul *johtantē-. Igapäevases keeletarvituses on tavalisem juōdō 'juhtida, saata'.

kištānd 'kustutada'.

Kistand pr. kistandub (lvSal) abkühlen, lüften (LDW, 87).

Verb kištānd leidub üksnes Sjögreni-Wiedemanni teo-seis. Aluseks on läänemeresoomelise tüvega verb kistō 'kustutada'. Tänapäeval on tavaline kištāntō 'kustutada'. Sugulaskeeltes on vastavaid t-liitelisi kausatiive (vrd. e kustuta-da, eL kištutada, vdj kusuttāG).

kuōrand 'lugeda'.

Kuōrand pr. kuōrandōb lesen (LDW, 47).

Verb küörand leidub Sjögreni-Wiedemanni teoseis.
L. Kettunen ühendab tüve algupärase verbiga k^uörⁱ 'korjata, kokku lugeda' ning küörand võiks olla tõlkelaen (vrd. läti lasīt 'korjata, lugeda').⁴

küzänd 'küside'.

Küzänd pr. küzändõb fragen (LDW, 50).

Verb küzänd leidub Sjögreni-Wiedemanni teoseis, mistõttu tüves on veel ü-vokaal. Tänapäeval on keeletarvituses liiteta läänemeresoomeline verb kizzõ 'küside' (vrd. e küside, sm kysyä).

lāikandõ 'laiutada'.

mis jõvam siest livõdõn um ku ta magub ja lāiskan-
dub (F 175, M 3:10) 'Mis head on sellest liivlastele, et ta magab ja laiutab'.

Verb lāikandõ on tuletatud ilmselt liivi kooliõpetaja Mart Lepste poolt läänemeresoomelise tüvega adjektiivist lai^g 'lai'. Verb pole tulnud kasutusele.

lāiskandõ 'laiselda'.

Lāiskand pr. lāiskandõb faulenzen (LDW, 52);
kiss^u um lāiskandõn, si^{en} püttõb jarä (LW, 182) 'Kes on laiselnud, sellel on puudus'; kis mittõ midegõst äb tie, kis lāiskandõb (Livli, 12, 1932) 'Kes mitte midagi ei tee, kes laiskleb'; sis^u ta lāiskandõB / ta midagõst äptie 'Siis ta laiskleb, ta midagi ei tee'; lāiskandõB / kis um lāiska (Va) 'Laiskleb, kes on laisk'; lāiskandõB / äptõ strõdõ (Mn) 'Laiskleb, kes ei taha töötada'; lāiskandõbõD / kãbõt^u set idõ^u kupsõ (Kr) 'Laisklevad, käivad vaid üheskoos'.

Verb lāiskandõ on keeletarvituses, olles tuletatud balti laensõnast lāiska 'laisk'.

lopänd 'lõpetada, lõpule viia'.

Lopänd pr. lopändõb vollenden (LDW, 56).

⁴ L. K e t t u n e n , LW, lk. 165.

Verb lopand leidub Sjögreni-Wiedemanni teoseis. Tuletamisel on aluseks olnud läänemeresoomeline tüvi *loppu (vrd. ka lv loppē 'lõppeda'). Keeletarvitusse kuulub tänapäeval substantiiv lopandõks 'lõpp'.

mārgandō 'mädaneda, roiskuda'.

mārgand pr. mārgandōb faulen, verfaulen (LDW, 61); nāggārd mārgandōbōD (LW, 240) 'Kartulid mädanevad'; ūbbi lekš kuntš kurē mārgandiz jerā (NIK, 201) 'Hobune läks, kuni kurat mädanes ära'; ja kubbo muřtot pūmaterial ỹrgōb mārgandō 'Ja kokkumuretsetud puumaterjal hakkab mädanema'; amād ašād mārgandōbōD (KL) 'Kõik asjad mädanevad'; aina mārgandōb jarā / ku višō tulāB (Mn) 'Hein mädaneb ära, kui vihma tuleb'; vā / miñ siē pēgal igrōb mārgandō 'Vaat, mul see põial hakkab mädanema'; aina mārgandōB / vīla mārgandōB (Va) 'Hein mädaneb, vili mädaneb'; mišsās pū magūb māssō / siē ka mārgandōb jērā (Pz) 'Metsas puu lamab maas, see ka mädaneb ära'.

Verb mārgandō on tuletatud balti laensõnast mārga 'mārg'. Kuigi liivi keeles on verbi mārgandō tähendus erinev teiste sugulaskeelte analoogilistest sõnadest, saab sõnu siiski ühendada. P. Ariste andmeil on vadja keeles adjektiviseerunud kesksõna mārānnū (< *māryānnu) 'mäda, vilets'.

nālgand 'puudust kannatada, nälgida'.

nālgand pr. nālgandōb Mangel leiden (LDW, 67).

Verb nālgand leidub Sjögreni-Wiedemanni teoseis. Otseks vasteks on soome nälkiintyä (NS). Tüvi *nälkä on läänemeresoomeline.

oksnō 'oksendada'.

oksn pr. oksnōb vormiren, sich erbrechen (LDW, 73); didrikkēn vōl krūogvst tultsō oksnōmšst (LW, 263) 'Didrikul tuli kõrtsist tulles oksendada'; oksnōb (ÄH, 161) 'Oksendab'; un bro. utšōš ta. m o.ksnōn siē bo. r u. lžō (LT, 25) 'Ja sõites on ta oksendanud ussi välja'; un oksnōmšst (Mn) 'Tuleb

oksendada'; un siz um oksnôn (Pz) 'Siis on oksendamud'.

Verb oksnõ (vrd. e oksendada, sm oksentaa, krjL oksenduttada, oksentada) on tuletatud soomeugrilisest tüvest, millele koos suffiksiga saab taastada kujul *oksentä-. Et vokaali kao tõttu sattus kõrvuti neli konsonanti, langes suffiksi d välja (*oksentä- > oksnõ > oksnõ).

paränd 'parandada'.

Paränd pr. parändõb (LvSal parandub) verbessern (LDW, 77).

Verb paränd leidub Sjögreni-Wiedemanni teoseis. Soomeugrilise tüvega sõna seostub samatähendusliku verbiga paräntõ. Varasem kuju on *paranta-.

paškändä 'pasandada'.

Paskänd pr. paskändõb purgiren, Durchfall haben (LDW, 77); paškändäb (KA) 'Pasandab'; üõõõpõõga um rujä, ta paškändäb (LW, 276) 'Lambatall on haige: ta pasandab'; lüõõõs, paškändäb (Va) 'Loom pasandab'.

Verb paškändõ (vrd. e pasandada, sm paskantaa) on tuletatud soomeugrilist päritolu substantiivist paškä 'pask'.

pⁱerändõ 'pärandada'.

(Peränd pr. perändõb) erben (LDW, 300); ku itt amäd vüibõd tuovo valdust peränd (LG, 469) 'Et kõik võivad taeva valdust pärida'; vila pⁱerändijä (LW, 300) 'Varanduse pärija'; pⁱerändõks kil ma um külõn (Pz) 'Pärandust ma olen küll kuulnud'.

Verbi pⁱerändõ (vrd. e pärandada, sm perintä) on tuletatud soomeugrilist päritolu sõnast pⁱerä 'pära, lõpp'.

p^otkändõ 'plehku panna, ära joosta'.

p^otkändõ, jära p. (LW, 311) 'Ära joosta'.

Verb p^otkändõ ei kuulu keeletarvitusse. Tüvi *potka on läänemeresoomeline. Üldtuntud on st-liiteline p^otkästõ 'põtkastada, jalaga lüüa'.

rakāndā 'puhastada, rookida'.

Rakānd pr. rakāndōb Fische ausnehmen, reinigen (LDW, 90); rakāndāb (KA) 'Roogib'; lesti um rakāndānāst (LW, 328) 'Lesti tuleb puhastada'; ēzāks vol kaldi rakāndānāst (KL) 'Kõigepealt tuli kalu puhastada'; rakāndāb linād / lesti ka rakāndāB (Va) 'Puhastatakse linad, lesti ka roogitakse'.

Verb rakāndā on tuletatud algupärasest tüvest, mis lei-
dub eesti verbides rakkuma 'noaga õmblust lahti lõikama' (Saa)
rakkuma, rakma 'tapetud looma nülgima' (Trv), rakma 'rappi-
ma, rookima kalu' (Se).

reḡāndō ~ rikāndō 'rääkida, kõnelda'.

Rōkānd pr. rōkāndōb (rukānd) reden, sprechen, ver-
abreden (LDW, 95); rikāndōb (KA) 'Räägib'; mēg reḡkāndizēm
kōgin it tōizōks (LW, 334) 'Me rääkisime kaua üksteisega';
ikā kiḡd sarikāndānd r¹šk pālō lādō puba, tuḡḡol un velḡ (MLK,
61) 'Ükskord olid uba, tungal ja õlg kokku leppinud matkale
minna'; iz reḡkānd rā ndaki:eldō (LT, 33) 'Ei rääkinud lii-
vi keelt'; Jieds ilma suoddō rōkāndizto vel Rāndakielto Pa-
tikmās ja Gipkōl (RA, I, 60) 'Enne maailmasõda räägiti liivi
keelt veel Patikmaal ja Gipkas'; Ta atroḡkāndis un kītis (EMÖ,
9) 'Ta rääkis vastu ja ütles'; tāmā reḡkāndiz nei (KL) 'Ta
rääkis nii'; kōrli um reḡkāndōn (Va) 'Kaarel on rääkinud'; tē-
mā rikāndōB (Mu) 'Tema räägib'; mis tāmā rikāndōB (Pz) 'Mis
tema räägib'.

Verb reḡāndō ~ rikāndō (vrd. e rōkāndada) on tuletatud al-
gupärase tüvega sõnast reḡ 'kõne, jutt'.

salāndō 'varastada'.

Salānd pr. salāndōb (lvSal saladub) stehlen, be-
stehlen (LDW, 96); salāndāb (KA) 'Varastab'; salāndōs rikkāks
āp_sō (LW, 353) 'Varastades rikkaks ei saa'; ū.ōndzāl va -
rāld / nū.zōn / i.ldzō / lā.nt / sa.lāndōn iā.rāndōz (ULL,
114) 'Hommikul vara tõusnud üles, läinud varastanud ära';
si.z ne vā.ggē je.nnō sa.lāndist (LT, 71) 'Siis nad väga pal-

ju varastasid': Salandiz ammõ, nei ljestõ ku kammõ (IL, 21) 'Varastas kõike, nii lesti kui kammeljaid'; Siepierast ku äbjõvad mõtkõd tulbõd ulzõ sydämst, tappimi, abjelamiz rikimi, puortimi, salandimi (UT, 33) 'Sellepärast et halvad mõtted tulevad südamest välja, tapmine, abielu rikkumine, porduelu, varastamine'; saländõn rõdõ / saländõb, ibiži (Mn) 'Varastanud raha, varastab hobuseid'; saländõB / salliz / al-õ mittõ iks nãgõ (Sr) 'Varastab salaja, et mitte keegi ei näeks'.

Verb saländõ on liivi algupärane sõna. P. Ariste peab sõna soomeugriliseks, kirjutades: "В основном словарном фонде ливского языка имеется много таких слов финно-угорского происхождения, которые не знают другие прибалтийско-финские языки, например: ruja - "больной", umar - "яблоко", saländõ - "красть", türgõz - "перо", kãla - "остров", sẽmda - "молоко" и т.д."⁵ L. Kettunen ühendab semantilistest raskustest hoolimata liivi saländõ, eesti salgama ja soome salata.⁶ J. Mägiste ühendab liivi sõnad salai 'varas' ja saländõ 'varastada' mordva verbiga salams.⁷

uländ 'ulguda, vinguda'.

Uländ pr. uländõb heulen, winseln; summen (LDW, 122).

Verb uländ leidub Sjögreni-Wiedemanni teoseis. Hili-semas keeletarvituses on vastav substantiiv uländõks 'ulgumine, ulg'. Tuletamisel on lähtunud verbist ullõ 'uluda', mille tüvi ulv- on algupärane.

upändõ 'uppuda'.

Upänd pr. upändõb, jera u. ertrinken (LDW, 123); mis ma sin nittõ læp paldin upändõm (LW, 457) 'Mis ma sinna heinamaale nüüd lähen uppuma'; u-ppändõbõd, jera (LT, 41)

⁵ П. А. А р и с т э, К вопросу о развитии ливского языка. - Академия Наук СССР, Институт языкознания, Труды Института языкознания, IV, Москва 1954, стр. 257.

⁶ L. K e t t u n e n, LW, lk. 353.

⁷ J. M ä g i s t e, Liivi sõnaseletusi. - Eesti Keel, 5, 1931, lk. 130.

'Upuvad ära'; ama se sigäd bara aillis merre sizol un upändist jara siezo veddo (EMÖ, 27) "Kogu seakari jooksis merre sisse ja uppus sellesse vette"; ja kāra ētis ēntšta kūolta pāld jarro ja upandiz jara (UT, 131) 'Ja kari heitis ennast kaldalt järve ja uppus ära'; ikš matruz vol upändön jarā (F 175, M 1:15) 'Üks madrus oli uppunud'; upändõbõd rõust (Kl) 'Inimesed upuvad'; irèl ikš p^oiški v^ogl upändøn (Va) 'Irel oli üks poisike uppunud'; ristiõg upändõB (Mn) 'Inimene upub'.
 Verb upändõ on tuletatud algupärasest tüvest upo- (vrd. e uppuda, sm uppoutua).

üländ 'ülendada, kõrgendada'.

Uländ s. ulānt (LDW, 125).

Verb üländ leidub Sjögreni-Wiedemanni sõnaraamatus viitega nt-sufiksilisele tegusõnale. Tüvi ül- on algupärane ning sama kui adverbides illõ 'ülal', ilzõ 'üles' jts.

Kokku on registreeritud 22 nd- sufiksilist verbi. Kõik nad märgivad translatiivset tegevust, enamik neist on sealjuures sihilised. Keeletarvitusse kuuluvad apändõ, juondõ, läiskändõ, mārgandõ, oksnõ, paškändõ, pⁱerändõ, rakändõ, rekändõ ~ rikändõ, saländõ, upändõ - kokku 11 verbi. Tundmatuks on muntunud aländõ, kiständ, küoranD, küzänd, läikändõ, lopänd, nālgand, paränd, p^otkändõ, uländ, üländ - samuti kokku 11 verbi. Viimaseist 9 on Sjögreni-Wiedemanni teoseis da-infinitiivis nd-listena; kirjakeele uudissõnana on tarvitatud verbi läikändõ ning individuaaltuletisena Kettuse sõnaraamatus esinevat p^otkändõ.

Algupärane läänemeresoome või soome-ugri tüvi on tuletamisel aluseks olnud verbides aländ, apändõ, juondõ, kis-tand, küoranD, küzänd, läikändõ, lopänd, nālgand, oksnõ, pa-ränd, paškändõ, pⁱerändõ, p^otkändõ, rakändõ, rekändõ ~ rikändõ, saländõ, uländ, upändõ, üländ. Balti tüvest on tuletatud läiskändõ ja mārgandõ.

Sufiks -nd- (sõnas oksnõ foneetilistel põhjustel (-n) sisaldab soomeugrilise nt-ühendi, millele on varasemas läänemeresoome algkeeles võinud liituda muid elemente.⁸ Liivi

⁸ E. N. S e t ä l ä , ÄH, lk. 100; T. L e h t i s a - l o , PUA, lk. 351.

keele ainestikku arvestades on võimalik liite varasemaks kujuks rekonstrueerida *-nta- (eesvokaalne variant *-ntä), mis andis reeglipärase kjuju -nd-.

52830-sõnalise kaasaegse liivi keele teksti analüüsisist selgub, et tarvitamissageduselt reastuvad sõnad järgmiselt: rekändõ-rikändõ (49), saländõ (14), upändõ (9), juondõ (3), märgandõ (3), oksnõ (2). Ülejäänud keeletarvitusse kuuluvad sõnad tekstis ei esine, nende olemasolu on selgitatud küsitluste teel.

2. - ž -

bēndžžē 'pomiseda, põmiseda, sumiseda'.

Bōndž pr. bōndžōb (LDW, 12) 'Sumiseda'; mēdliŋkrizd bēndžžēbēD (LW, 22) 'Mesilased sumisevad'; mⁱedliŋkist ka bēndžžēdēD (Kl) 'Mesilased ka sumisevad'; bēndžžēB / selli mārā tiemi ta v^uolks (Va) 'Sumiseb, selline müra tegemine see oleks'.

Verb bēndžžē (vrd. e pōmiseda, sm pomista) on lääneme-resoomeline ning varasemaks kujuks saab taastada *pomise- (vt. ka bomikšē, FU, 2, lk. 68). Muutus p > b sõna alguses on onomatopoeetilistes sõnades võimalik.

dēžžē 'väriseda, vappuda, rappuda'.

Dōžž pr. dōžžōb (dūržž pr. dūržžōb) beben, erschütt-ert werden, erzittern (LDW, 14); lašēbēt_{ku} lāb_{rūt}tād_{dē}žžēbēD (LW, 37) 'Lasevad, nii et aknaruudud värisevad'; dēžžē, dūržžē (GIL, 141) 'Rappuda, väriseda'; si^s s^t a^m lānd je^tspēdān neⁱku a^{ma} i^lma dē^ržžēn (LT, 23) 'Siis ta on läinud edasi, nii et kogu maailm on värisenud'; lābūd_{dē}žžēbēD (Kl) 'Aknad värisevad'; kīlmast dēžžēB (Sr) 'Kilmast väriseb'.

Verb dēžžē (vrd. e tāriseda, sm tāristā) on onomatopoeetilist päritolu. Varasemaks kujuks saab taastada *tā-

rise. Muutus t > d on onomatopoeetilistes sõnades hääliku-
seaduslik.

gil(d)žž 'kiliseda, kõliseda'.

gilš pr. gilšob (LDW, 17) 'Kõliseb'; gilžab (ÄH, 4)
'Kõliseb'; tämmân rō gilžis kabatsā (LW, 57) 'Tal raha kõ-
lises taskus'; un ku¹ne kũ¹lõbõt¹edā k¹ellõ ge¹lžām (LT,
48) 'Ja kui nad kuuluvad seda kella kõlisesmas'; kiela gilžāB
(Kl) 'Kell kõliseb'.

Verb gil(d)žž (vrd. e kiliseda, sm kilistä, krjL ki-
listä) on tuletatud onomatopoeetilisest tüvest *kili-, mil-
le koos sufiksiga saab taastada kujul *kilise-. Muutus k > g
sõna alguses on reeglipärane onomatopoeetilistes tüvedes.

glēbžž~glābžž 'klõbiseda, klobiseda'.

Glāš pr. glāšob klappern, anschlagen (LDW, 18);
lāb¹lōdad glēbžžbōD (LW, 58) 'Aknalauad klobisevad'; ambāD
glābžžbōD (Va) 'Hambad klõbisevad'; lōdad glēbžžbōD (Kr)
'Lauad klobisevad'.

Verb glēbžž~glābžž (vrd. e klõbiseda, klobiseda, sm la-
pista, lopista) pärineb onomatopoeetilisest tüvest, mille
koos sufiksiga saab taastada kujul *klopise- klepise-.
Kitsamalt on tuntud variant glēbžž.

grābžž 'krabiseda'.

Grāž pr. grāžob klappern, rascheln (LDW, 18);
grābžž (LW, 62) 'Krabiseda'; ne¹ka kōak¹ ka grābžžB (Va)
'Nagu kasukas ka krabiseb'.

Verb grābžž (vrd. e krabiseda, sm rapista, krjA krabis-
ta, grabišta, vdj krabissa) on tuletatud onomatopoeetili-
sest tüvest, mille koos sufiksiga saab taastada kujul *kra-
pise- (vrd. ka krābikšē, FÜ, 2, lk. 74-75). Läti verbid gra-
bēt ja grabināt võivad olla mõjustatud liivi verbist.

keržž 'käriseda, lāriseda'.

pi¹ ūttāb nekka mešā keržžB (LW, 116) 'Koer haugub, mi

et mets käriseb'; metsä nei kerzõks / ku piñ utab (KL) 'Mets nagu käriseks, kui koer haugub'; kerzõb / piñ päl sõp k'ittõ (Va) 'Läriseb, koera kohta öeldakse'; Mis tæg sidä rükõt ja ourõt, nei ku ama ilma kerzõb? (JL, 54) 'Mis te nii nutate ja karjute, nii et kogu maailm käriseb?'

Verb kerzõ (vrd. e käriseda, sm kärsiä, krj kärzi-, vđj tšärsiä) on tuletatud onomatopoeetilisest tüvest, mille koos sufiksiga saab taastada kujul *kärise-. Foneetiline variant on Sjögreni-Wiedemanni sõnaraamatus leiduvas ühendis Korziä pusk (LDW, 51).

kibzõ 'kibiseda, kipitada'.

nõgõ kibzõb (LW, 123) 'Nahk kipitab'; kibzõb / ku sinnän um midäd katki // vanä sēmda ka kibzõb (KL) 'Kipitab, kui sul on midagi katki. Vana piim ka kibiseb' ne ku seüläks/ nei kibzõb (Va) 'Nagu sügeleks, nii kipitab'; un kiñgan tōmi kibzõb, õigis jelämiz pierro (EMÖ, 12) 'Ja kelle tahtmine kipitab õige elu järele'.

Verb kibzõ (vrd. e kibiseda, sm kivistää, krjA kivistä, krjL kibištää, vps, kibištää) on tuletatud onomatopoeetilisest tüvest, mille koos liitega saab taastada kujul *kipise-.

merzõ 'müriseda, uriseda'.

Murz, murš pr. murzõb (lvSal murz pr. murzub) lärmen, poltern, rauschen (LDW, 65); pitki merzõb (LW, 201) 'Pikne müriseb'; piñ um kezzi / merzõb (Va) 'Koer on kuri: uriseb'; pitki mirzõb (Pz) 'Pikne müriseb'; mõrzõb ku pitki, äb uo pitki (JL, 53) 'Müriseb kui pikne, ei ole pikne'; Me-tõr irgiz mõrõ (Līvli, 1, 1931) 'Mooster hakkas mürisema'.

Verb merzõ (vrd. e müriseda, sm myristä, möristä, krjA mörista, vđj mürissä) on tuletatud onomatopoeetilisest tüvest, mille koos liitega saab taastada kujul *mürise-.

mudzõ 'kubiseda, kihiseda, mudiseda'.

Mudz pr. mudzub wimmeln (LDW, 64); kärmist mudzõbõd

it_kuežōs (LW, 233) 'Kärbsed kubisevad ühes kehas'; kukrist mudššbšD (Kl) 'Putkad kihisevad'.

Verb mudžō (vrd. e mudiseda, sm mutista) on tuletatud onomatopeetiliseist tüvest, mille koos liitega saab taastada kujul *mutisē-.

neržō 'uriseda, krudiseda'.

Nerž pr. neržōb (nerž pr. neržōb) knarren, brummen, marren (LDW, 72); rebbi neržiji nekka piñ (LW, 245) 'Rebane urisevat nagu koer'; ta šb_uta / ta set neržšB (Kl) 'Ta ei haugu, ta vaid uriseb'; piñ neržšB / ku um kezzi / utamšst šb_uta (Va) 'Koer uriseb, kui on kuri, haukamise kombel ei haugu'; entš tubas külön piñš nöržōm (LF, IV) 'Oma toas kuulnud koera urisemas'; Ta nöržōb vägiž (Līvli, 12, 1932) 'Ta uriseb vaikselt'; ja lum jālgađ all nöržis (Līvli, 3, 1935) 'Ja lumi jalgade all krudises'.

Verb neržō (vrd. e nōriseda, sm nurista, krjA nurissa) on tuletatud onomatopeetiliseist tüvest. Koos liitega saab selle taastada kujul *nerisē-~nurisē- (vt. ka nerikšō, PU, 2, lk. 77).

tšūžō 'sisiseda, sohiseda, sahiseda'.

Tšūž pr. tšūžōb (lvSal tšūkst) zischen, sausen, flüstern, zischeln (LDW, 117); va ku ūška tšūžšB (LW, 436) 'Vaat, kuidas uss sisiseb'; itškabald tšūžšbšD (Kl) 'Ütelugu sisisevad'; un ūška, ku um kezzi, sis_ta tšūžšB (Va) 'Ja uss, kui on vihane, siis ta susiseb'; ni tulab nei-jen miri-ne neiku ne pōžōđ tšūžšbšD (LF, IV) 'Siis tuleb nii palju surmaid, et pōžōđ sahisavad'; pušit_tšūžšbšD, munad likkšbšD (LF III) 'Putsid sahisavad, munad liiguvad'.

Verb tšūžō (vrd. e. susiseda, sm sohista) on onomatopeetiliselt päritolu. Verbi koos liitega saab taastada kujul *susisē-~sosisē-. Häälikuliselt lähedane on lätikeelne šūžēt, kuigi laenamist ei saa nentida.

veržō 'väriseda'.

Verž pr. veržōb, verž, verš (lvSal varž, verz pr.

varzub, verzub) zittern, beben, erschüttert werden (LDW, 132);
kilmast ašbōd veržābōd (LW, 479) 'Kilmast hambad värisevad';
veržāB / ku ristīngān um kīlma (Sr) 'Väriseb, kui inimesel
on külm'; vanādān veržāpā īxētšōst (Kl) 'Vanadel väriseb
pea iseenesest'; verž, verž, ābē-lēd tūl sīnda veržtub (VL,
260) 'Värise, värise, haavalekt, tuul sind väristab'.

Verb veržā (vrd. e väriseda, sa väristā) on tuletatud
onomatopoeetilisest tüvest, mille koos liitega saab taastada
kujul värise-.

Kokku on registreeritud järgmised 12 ž-liitelist sõna:
beñāžō, deřžō, gil(d)žō, glēbžō, glābžō, grābžō, keržō, kibžō,
meřžō, mudžō, neřžō, tšūžō, veržō. Kõik nad on onomatopoeeti-
list päritolu ning väljendavad kestvut tegevust. Kõik 12 ver-
bi kuuluvad keeletarvitusse, 10 on olemas Sjögreni-Wiedeman-
ni sõnaraamatus, puuduvad keržō ja kibžō. Verbid lähtuvad al-
gupärastest tüvedest, sõnadel grābžō ja tšūžō on lähedased
vasted läti keeles. Sõnad beñāžō, deřžō, gil(d)žō, glēbžō,
glābžō, grābžō algavad helilise kulusiiliga, kuigi sugulas-
keeltes vastavad verbid on helitu algusklusiiliga. Onomato-
poeetilistes verbides on b, d, g sõna alguses ootuspärane.⁹

Sufiksi varasemaks kujuks saab taastada -ise-, mis on
aluseks nii ž- kui ka ikā-liitele. Mitmed verbid esinevadki
kõrvuti enam-vähem samas tähenduses: beñāžō ja bomikšō,
gil(d)žō ja gilikšō, grābžō ja krābikšō, meřžō ja merikšō ~
murikšō, neřžō ja nerikšō ~ murikšō.

52830-sõnalise kaasajuse liivi keele teksti analüüs kin-
nitab, et tarvitamissageduselt reastuvad sõnad järgmiselt:
veržō (3), deřžō (1), gil(d)žō (1), meřžō (1).

Ö L u h e n d i d

KMÖ = Das Evangelium Matthäi in den östlichen Dialect
des Livischen zum ersten Male übersetzt von dem Liven

⁹ E. N. S e t ä l ä , ÄH, lk. 4.

H. P o l l m a n n , London 1863; P = ENSV TA Fr. R. Kreutzwaldi nim. Kirjandusmuuseumi fondide liivi materjalide mapid (M); FU = Fennougristica, 2, Tartu Riikliku Ülikeoli Toimetised, 382, Tartu 1976; GLL = L. P o s t i , Grundzüge der livischen Lautgeschichte.- Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia LXXX. Helsinki 1942; JL = P. D a m b e r g , Jemakiel lugdöbräntöz sküel ja kuod pierast, I. Helsinki 1935; LDW = F. J. W i e d e m a n n , Joh. Andreas Sjögren's Gesammelte Schriften, II_{II}. St. Petersburg 1861; LF = ENSV TA Fr. R. Kreutzwaldi nim. Kirjandusmuuseumi arhiivraamatukegu liivi keele fondid; LG = F. J. W i e d e m a n n , Joh. Andreas Sjögren's Gesammelte Schriften II_I. St. Petersburg 1861; Livli = ajaleht "Livli", nr-d 1, 1931; 12, 1932; 3, 1935; Li = K. S t a l t e , Livõ lölöd, Tallinna 1924; LP = J. M ä g i s t e , Liiviläisiä tekstejä. - Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 276. Helsinki 1964; LW = L. K e t t u n e n , Livisches wörterbuch mit grammatisches einleitung. - Lexica Societatis Fennougricae, V. Helsinki 1938; NS = Nyky-suomen sanakirja, I-III, Pervo-Helsinki 1966; PUA = T. L e h t i s a l o , Über die primären ururalischen ableitungssuffixe. - Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia, LXXII, Helsinki 1936; RA = Rändalist äjgarantöz 1933 äjgastön. Rīga 1933; ULS = L. K e t t u n e n , Untersuchung über die livische sprache, Tartu 1925; UT = Üž testament, Helsinki 1937; VL = O. L o o r i t s , Volkslieder des Liven. - Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused, XXVIII, Tartu 1936; AH = E. N. S e t ä l ä , Yhteissuomalainen Männehistoria. Helsinki 1890.

e = eesti keel; eL = lõunaeesti murre; li = liivi keele Ira murrak; Kl = liivi keele Kolka murrak; Kr = liivi keele Koštrõgi murrak; krj = karjala keel; krjA = karjala keele anuse murre; krjL = karjala keele lüüdi murre; lvSal = liivi keele salatsi murre; Mn = liivi keele Mustanumme murrak; Pz = liivi keele Piza murrak; Saa = eesti keele Saarde murrak; sm = soome keel; Sr = liivi keele Sikkõgi murrak; Trv = eesti keele Tarvastu murrak; Se = eesti keele setu murre; Va = liivi keele Vaide murrak.

ЛИВСКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ -nd- и -ī-

В ливском языке встречается всего 7 глагольных суффиксов, продуктивность которых различна. Относительно малопродуктивными являются суффиксы -nd- и -ī-. По письменным, рукописным и устным данным, с помощью суффикса -nd- образовано 22 глагола, а суффикса -ī- - 12 глаголов. Все nd--глаголы выражают переходное действие, а ī--глаголы - продолжительное действие как оноματοпоэтические слова.

Суффикс -nd- исконный и в более древней форме реконструируется в виде *-nta, *-ntā. Суффикс -ī- также исконный, возникший из *-ise-, из которого образовался также -ikš. В начале некоторых глаголов выступают b, d, g, но это закономерно в оноματοпоэтических словах.

Из 22 nd-глаголов 11 входят в активный словарный состав, 11 в пассивный. Всего 20 основ исконного происхождения. В глаголах lāikandš и mārgandš основа заимствована из латышского языка. Все ī-глаголы относятся к активному словарю.

Анализ текстов /55830 слов/ показывает, что наиболее частотными являются: 1/ nd-глаголы rekāndš ~ rikāndš 'говорить', salāndš 'красть', urāndš 'тонуть', jubndš 'руководить', mārgandš 'истлевать', okānš 'рвать'; 2/ ī-глаголы veīzš 'дрожать', deīzš 'громыхать', gild(ī)š 'звенеть', meīzš 'прохотать'.

E. V Ä Ä r i
(Tartu)

DIE LIVISCHEN VERBALSUFFIXE -nd- UND -ž-

Z u s a m m e n f a s s u n g

In der livischen Sprache gibt es 7 Verbalsuffixe von unterschiedlichen Produktivität. Verhältnismäßig gering ist die Anzahl der durch -nd- und -ž- abgeleiteten Verben. Auf Grund der schriftlichen, handschriftlichen und mündlichen Materialien und Angaben sind mit dem Suffix -nd- 22 Verben gebildet worden, mit dem Suffix -ž- 12 Verben. Alle Verben auf den Suffix -nd- bezeichnen eine translative, auf Suffix -ž- aber eine anhaltende Naturlaute nachahrende Tätigkeit, sind also der Herkunft nach onomatopoetische Wörter.

Das Suffix -nd- ist genuin, seine frühere Form ist *-ise-, die auf die Grundlage für das -iks- bildet. Mehrere Verben mit dem Suffix -ž- beginnen mit dem stimmhaften Verschlusslaut b, d, g, was in onomatopoetischen Wörtern als lautgesetzlich anzusehen ist.

Von den Verben auf -nd- stehen 12 im Sprachgebrauch, 12 sind passiv geworden. 20 Verben haben genuinen Stamm, während der von Verben läikandž und mārgandž aus den baltischen Sprachen stammt. Der Stamm der Verben auf -ž- ist genuin und die Verben sind auch heute gebräuchlich.

Die Textanalyse ergab für diese Verben der Gebrauchshäufigkeit nach folgende Reihenfolge: 1) Verben auf -nd-: rekandž ~ rikandž 'sprechen', salandž 'stehlen', upandž 'ertrinken', juondž 'führen, leiten', mārgandž 'faulen', oksnž 'sich erbrechen'; 2) Verben auf -ž-: veržž 'zittern', deržž 'dröhnen', gil(d)žž 'klingen, klirren', mežžž 'donnern'.

SISUKORD - ОГЛАВЛЕНИЕ

Бессо́на	3
P. A l v g e, Lausestruktuuri arengust uurali keeltes.	5
П. А л в р е, О развитии структуры предложений в уральских языках. Р е з ю м е	19
P. A l v g e, Vana kirjakeele lõunaestilisi küsisõnu.	20
П. А л в р е, О южноэстонских вопросительных словах в раннем литературном языке. Р е з ю м е	26
P. A r i s t e, Deutsche Lehnwörter im Wotischen	27
П. А р и с т э, Немецкие заимствования в водском языке. Р е з ю м е	38
З. К. И в а н о в а, Обобщающие слова при однородных членах предложения в марийском языке	39
Z. K. I v a n o v a, Generalizing Words to Homogeneous Members of the Sentence in the Mari Language.	
С и м м а г у	50
A. К ю н н а п, Русские лексические заимствования в южносаамодийских языках (XIX - нач. XX вв.)	51
A. K ü n n a p, Venäläiset lainasanat eteläsaamejedissa (1800-luku - 1900-luvun alku). T i i v i s - t e l m ä	66
Л. Ф. М а р к и а н о в а, О морфологических чередованиях гласных на морфемном шве карельского производного глагола	67
L. F. M a r k i a n o v a, Über den morphologischen Vokalwechsel an der Morphemjunktur der karelischen abgeleiteten Verbs. Z u s a m m e n f a s - s u n g	78
К. М о к а н ь, Методика обработки лингвогеографических карт венгерской диалектологической школой...	79
K. M o k á n y, Zur Methodik der Bearbeitung der sprachgeographischen Karten durch die ungarische dialektologische Schule. Z u s a m m e n f a s s u n g .	84
P. P a l m e o s, Inessiv karjala Džorža murrakus	85
П. П а л ь м е о с, Инессив в держанском говоре карельского языка. Р е з ю м е ,	93

Г. Н. Романова, Прядильная и ткацкая терминология в коми языке	94
G. N. Romanova, <i>Spinning and Weaving Terminology in the Komi Language. Summary</i>	102
Б. Ш. Загуляева, Морфологические особенности прикильмезских говоров удмуртского языка	103
B. Zaguljajeva, <i>Morphological Peculiarities of the Kilmez River Dialects of the Udmurt Language. Summary</i>	110
Б. Ш. Загуляева, Сочетания фонем в прикильмезских говорах удмуртского языка	III
B. Zaguljajeva, <i>Combinability of Phonemes in the Kilmez River Dialects of the Udmurt Language. Summary</i>	123
L. Treiman, <i>Prantsuse keelest pärinevaid sõnu toidumajanduse alalt eesti kirjakeeles 17.-19. sajandi kuuekümnendate aastateni</i>	124
L. Treiman, <i>Wörter französischer Herkunft auf dem Gebiete der Ernährung in der estnischen Schriftsprache vom 17. Jh. bis zu den sechziger Jahren des 19. Jh. Zusammenfassung</i>	135
Г. Валитов, О субъекте деепричастных конструкций в марийском языке	136
G. Valitov, <i>On the Agent of participle Construction in Mari. Summary</i>	145
E. Väärri, <i>Liivi verbisufiksид -nd- ja -z-</i>	146
Э. Вяари, Ливские глагольные суффиксы <u>-nd-</u> и <u>-z-</u> . Резюме	160
E. Väärri, <i>Die livischen Verbalsuffixe -nd- und -z-. Zusammenfassung</i>	161

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 517. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ И ГРАММА-
ТИКИ УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ. Труды по финно-угроведению 6. На
русском, эстонском и немецком языках. Разные на разных
языках. Тартуский государственный университет. ЭССР, г.
Тарту, ул. Пилксона, 14. Ответственный редактор Э. Вярм.
Сдано в печать 18.01.80. Бумага печатная 30x45 1/4. Лист.
листов 10,25. Учетно-машат. листов 10,02. Тираж 400. Изд.
01027. Типография ПТУ, ЭССР, г. Тарту, ул. Пилсона, 14.
Зах. № 1679. Цена 1.50.